

ДУРНАЯ

КРОВЬ

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

СЕРИЯ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ

Кэсси Хоббс присоединилась к федеральной программе «Естественные» с единственной целью: раскрыть правду об убийстве своей матери. Но теперь всё, что Кэсси знала о произошедшем той ночью, поставлено под сомнение. Её мать жива и находится в плену у людей, куда более влиятельных — и опасных — чем кто-либо, с кем прежде сталкивались Естественные.

Пытаясь раскрыть секреты группировки, тайно убивавшей людей уже много поколений, Кэсси и её команда узнаю, что у них совсем мало времени.

Новые жертвы. Новые предательства. Новые тайны.

С каждым новым трупом становится ясно — на этот раз Естественные не просто охотятся на серийных убийц.

Ты
Без порядка, появится хаос.
Без порядка, появится боль.
Крутится колесо. Отнимаются жизни. Семь владык. Семь способов убийства.
На этот раз — огонь. Девятеро сгорят.
Так было решено, и так случится. Колесо уже крутится. Существует порядок.
И в центре всего этого — всего этого — ты.

ГЛАВА 1

У сидящего напротив меня серийного убийцы глаза его сына. Та же форма. Тот же цвет. Но блеск в его глазах, огонёк предвкушения — он только твой.

Опыт — и мои наставники из ФБР — научили меня тому, что обращаясь к людям, а не разговаривая о них, я могу забираться в их головы ещё глубже. Поддавшись нужде профилировать, я продолжила изучать сидящего напротив меня мужчину. Если бы ты мог, ты бы причинил мне боль. Я знала это даже до того, как приехала в эту тюрьму с повышенным уровнем охраны и увидела едва заметную улыбку, появившуюся на губах Дэниела Рэддинга, стоило его взгляду встретиться с моим. Причинив мне боль, ты ранишь мальчика. Я всё глубже и глубже погружалась в психопатические мысли Рэддинга. А ты любишь ранить мальчика.

То, что руки Дэниела Рэддинга были одеты в наручники и прикованы к столу, не имело значения. Как и то, что у двери стоял вооруженный агент ФБР. Передо мной сидел один из самых жестоких серийных убийц в мире. Если я позволю ему пробраться сквозь мою оборону, он выжжет на моей душе своё клеймо, с той же уверенностью, с какой он выжигал букву «Р» на коже своих жертв.

Свяжи их. Заклейми их. Режь их. Повесь их.

Так Рэддинг убивал своих жертв. Но сегодня меня привело сюда не это.

— Однажды вы сказали, что я никогда не найду человека, убившего мою мать, — мои слова звучали спокойнее, чем я себя чувствовала. Я знала этого психопата достаточно хорошо, чтобы понимать — он попытается вывести меня из себя.

Ты попытаешься зарыться в мои мысли, посеять в них вопросы и сомнения, чтобы уходя из комнаты, я забрала часть тебя с собой.

Вот, что Рэддинг сделал несколько месяцев назад, когда неожиданно заговорил о моей

матери.

И поэтому я вернулась сюда.

— Я так сказал? — медленно и вкрадчиво улыбаясь, спросил Рэддинг. — Звучит так, как будто я мог упомянуть что-то подобное, но... — он пожал плечами.

Я сложила руки на столе и принялась ждать. Это ты хотел, чтобы я вернулась сюда. Это ты забросил удочку. Вот она я, проглотила наживку.

Наконец, Рэддинг заговорил.

— У тебя наверняка есть, что мне сказать, — Рэддинг обладал типичным для «организованных убийц» терпением — но только на своих условиях, а не на моих. — В конце концов, — продолжил он с низким гулом в голосе, — у нас с тобой столько общего.

Я знала, что он имел в виду мои отношения с его сыном. А ещё я знала, что для того, чтобы получить то, чего я хотела, мне придется это признать.

— Вы говорите о Дине.

Стоило мне произнести имя Дина, безумная улыбка Рэддинга расширилась. Мой парень — ещё один Естественный — не знал о том, что я была здесь. Он настоял бы на том, чтобы поехать со мной, а я не могла так с ним поступить. Дэниел Рэддинг мастерски манипулировал людьми, но его слова никогда не смогут ранить меня так, как каждое из них ранит Дина.

— Мой сын вообразил, что он в тебя влюблен? — Рэддинг подался вперед, складывая руки в точности как я. — Ты пробираешься в его комнату по ночам? Он зарывается ладонями в твои волосы?

Лицо Рэддинга смягчилось.

— Когда Дин сжимает тебя в своих руках, — нараспев пробормотал он, — ты думаешь о том, что ещё немного, и он свернет тебе шею?

— Наверное, вас беспокоит то, — мягко произнесла я, — как невероятно мало вы знаете о своём сыне.

Если Рэддинг хочет сделать мне больно, ему понадобится что-то большее, чем попытка заставить меня сомневаться в Дине. Если он хочет, чтобы его слова преследовали меня на протяжении дней и недель, ему придется ударить меня по самому больному. По моей слабости.

— Наверное, тебя беспокоит то, — Рэддинг повторил мне мои же слова, — как невероятно мало ты знаешь о том, что случилось с твоей собственной матерью.

В моих мыслях всплыла окровавленная гримерка моей матери, но я заставила своё лицо принять нейтральное выражение. Я подстроила всё так, чтобы Рэддинг ударил меня по больному месту, а сделав это, он направил разговор именно туда, куда я хотела.

— Разве не поэтому ты здесь? — бархатным и негромким голосом спросил у меня Рэддинг. — Чтобы узнать, что мне известно об убийстве твоей матери?

— Я здесь, — сверля его взглядом, произнесла я, — потому что я знаю, что, когда вы поклялись, что я никогда не найду убийцу моей матери, вы говорили правду.

У каждого из пятерых подростков в федеральной программе «Естественные» была своя специальность. Я была профайлером. Лия Чжан — детектором лжи. Несколько месяцев назад она назвала слова Рэддинга о моей матери правдой. Сейчас я чувствовала, как по другую сторону двухстороннего зеркала, Лия готовится разделить каждую фразу отца Дина на правду и ложь.

Настало время раскрыть карты.

— Я хочу узнать, — сказала я сидящему передо мной убийце, — в чём именно заключалась эта правда. Когда вы пообещали мне, что я никогда не найду мужчину, который убил мою мать, вы думали, что это сделала женщина? — я сделала паузу. — Или вы считали, что моя мать всё ещё жива?

Десять недель. Вот, как долго мы искали зацепку — любую, пусть даже самую маленькую — в деле о группе серийных убийц, которые фальсифицировали смерть моей матери шесть лет назад. И с тех пор держали её в плену.

— Это не простой визит, не так ли? — Рэддинг откинулся на спинку стула и склонил голову на бок, в то время как его глаза — глаза Дина — беспристрастно изучали мои. — Ты не просто достигла переломного момента; мои слова не съедали тебя постепенно месяц за месяцем. Ты что-то знаешь.

Я знала, что моя мать была жива. Знала, что она была у этих монстров. А ещё я знала, что я пойду на всё, заключу сделку с любым дьяволом, чтобы их уничтожить.

Чтобы вернуть её домой.

— Что бы вы ответили, — спросила я у Рэддинга, — если бы я сказала вам, что существует тайное сообщество серийных убийц, которое убивает девятых жертв каждые три года? — я слышала напряжение в собственном голосе. Я даже не походила на себя. — Что бы вы ответили, если бы я сказала вам, что эта группа погрязла в ритуалах, что они убивали больше столетия, а я собираюсь их уничтожить?

Рэддинг подался вперед.

— Полагаю, я бы ответил, что захочу увидеть, что эти люди сделают с тобой за то, что ты их преследовала. Увидеть, как они разорвут тебя на части.

Продолжай, больной монстр. Расскажи мне, что они со мной сделают. Расскажи мне всё, что знаешь.

Внезапно Рэддинг замолчал, а затем усмехнулся.

— Ну разве ты не умная девочка? Вот так заставить меня заговорить. Теперь я понимаю, что в тебе видит мой мальчик.

На моей челюсти дернулся мускул. Я почти расколола его. Я была так близка...

— Ты читала Шекспира, девочка? — среди прочих очаровательных качеств, этот серийный убийца любил Барда с Эйвона.

— «Будь верен сам себе»? — мрачно предположила я, гадая о том, как заставить его снова заговорить о том, что было мне нужно.

Рэддинг улыбнулся, его губы приоткрылись, обнажая зубы.

— Я думал скорее о чём-то из «Бури». «Ад пуст. Все бесы здесь».

Все бесы. Убийца напротив меня. Сумасшедшая группировка, похитившая мою мать.

Семь Владык, — прошептал голос в моей памяти. — Пифия. И Девятка.

— Учитывая то, что я знаю об этом коллективе, — произнёс Рэддинг, — если твоя мать была у них все эти годы? — без какого-либо предупреждения он рванул вперед и поднёс своё лицо так близко к моему, насколько это позволяли его цепи. — Возможно, она и сама стала тем ещё бесом.

ГЛАВА 2

Как только Рэддинг бросился ко мне, стоявший у двери агент ФБР потянулся за своим оружием. Я уставилась в застывшее в дюймах от моего лица убийцы.

Ты хочешь, чтобы я отшатнулась. Насилие означало власть и контроль — у кого-то они были, а у кого-то — нет.

— Всё в порядке, — сказала я сопровождающему меня агенту. Агент Вэнс работал с агентом Бриггсом с тех пор, как я присоединилась к программе «Естественных». Был решено, что он будет охранять меня, а Бриггс и его напарница — агент Стерлинг — решили остаться по другую сторону двухстороннего зеркала. Их многое связывало с Дэниелом Рэддингом, а сейчас мы хотели, чтобы психопат сосредоточился на мне.

— Он не может мне навредить, — сказала я агенту Вэнсу, не только чтобы успокоить его, но и ради моей цели. — Он просто театральничает.

Я говорила короткими фразами, стараясь завлечь Рэддинга в эту словестную шахматную партию. По крайней мере, я заставила его признать, что он знает о существовании этой группы. Теперь я должна была узнать, что он о них слышал и от кого.

Мне нужно было сосредоточиться.

— Не стоит волноваться, — Рэддинг откинулся на спинку стула и поднял свои закованные руки в извиняющемся жесте. Вэнс вернул свой пистолет в кобуру. — Я просто стараюсь быть откровенным, — уголки губ Рэддинга изогнулись, и он снова сосредоточился на мне. — Человека можно сломать. А сломанного человека — такого, как твоя мать — можно превратить во что-то новое. — Рэддинг склонил голову на бок и прикрыл глаза, словно он особенно ярко грезил на яву. — Что-то великолепное.

— Кто они? — не клюнув на наживку, спросила я. — Где вы о них слышали?

Последовала долгая пауза.

— Допустим, я что-то знаю, — лицо Рэддинга замерло. Он говорил не мягко, но и не повышал голоса. — Что я получу взамен?

Рэддинг был очень умным и расчётливым садистом. У него было всего две одержимости. То, что ты делал со своими жертвами. И Дин.

На столе мои ладони сжались в кулаки. Я знала, что я должна сделать, и бесспорно знала, что я это сделаю. Не важно, как ужасно я буду себя чувствовать. Не важно, как сильно я не хотела произносить эти слова.

— Теперь Дин берет меня за руку чаще, чем раньше, — я опустила взгляд на свои ладони. Они дрожали. Я заставила себя перевернуть левую ладонь и коснуться её пальцами правой руки. — Его пальцы переплетаются с моими, а большой палец... — я сглотнула, касаясь большим пальцем своей ладони. — Его большой палец выводит на моей ладони крохотные круги. Иногда он проводит пальцами по наружной стороне моих. Иногда... — слова застряли у меня в горле. — Иногда я провожу пальцами по его шрамам.

— Он получил эти шрамы от меня, — судя по выражению лица Рэддинга, он наслаждался этими словами, и будет наслаждаться ими ещё очень долго.

К моему горлу подступила тошнота. Продолжай, Кэсси. Ты должна.

— Вы снитесь Дину, — слова походили на наждачную бумагу, но я заставила себя продолжить. — Иногда он просыпается от ночного кошмара и не видит ничего перед собой, потому что он видит только вас.

Рассказывая об этом отцу Дина, я не просто заключала сделку с дьяволом. Я продавала душу. И я была в опасной близости от того, чтобы продать душу Дина.

— Ты не расскажешь моему сыну о том, что тебе пришлось сделать, чтобы заставить меня заговорить, — Рэддинг барабанил пальцами по столешнице. — Но каждый раз, когда он потянется к твоей руке, каждый раз, когда ты коснешься его шрамов, ты будешь вспоминать этот разговор. Я буду там. Даже если мальчик не будет этого знать, ты будешь.

— Расскажите мне всё, что вы знаете, — выдавила я.

— Хорошо, — на губах Рэддинга играло удовлетворение. — Группа, за которой ты охотишься, ищет особых убийц. Людей, которые хотят быть частью чего-то большего. Общительных личностей.

Монстр отдавал мне обещанное.

— Сам я скорее одиночка, — продолжил Рэддинг. — Но ещё я слушатель. За все эти годы я слышал слухи. Шепот. Городские легенды. Владыки и ученики, ритуалы и правила, — он наклонил голову на бок, наблюдая за моей реакцией, словно он видел, что творится в моём мозгу и находил это занимательным. — Я знаю, что каждый владыка сам выбирает себе замену. Я не знаю, сколько их. Не знаю, кто они и где они находятся.

Я подалась вперед.

— Но вы знали, что они забрали мою мать. Знали, что она была жива.

— Я из тех, кто видит схемы, — Рэддингу нравилось говорить о себе, демонстрировать своё превосходство надо мной и ФБР, над Бриггсом и Стерлинг — наверняка он подозревал, что они скрываются за стеклом. — Вскоре после моего заключения, я узнал о ещё одном заключенном. Его осудили за убийство его бывшей, но он утверждал, что она была всё ещё жива. Видишь ли, они так и не нашли тело. Только огромное количество крови — по словам обвинения, слишком большое, чтобы жертва могла выжить.

Эти слова показались мне настолько знакомыми, что по моей спине пробежал холодок. Примерка моей матери. Я пытаюсь нащупать выключатель. Мои пальцы касаются чего-то липкого и теплого, и...

— Вы заподозрили, что эти люди как-то с этим связаны? — я едва расслышала свой вопрос за оглушительным стуком моего сердца.

Уголок рта Рэддинга ехидно изогнулся вверх.

— Каждой империи нужна королева.

Это не вся история. Должно было быть что-то ещё.

— Через много лет, — добавил отец Дина, — я и сам нашел себе ученика.

Он нашел троих, но я знала, о котором из них он говорит.

— Уэббер, — этот человек похитил меня, выпустил меня в лесу и охотился на меня. Словно на животное. Словно я была добычей.

— Уэббер доставлял мне информацию. О Дине. О Бриггсе. О тебе... И о специальном агенте Лейси Лок.

Лок, моя первая наставница из ФБР, начала свою жизнь под именем Лейси Хоббс — она была младшей сестрой моей матери. Она умерла серийной убийцей, снова и снова повторявшей её убийство.

Не убийство, — напомнила себе я. — Всё это время, пока Лок убивала женщин по подобию моей матери, она была жива.

— Вы узнали подробности дела моей матери, — я, насколько только могла, постаралась сосредоточиться на том, что происходило здесь и сейчас — на Рэддинге. — Вы нашли связь.

— Шепот. Слухи. Городские легенды, — Рэддинг повторил свои же слова. — Владыки и ученики, ритуалы и правила, а в центре всего этого — женщина, — его глаза блестели. — Очень особенная женщина.

Мои губы и язык пересохли так сильно, что мне едва удалось выдавить слова.

— Особенная чем?

— Женщина, которую можно превратить во что-то великолепное, — Рэддинг закрыл глаза. Его голос вибрировал удовольствием. — Что-то новое.

Ты

Ты берешь нож. Шаг за шагом ты приближаешься к каменному столу, взвешивая клинок в своей руке.

Колесо крутится. С ним крутится прикованная к камню телом и душой жертва.

— Каждого проверяют, — ты произносишь слова и плашмя проводишь ножом по шее жертвы. — Каждый должен быть достоин.

Власть бежит по твоим венам. Твое решение. Твой выбор. Один поворот твоего запястья и прольётся кровь. Колесо остановится.

Но без порядка, появится хаос.

Без порядка, появится боль.

— Что тебе нужно? — ты склоняешься вперед и шепчешь древние слова. Нож в твоей руке целится в шею жертвы. Ты могла бы убить его, но это многим тебе обойдется. Семь дней и семь мук. Колесо никогда не останавливается на долго.

— Что мне нужно? — жертва повторяет вопрос с улыбкой, в то время как по его обнаженной груди струится кровь. — Мне нужны девятéro.

ГЛАВА 3

— Это было жизнерадостно, — Лия прыгнула со стола, на котором она сидела.

Агент Вэнс только что проводил меня в комнату для наблюдений. Стерлинг и Бриггс всё ещё глядели на комнату, которую я покинула несколько минут назад. По другую сторону двухстороннего стекла, охранники подняли Дэниела Рэддинга на ноги. Бриггс — напористый, амбициозный и, по-своему идеалистичный — всегда будет видеть в Рэддинге чудовище, угрозу. Стерлинг была более сдержанным человеком — из тех, кто будет сдерживать свои эмоции и следовать правилам, включая то, в котором говорилось, что людям вроде Дэниела Рэддинга не удастся разрушить её самоконтроль.

— Честное слово, — взмахнув рукой, продолжила Лия, — серийные убийцы такие предсказуемые. Вечно «я хочу увидеть, как ты будешь страдать» и «я буду цитировать тебе Шекспира, представляя, как пляшу на твоём трупe».

То, с каким пренебрежением говорила Лия, показывало, что увиденный ею разговор повлиял на неё почти так же сильно, как и на меня.

— Он лгал? — спросила я. Как бы я на него не давила, Рэддинг убеждал меня в том, что он не знал имени того заключенного, «смерть» бывшей которого так напоминала «смерть» моей матери. Но я не собиралась верить мастеру манипуляции на слово.

— Возможно, Рэддинг знает больше, чем говорит, — сказала мне Лия, — но он не врёт — по крайней мере, он не врал о Старосветском Синдикате психов-убийц. Он немного приукрасил правду, когда сказал, что хочет наблюдать, когда эти психопаты с тобой разделаются.

— Конечно, Рэддинг не хочет наблюдать, — я попыталась подражать легкомысленному тону Лие в попытке сделать всё это менее значимым. — Он же Дэниел Рэддинг. Он хочет убить меня собственными руками.

Лия изогнула бровь.

— Кажется, ты так влияешь на людей.

Я фыркнула. Учитывая то, что с тех пор, как я присоединилась к программе «Естественные», меня пытались убить сразу два маньяка, я не могла с ней поспорить.

— Мы отследим дело, о котором говорил Рэддинг, — Бриггс наконец-то обернулся к нам с Лией. — Это может занять какое-то время, но если заключенный, подходящий под

описание Рэддинга существует, мы его найдём.

Агент Стерлинг опустила руку на моё плечо.

— Ты сделала то, что должна была, Кэсси. Дин понял бы это.

Конечно, он бы понял. Но от этого было не лучше. Только хуже.

— А то, что Рэддинг сказал о твоей матери...

— Мы здесь закончили? — внезапно произнесла Лия, перебивая агента Стерлинг.

Я не стала смотреть на Лию с благодарностью, но всё же я ценила её вмешательство. Я не хотела обсуждать намёки Рэддинга о моей матери. Не хотела гадать о том, было ли в них хоть зерно правды.

Моя наставница уловила намёк. Пока она вела нас наружу, агент Стерлинг больше не пыталась поднять эту тему.

Лия небрежно взяла меня под руку.

— Кстати говоря, — её голос звучал нехарактерно мягко, — если когда-нибудь... — «захочешь поговорить» добавил за неё мой мозг, — когда угодно, — мягко и абсолютно искренне повторила она, — снова заставишь меня выслушивать твой рассказ об Эротических касаниях рук Кэсси и Дина, я отомщу тебе, и моя месть будет страшной.

Не считая обнаружения лжи, одним из талантов Лии было отвлекать людей от их проблем — хоть иногда попытки отвлечь человека несли за собой побочные эффекты.

— Какой будет месть? — спросила я. Я была благодарна за отвлечения, но на этот раз я была почти уверена, что она не блефует.

Лия ухмыльнулась и отпустила мою руку.

— Хочешь узнать?

ГЛАВА 4

По возвращению домой мы обнаружили Слоан на кухне. Она прижимала к себе паяльную горелку. К счастью, Стерлинг и Бриггс всё ещё были на улице, обсуждая вещи, не предназначенные для наших ушей.

Лия взглянула на меня и изогнула бровь.

— Ты хочешь спросить об этом? Или я?

Слоан склонила голову на бок.

— Существует большая вероятность того, что вы спросите у меня об этой горелке.

Я озвучила вопрос.

— Что ты делаешь с горелкой?

— Первые горелки появились в Византийской империи в первом веке нашей эры, — выпалила Слоан. Она говорила так быстро, что я что-то заподозрила.

Я уточнила вопрос:

— Что ты делаешь с горелкой, и кто дал тебе кофеин?

В этот самый момент на кухню неспешно зашел Майкл с огнетушителем в руках.

— Ты встревожена, — произнёс он, читая выражение моего лица. — А ещё думаешь, что я сошел с ума. — Его взгляд метнулся к Лие. — А ты...

— Не в настроении, чтобы кто-то читал мои эмоции? — Лия запрыгнула на кухонный стол и свесила ноги. Её глаза сверкали, пока между ними происходил немой разговор.

Ещё несколько секунд Майкл удерживал её взгляд.

— Именно.

— Я думала, ты принципиально против того, чтобы кто-то давал Слоан кофеин, — стреляя глазами в Майкла, произнесла я.

— Я против, — ответил он. — Чаще всего. Но знаешь, как поётся в той песне: «это моя трехдневная вечеринка, и я буду давать моей Слоан столько кофеина, сколько захочу».

— Твоя вечеринка, — повторила я. — В смысле, твой День Рождения?

Майкл одарил меня своим самым строгим взглядом.

— Через два дня я, Майкл Александер Томас Таунсенд, стану на год старше, на год мудрее и уж точно достаточно взрослым, чтобы присматривать за Слоан с горелкой. Что плохого в том, чтобы начать праздновать чуть раньше?

Я слышала то, чего Майкл не говорил вслух.

— Тебе исполнится восемнадцать.

Я знала, что это будет для него значить — свободу. От твоей семьи. От мужчины, который превратил тебя в человека со способностью заметить даже намёк на злость за улыбкой.

Словно по сигналу, зазвонил телефон Майкла. Я не умела читать его эмоции также хорошо, как он — мои, но инстинкты подсказывали мне, что отец Майкла был не из тех, кто устроится поудобнее и будет наблюдать за тем, как истекают последние дни его контроля.

Ты не станешь отвечать, — подумала я, всё ещё фокусируюсь на Майкле. — Он не может заставить тебя поднять трубку — а через два дня он больше никогда не сможет заставить тебя что-либо сделать.

— Не дай Бог мне быть ответственной, — Лия соскользнула со стола и пересекла комнату, останавливаясь нос-к-носу с Майклом. — Но, возможно, Слоан не стоит поджигать вещи.

— Я должна, — яро возразила Слоан. — День Рождения Майкла — тридцать первого марта. До него остается два дня, а через два дня после него...

— Второе апреля, — закончила за неё я. 4/2

На меня нахлынули мысли обо всём, что сказал Дэниел Рэддинг — о Владыках, о моей матери, а следом за ними — десять недель тупиков. Каждые три года девять жертв умирали в дни, определенные последовательностью Фибоначчи. Таким был почерк Владык. С последней даты Фиббоначи — двадцать первого марта — прошло чуть больше недели.

Следующим было второе апреля.

— Мы знаем схему, — упорно продолжила Слоан. — Она начнётся в этом календарном году. И новопосвященный адепт сожжет девятерых людей живьем. Я прочитала о расследованиях поджогов всё, что мне удалось найти, но...

Слоан опустила взгляд на горелку и сжала её крепче.

— Этого недостаточно.

В Вегасе Н.О., навесивший нас на эту группировку, убил брата Слоан. Сейчас она была не просто ранима — её сердце обливало кровью. Ты хочешь почувствовать себя нужной. Ведь если ты не смогла спасти Аарона, разве от тебя есть польза? Разве от тебя когда-нибудь будет польза?

Теперь я понимала, почему Майкл дал Слоан кофе и не стал отнимать у неё горелку, а пошел за огнетушителем. Я обвила её рукой. Она прижалась ко мне.

За нами раздался голос.

— Вы вернулись.

Мы четверо обернулись. Дин и глазом не повёл, увидев в руках Слоан горелку. Он был полностью сосредоточен на нас с Лией.

Наше отсутствие явно не прошло незамеченным.

Учитывая то, где мы были, и то, что Дин разделял мои таланты к профилированию, это не сулило нам ничего хорошего.

— Мы вернулись, — заявила Лия, шагая между мной и Дином. — Хочешь увидеть, что Кэсси уговорила меня купить в магазине нижнего белья?

Дин и Лия были первыми естественными в программе. Прежде чем остальные из нас приехали сюда, они провели вместе четыре года. По всем пунктам, не считая крови, она была его сестрой.

Дин поёжился.

— Я заплачу тебе пятьдесят долларов, если пообещаешь больше никогда не произносить при мне слова «нижнее белье».

Лия фыркнула.

— Ещё чего. А теперь... — она обернулась к нам... — кажется, кто-то упомянул пиротехнику?

Прежде чем Дин успел отговорить нас от этой затеи, открылась входная дверь. Я услышала шаги двух человек, направлявшихся к кухне, и решила, что они принадлежали Стерлинг и Бриггсу. Я оказалась права лишь на половину. Компанию Бриггсу составила не агент Стерлинг. Вместе с ним на кухне появился её отец.

Директор Стерлинг не часто радовал нас своим присутствием.

— Что происходит? — спросил Дин, прежде чем я успела открыть рот. В его голосе не было агрессии, но ни для кого не было секретом, что глядя на Дина, директор Стерлинг видел его отца. Директор ФБР был абсолютно не против использовать сына серийного убийцы, но он не доверял Дину — и никогда не станет ему доверять.

— Сегодня утром мне позвонил Тэтчер Таунсенд, — слова директора Стерлинга высосали из комнаты кислород.

— На этой неделе я не отвечал на звонки, — обманчиво приятным тоном прокомментировал Майкл, — так что он позвонил вам.

Прежде чем директор успел ответить, появились агент Стерлинг с Джаддом. Несколько месяцев назад Джадд Хокинс — человек, следивший за тем, чтобы мы были сыты и невредимы — получил контроль над тем, когда и как использовалась программа «Естественные». Директор Стерлинг не слишком ценил эту идею. Он верил в приемлемые затраты и просчитанные риски — особенно, когда просчитывал их он сам.

— Таунсенд-старший рассказал мне о деле, — директор Стерлинг адресовал эти слова Бриггсу, продолжая игнорировать Джадда и свою дочь. — Мне хотелось бы, чтобы вы на него взглянули.

— Сейчас? — спросил Бриггс. Смысл его слов был понятен: впервые за несколько месяцев мы получили зацепку по делу Владык, а вы хотите, чтобы мы сделали услугу отцу Майкла, который его избивал?

— Тэтчер Таунсенд получает всё, — сухо произнёс Майкл, — чего Тэтчер Таунсенд хочет.

Агент Стерлинг шагнула к нему.

— Майкл...

С всё той же приятной улыбкой на лице он прошмыгнул мимо неё и вышел из комнаты.

Сжав зубы, Бриггс повернулся к директору.

— Что за дело?

— Кое-что произошло с дочерью делового партера Таунсенда, — спокойно ответил

директор. — Учитывая поддержку, оказанную им программе «Естественных», он хотел бы, чтобы мы расследовали его.

— Поддержку, оказанную программе? — скептически спросила Лия. — Поправьте меня, если я не права, но это человек буквально продал вам Майкла в обмен на иммунитет от неотложных обвинений в конторских преступлениях?

Директор Стерлинг проигнорировал Лию.

— Принять это дело во внимание, — с нажимом на каждое слово сказал он Бриггсу, — было бы для нас полезно.

— Насколько я понимаю, решать мне, — слова Джадда звучали также четко — и также непреклонно — как слова директора. Большинство людей посчитало бы бывшего снайпера и морпеха странным выбором на роль воспитателя кучки подростков в обучающей программе ФБР, но Джадд был готов закрыть любого из нас от пули собственным телом.

— Отец Майкла его бьёт, — выпалила Слоан. Она всегда говорила то, что думала, и не умела скрывать свои больные места.

Несколько секунд Джадд смотрел в огромные голубые глаза Слоан, а затем поднял руку.

— Всем, кто младше двадцати одного, вон из кухни.

Мы не пошевелились.

— Я не стану просить дважды, — низко произнёс Джадд. То, сколько раз он обращался к нам таким тоном, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Мы ушли.

Когда я выходила из кухни, агент Бриггс поймал меня за руку.

— Найди Майкла, — негромко сказал мне он. — И убедись, что он не сделает ничего...

— В стиле Майкла? — подсказала я.

Бриггс взглянул на директора Стерлинга.

— Неразумного.

ГЛАВА 5

Мы нашли Майкла в подвале. Когда ФБР купило дом, служивший нашей операционной базой, его нижний этаж превратили в лабораторию. У стен выстроились модели мест преступлений. Мельком оглядев комнату, я поняла, что Майкл ничего не поджог.

Пока что.

Вместо этого Майкл стоял в дальнем конце комнаты перед стеной, от пола до потолка покрытой фотографиями. Жертвы Владык. Я провела сотни часов здесь, внизу, глядя на эту стену так, как сейчас глядел Майкл.

Я остановилась рядом с ним и автоматически нашла глазами два снимка, отделенные от остальных.

На одном фото был запечатлен скелет, который полиция нашла похороненным на перекрестке. Вторым было фото моей матери, сделанное незадолго до её исчезновения. Когда полиция обнаружила останки с первой фотографии, считалось, что они принадлежали моей матери. Со временем мы узнали, что моя мать была жива — и именно она убила нашу неизвестную.

Каждого проверяют, — сказал голос из моих воспоминаний. — Каждый должен быть достоин.

Вот, что сказал мне один из Владык — серийный убийца, известный под именем Найтшэйд — когда мы поймали его. Пифия доказала, что она достойна, сражаясь со своей предшественницей — на смерть.

Владыки и ученики, — я слышала беспечные слова Дэниела Рэддинга, — ритуалы и правила, а в центре всего этого — женщина.

Дин опустил руку мне на плечо. Я заставила себя обернуться и посмотреть ему в глаза, надеясь, что он не заметит в моих обнаженную уязвимость.

Мельком взглянув на нас с Дином, Лия подошла к Майклу со спины и обвила его живот рукой, притягивая его к себе. Дин посмотрел на них и сощурился.

— Мы снова вместе, — сообщила нам Лия. — В очень значительном — и в открытую физическом — смысле.

Я не собиралась верить Лие на слово, но Слоан поддалась на её уловку.

— С каких пор?

Майкл так и не отвёл взгляда от стены.

— Помните, как Лия прижала меня к стене в Вегасе?

Тогда я поняла, что Лия могла говорить правду.

— Вы были вместе со времен Вегаса, а мы не знали? — я попыталась усвоить эту мысль. — Вы живёте в доме с тремя профайлерами и снайпером из морской пехоты. Как...

— Хитрость, обман и прекрасное чувство равновесия, — ответил Майкл, прежде чем я успела закончить вопрос. Затем он взглянул на Лию. — Я думал, что ты не хотела, чтобы кто-нибудь знал.

— Наше предательство было тяжестью на моей душе, — безразлично произнесла Лия. Другими словами: она хотела отвлечь Дина от того, что творилось со мной, и даже лучше, если она сможет отвлечь Майкла от того, что привело его в подвал.

— Я не в настроении, чтобы меня отвлекали, — сообщил Майкл. Он знал Лию Абсолютно. Он знал, что она делала, и сейчас какая-то его часть не хотела, чтобы его спасали от мрачных событий. Он снова обернулся к стене.

— Я тебя люблю, — мягко произнесла Лия. В её голосе мелькнула нотка напряжения, нотка ранимости. Ни суматохи, ни суеты. — Даже когда я не хочу этого, я всё равно тебя люблю.

Сам того не желая, Майкл обернулся к ней.

Ресницы Лии дрожали.

— Я люблю тебя, как утопающий любит воздух. Люблю, как океан любит песок. Я люблю тебя, как арахисовое масло любит желе, и хочу родить тебе детей.

Майкл фыркнул.

— Да ладно?

Лия ухмыльнулась.

— На секунду ты поверил.

Майкл изучал выражение её лица — то, что скрывалось за этой ухмылкой, за маской.

— Возможно.

Понять эмоции Лии всегда было сложно, ведь вне зависимости от того, что она чувствовала, она говорила те же слова с всё той же ухмылкой. Она сказала бы это, если бы влюблялась в него. Она сказала бы то же самое, если бы просто пыталась его поддразнить.

— Вопрос, — Майкл поднял указательный палец. — Я знаю, почему Лия выглядит в особенности довольной собой, а Кэсси — так, будто она профилирует. Могу предположить, почему Рэддинг выглядит так, будто он страдает запором, каждый раз, когда Лия меня касается. Но почему Слоан постоянно избегает моего взгляда и переносит вес на подушечки пальцев ног, словно она так сильно старается не говорить что-то вслух, что может

взорваться?

Слоан, как только могла, постаралась не выглядеть подозрительно.

— Существует больше ста девяноста семи широко используемых сленговых выражений, обозначающих мужские половые органы! — выпалила она. А затем она ничего не смогла с собой поделаться и продолжила. — А ещё Бриггс, Стерлинг и Джадд сейчас не обсуждают идею взяться за дело твоего отца.

На миг повисла тишина.

— Как бы больно мне не было это говорить, давайте ненадолго отложим обсуждение неприличного сленга, — Майкл перевёл взгляд от Слоан к нам с Дином и Лией. — И кто-нибудь уточнит, в чём заключается дело моего отца.

— Директор Стерлинг не вдавался в подробности, — Дин спокойно ответил на вопрос Майкла. Он явно был готов вмешаться, если Майкл захочет сделать что-нибудь глупое. — Он сказал только, что что-то случилось с дочерью делового партнера твоего отца.

Майкл моргнул.

— Селин? — на несколько секунд имя застыло на его губах. — Что с ней случилось? — видимо, взглянув на наши лица, Майкл понял, что мы не знаем ответа на этот вопрос, потому что в следующий миг он метнулся к двери подвала. Каждый мускул в его теле был напряжен.

Дин поймал его за руку.

— Подумай, Таунсенд.

— Я думаю, — парировал Майкл, шагая лицом к лицу с Дином. — А конкретнее, я думаю о том, что у тебя есть три секунды на то, чтобы убрать свою руку, а потом я заставлю тебя её убрать.

— Майкл, — я попыталась заставить его посмотреть на меня, но ничего не получилось.

— Один, — сказал Дину Майкл.

— Надеюсь, сейчас он скажет «два», — задумчиво сказала Слоан Лия. — Ничего так не подчеркивает зрелость мужчины, как неуместный гнев и счёт до трёх.

Это поубивало спесь Майкла настолько, что он действительно остановился.

— Селин Делакура — единственный человек из моей жизни до программы, которому было на меня не плевать, и единственная, кто видел, каким человеком на самом деле является великий Тэтчер Таунсенд, — сказал он Дину. — Если у неё проблемы, я поеду. И если для этого мне придется разобраться с тобой, я так и сделаю.

— Мы все поедem, — прямо произнёс агент Бриггс, спускаясь по лестнице в подвал. Именно он завербовал Майкла в программу. Он прекрасно знал о том, каким человеком был Тэтчер Таунсенд.

Так зачем ему посылать к нему Майкла? Как Джадд мог на это согласиться? Тот факт, что с Бриггсом не было агента Стерлинг, заставил меня задуматься о том, что она могла с ними поспорить.

— Хотите сказать, мы просто всё бросим и полетим в штат Нью-Йорк? — Лия взглянула на Бриггса и прищурилась. — Из доброты душевной?

— Нет, не из доброты. И не потому, что директор Стерлинг считает, что Таунсенд-старший может быть для нас полезен, — Бриггс посмотрел на Майкла. — И даже не потому, что пропала девятнадцатилетняя девушка, хоть мы и не должны забывать о подобном, как бы сильно мы не были сосредоточены на деле Владык.

Слово «пропала» заметно ударило по Майклу.

— Тогда почему? — спросил он.

Почему директор Стерлинг принёс нам это дело? Почему Бриггс и Джадд согласились вернуть Майкла в окружение издевавшегося над ним отца? Почему мы бросали всё, ради поисков одной девушки?

Инстинктивно я знала ответ ещё до того, как Бриггс сказал:

— Потому что полиция считает, что Селин похитили восемь дней назад.

Моё сердце грохотало в груди. Восемь дней с последней даты Фибоначчи. Пять дней до следующей.

— Двадцать первое марта, — слова застряли у Слоан в горле. — 3/21.

— Она исчезла в дату Фибоначчи, — видимо, Лия почувствовала, что Бриггс что-то не договаривал, и склонила голову на бок. — И?

Последовала долгая пауза.

— Девушка исчезла в дату Фибоначчи, — повторил Бриггс, — а всё место преступления пропитано керосином.

Ты

Запах горячей плоти никогда тебя не оставит. Прах рассеивается. Кожа покрывается рубцами. Боль утихает. Но запах навсегда остается с тобой.

Отталкивая его, ты концентрируешься. Ты знаешь этот медленный и болезненный танец. Ты знаешь правила. Но с оборотами колеса меняется музыка. Ты это слышишь. На этот раз ты знаешь что-то, чего не знают другие.

Ты знаешь её.

ГЛАВА 6

Возможно, Селин Делакура была всё ещё жива. Возможно, её не облили керосином. Возможно, человек, похитивший её из её же дома, не сжег её живьем двадцать первого марта.

Но мы не могли так рисковать. Вся команда — плюс агенты Старманс и Вэнс — села на самолет. До прибытия в штат Нью-Йорк оставалось меньше часа.

В передней части самолета Бриггс посмотрел на часы. Через проход от него агент Стерлинг листала папку с документами о деле, словно она ещё не успела выучить её наизусть. Не будь я так сосредоточена на том, что Селин Делакура может оказаться первой жертвой из девяти, я бы задумалась над тем, почему эти двое так сильно старались избегать взглядов друг друга.

Я почувствовала, как на меня давят мысли о девяти жертвах, как они душат меня. Сидящий рядом со мной Дин коснулся моих пальцев своими.

Каждый раз, когда он потянется к твоей руке, — я слышала слова Дэниела Рэддинга в своих воспоминаниях, — каждый раз, когда ты коснешься его шрамов...

Я отдернула руку.

— Кэсси?

— Я в порядке, — сказала я и, вернувшись к детской привычке, принялась изучать других пассажиров самолета. Майкл сидел один, через проход от него сидели Слоан с Лией. В передней части самолета, за Стерлинг и Бриггсом, ждали приказов агент Вэнс — невысокий, плотно сложенный, дотошный мужчина чуть младше сорока — и агент Старманс — недавно разведенный мужчина, явно испытывающий неудобство при виде подростков, которые знали больше, чем им полагалось. Эти двое были в команде Бриггса ещё до того, как я присоединилась к программе, но начали путешествовать с нами только после Вегаса.

Только после того, как каждый из нас стал потенциальной мишенью.

Оставался только Джадд. Судя по его позе, Джадд был вооружен. Прежде чем я успела задуматься об этом, самолет достиг крейсерной высоты полёта.

Агент Стерлинг встала и, отложив папку, открыла электронную версию документов на плоском экране монитора в передней части самолета.

— Селин Элоди Делакура, девятнадцатилетняя дочь Рэми и Элиз Делакура, — агент Стерлинг начала инструктаж, словно в любой другой день — словно это было любое другое дело. — Рэми — менеджер хедж-фонда. Элиз руководит семейной благотворительностью.

Агент Стерлинг не упомянула о Владыках — или о связи семьи Делакура с Майклом. По её примеру я отбросила свои догадки и сосредоточилась на фотографиях на экране. На первый взгляд мне показалось, что Селин Делакура была из тех девушек, которые заставляли всё выглядеть элегантно, при этом всем своим видом показывая, что элегантность переоценивают. На первом снимке её волнистые темные волосы были подстрижены художественной «лесенкой». Самые длинные пряди доходили ей до груди, а самые короткие едва доставали до подбородка. Черное коктейльное платье облегалo её фигуру, а золотой медальон — скорее всего, винтажный — подчеркивал богатый оттенок тёмной кожи. На втором фото волосы Селин окружали её голову бесконечным морем кудряшек. Черные брюки. Белая блуза. Красный туфли на высоком каблуке. Запомнив детали, я обратила внимание на последнюю фотографию. Кудри Селин были собраны в свободный пучок у неё на макушке, а её белая футболка целенаправленно соскользнула с её плеч, открывая взгляду белую майку под ней.

Ты носишь одежду чистых цветов, без принтов. Ты всегда знаешь, что тебя фотографируют.

Агент Стерлинг продолжила:

— Соседка Селин по комнате заявила об её исчезновении, когда она не вернулась в колледж после весенних каникул.

— Что за колледж? — спросил Майкл. Я гадала о том, почему он спрашивал об этом. Если они с Селин были так близки, почему он этого не знал?

— Йель, — на вопрос Майкла ответил агент Бриггс. — Полиция допросила друзей Селин. Судя по всему, они думали, что на каникулах она поедет с ними в Сент-Люсию, но в последний момент она передумала и вместо этого поехала домой.

Почему? — гадала я. — Кто-то попросил тебя так поступить? Что-то произошло?

— Об исчезновении нашей жертвы сообщила соседка по комнате в колледже, — Слоан подняла ноги на сидение и опустила подбородок на колени. — По статистике маловероятно, что она могла сообщить об этом сразу же после исчезновения. Процент студентов, которые с опозданием возвращаются с каникул, увеличивается по криволинейной с приближением окончания учебного года.

Агент Стерлинг услышала в озвученной Слоан статистике вопрос.

— Об исчезновении сообщили вчера утром. Соседка Селин не могла связаться с ней на протяжении трёх дней, а мистер и миссис Делакура подтвердили, что они не получали от неё никаких известий уже несколько недель.

На подбородке Майкла дернулся мускул.

— Они даже не знали, что она приехала домой, да?

— Нет, — ровно ответил агент Бриггс. — Похоже, в это время родители Селин были за границей.

Я добавила этот факт к тому, что я знала о неожиданной поездке нашей жертвы домой. Ты знала, что там никого не будет? Твои родители хотя бы потрудились сказать тебе, что уедут?

— Если об её исчезновении заявили только двадцать восьмого... — Слоан подсчитала дни и озвучила главный вопрос. — Откуда мы знаем, что она исчезла двадцать первого?

Агент Стерлинг перешла к следующему слайду своей презентации.

— Запись с камер наблюдения, — объяснила она, когда на экране включилось несколько видеороликов.

— Двенадцать камер, — сразу же отметила Слоан. — Судя по их зонам охвата и длине коридоров, по моим подсчётам площадь дома составляет не меньше тысячи квадратных футов.

Стерлинг увеличила запись из комнаты, напоминающей домашнюю художественную студию. Мы увидели Селин Делакура — прямо по центру кадра. Запись была датирована двадцать первым марта.

Ты что-то рисовала. Наблюдая за Селин, я старалась взглянуть на происходившее с её точки зрения. Ты рисуешь всем телом. Движешься так, словно танцуешь. Ты рисуешь так, словно дерешься. Запись была черно-белой, но отличного качества.

Ты утираешь пот со лба тыльной стороной ладони. На твоих руках и твоём лице краска.

Ты делаешь шаг назад и...

Без какого-либо предупреждения запись переменялась. В один миг Селин рисовала, а в следующий повсюду виднелось разбитое стекло. На полу валялся сломанный мольберт. Студия была разгромлена.

А Селин исчезла.

ГЛАВА 7

Остаток полета Стерлинг и Бриггс показывали нам снимки с места преступления и рассказывая нам о деле. Одно было ясно: наша жертва сопротивлялась.

Она оказалась сильнее, чем ты ожидал. Я перешла от точки мыслей о Селин к Н.О... Возможно, ты потерял контроль над собой, а может, у тебя его и не было. Ты не был готов. Не был достоин.

Я скорее угадывала, чем профилировала. Мне нужно было увидеть реальное место преступления. Мне нужно было оказаться там, где стояла Селин. Мне нужно было узнать её — увидеть её спальню, изучить её картины, понять, каким именно бойцом она была.

— Мы организуем базу в ближайшем конспиративном доме, — когда самолет начал снижаться, агент Бриггс озвучил наш план. — Агент Старманс и Джадд поедут в конспиративный дом с естественными. Агент Вэнс останется с нами.

С нами — с Бриггсом и Стерлинг. Прежде чем нам разрешат даже близко подойти к месту преступления, они разведуют его и допросят ключевых фигур.

— Сейчас не подходящее время, чтобы напомнить, что мне почти исполнилось восемнадцать? — спросил Майкл. Он заговорил впервые с тех пор, как агент Стерлинг закончила вводить нас в курс дела. Для Майкла это могло оказаться рекордом. — Рэддингу восемнадцать. Бог знает, когда настоящий день рождения Лии, но, думаю, мы все можем согласиться в том, что её не стоит держать в ежовых рукавицах.

— Не могу не заметить, что ты не упомянул нас с Кэсси, — нахмурившись, сказала Майклу Слоан. — Меня не волнуют какие-либо рукавицы. Варезки сохраняют до двадцати трёх процентов больше тепла.

— Никто из вас с нами не поедет, — агент Бриггс привык отдавать приказы. — Вы пятеро поедете в конспиративный дом. Мы расскажем вам всё, что вам нужно знать, после того, как обезопасим место преступления.

— Я так понимаю, — ответил Майкл в тоже время, как самолет приземлился, — сейчас самое время напомнить вам, что здесь только я знаком с Селин, семьей Делакура и местным отделением полиции?

— Могу представить, откуда Таунсенд знает местную полицию, — пробормотал сидящий рядом со мной Дин.

Мы принялись выходить из самолета. Спор продолжался до тех пор, пока Бриггс не сорвался.

— Майкл, каковы шансы на то, что я передумаю?

— Практически нулевые? — легкомысленно предположил Майкл.

— Бесконечно маленькие, — поправила его Слоан.

Пожав плечами, Майкл спустился по ступенькам и ступил на взлетно-посадочную полосу.

— Каковы шансы на то, что я сделаю что-нибудь глупое, если вы не позволить мне поехать туда, агент Узкие-штанишки?

Бриггс не ответил, а значит, угроза Майкла попала в цель. Прежде чем Майкл успел сказать что-нибудь ещё, к нему шагнула агент Стерлинг.

— Бриггс понимает больше, чем ты думаешь, — мягко сказала она. Она не стала уточнять, но я задумалась о том, как прошло детство Бриггса и не походили ли его родители на Тэтчера Таунсенда.

Повисла долгая тишина, за время которой Майкл пытался проигнорировать те эмоции, которые он увидел на лице Стерлинг.

Агент Старманс, охранявший нас не один раз за последние десять недель, прочистил горло.

— Мне бы не хотелось, чтобы всё утро мне пришлось заставлять тебя оставаться на месте, — сказал он Майклу.

Майкл одарил его ослепительной улыбкой.

— А мне бы не хотелось, чтобы вы не посещали сайты знакомств с рабочего телефона, — он подмигнул сгорающему от стыда агенту. — Расширенные зрачки, легкая улыбка и заметное волнение о том, как написать подходящее сообщение? Выдают вас каждый раз.

Старманс закрыл рот и отошел к агенту Вэнсу.

— А вот это было грубо, — прокомментировала Лия.

— Кто? — ответил Майкл. — Я?

Я знала его достаточно хорошо, чтобы понимать — если он решит сделать что-нибудь глупое, Старманс не сможет его остановить. Когда тебе больно, ты ранишь себя. Я хотела остановиться на этом, но не смогла. Я знала, откуда у Майкла появилась такая склонность к саморазрушению. Если не можешь заставить кого-нибудь прекратить бить тебя, приходится напрашиваться на удары. Тогда ты хотя бы готов. Тогда им не застать тебя врасплох.

Я отвернулась от Майкла, прежде чем он успел прочитать выражение моего лица, и увидела на краю частной летной полосы несколько сверкающих черных внедорожников «Mercedes». Четыре машины. Взглянув на них поближе, мы обнаружили в машинах ключи

зажигания и огромное количество газировки и свежих фруктов.

— Здесь нет жареных орешков? — сухо прокомментировала Лия. — И это они называют гостеприимством?

Майкл улыбнулся самой беззаботной из своих улыбок.

— Уверен, мой отец возместит любые разочарования. Мы, Таунсенды, гордимся нашим гостеприимством.

Твой отец позаботился о транспорте. Четыре внедорожника, хоть нам хватило бы и двух. Я постаралась не слишком сильно задумываться о том, что на словах Майкл объединил себя со своим отцом. Словно, как бы далеко они не сбежали, все Таунсенды будут в первую очередь Таунсендами, а всё остальное останется на далеком втором месте.

— Мы не чиновники, которые приехали погостить, — ровно произнёс Бриггс. — И не клиенты, которых Тэтчеру Таунсенду нужно задобрить. Это федеральное расследование. Местный штаб вполне может предоставить нам машину.

Слоан подняла руку.

— В этой машине будет три ряда подушек безопасности, семиступенчатая коробка передач и двигатель на пятьсот пятьдесят лошадиных сил?

Лия подняла руку.

— В этой машине будут жареные орешки?

— Довольно, — произнесла Стерлинг. Она обернулась к Майклу. — Думаю, я выражу всеобщее мнение, сказав, что мне плевать на гостеприимство твоего отца. Оно всего лишь показывает, что он напыщенный человек с склонностью к излишним жестам. И кажется, он очень кстати забыл о том, что мы уже знаем, что за человек скрывается за этой завесой. Мы прекрасно знаем, кто он.

— За завесой? — высокомерно произнёс Майкл, шагая к ближайшему внедорожнику. — Какой ещё завесой? Мой отец обязательно скажет вам: с Таунсендами что видишь, то и получаешь. — Он достал ключи из зажигания и подбросил их в воздух, а затем лениво поймал одной рукой. — Судя по тому, как агент Стерлинг сжимает губы, не говоря уже о невероятно глубокой надбровной дуге агента Бриггса, предположу, что ФБР не станет принимать жест доброй воли старого доброго папочки. — Майкл снова подбросил ключи. — Но я приму.

Его тон призывал Стерлинг и Бриггса с ним поспорить.

— Переднее сидение занято, — Джадд умел расставлять приоритеты. Инстинкты подсказывали мне, что на каком-то уровне он знал, что принимая подарки своего отца, Майкл принимал его удары.

Ты берешь всё, что он бросает тебе. Ты берешь, берешь и берешь — потому что можешь. Потому что люди ждут, что со злости ты откажешься от его подарков. Потому что ты заберешь у него всё, что можешь.

Майкл поймал мой взгляд. Он всегда мог увидеть, что я его профилирую. После долгой паузы, он заговорил.

— Кажется, мы едем в конспиративный дом. Джадд на переднем сидении. Лия? — он бросил ей ключи. — Ты поведешь.

ГЛАВА 8

Езда с Лией чем-то напоминала русскую рулетку. Она обожала скорость и, как истинный лжец, не обращала внимания на ограничения. Нам едва удалось добраться до конспиративного дома целыми и невредимыми.

Майкл поежился.

— Думаю, я выражу всеобщее мнение, если скажу, что мне нужна либо выпивка, либо прямая трансляция расследования Стерлинг и Бриггса.

Агент Старманс открыл было рот, но Джадд поспешно покачал головой. Мы здесь. Мы под вооруженной охраной. Мы в безопасности. Джадд не хуже меня знал, что предоставь мы Майкла самому себе, обо всём это можно будет даже не мечтать.

Из последней поездки домой ты вернулся в синяках и едва не потерял контроль. Пока Джадд настраивал видео и аудиосвязь, я не могла удержаться от размышлений. А теперь знакомая тебе девушка пропала. Возможно, один из так называемых Владык сжег её живьем.

Через несколько минут на планшете Джадда появилось видео со значка Бриггса. Мы видели то же, что и он. Пока Бриггс и Стерлинг выходили из предоставленного ФБР внедорожника, я могла думать лишь о том, что, если это дело окажется не очевидным, никто из нас не сможет остановить Майкла.

Дом семьи Делакура был современным и огромным. Вскоре обнаружилось, что кроме всего этого, он был пуст. Родители Селин решили встретиться с агентами ФБР на более нейтральной территории.

— Дом, милый дом, — через несколько минут после того, как на экране появился дом по соседству от дома Делакура, произнёс Майкл с ноткой сарказма в голосе.

Огромный, — подумала я. — Традиционный. Богато украшенный.

— Большинство людей называют его домом Таунсендов, — беспечно произнёс Майкл, — но я предпочитаю слово «усадьба».

Чем больше шутил Майкл, тем сильнее стучало моё сердце. Ты должен был покончить с этим местом. Ты должен был освободиться.

— Это башня? — спросила Лия. — Люблю мужчин с башнями.

Раз уж Майкл решил отпускать шутки о своей личной преисподней, Лия найдет способ его переплюнуть. На протяжении многих лет эти двое научились делать самые веселые вещи абсолютно незначимыми.

На экране Бриггс и Стерлинг подошли к крыльцу. Бриггс позвонил в дверь. Один Миссисипи. Два Миссисипи. Массивная дверь из красного дерева открылась.

— Агент Бриггс, — дверь открыл мужчина с густыми волосами цвета древесного угля и привлекающим внимание голосом: богатым, теплым баритоном. Он протянул руку и хлопнул агента Бриггса по плечу.

— Я знаю, что вы не были рады тому, как далеко я зашел, чтобы вы сюда приехали. Но я бы никогда не простил себя, если бы не сделал всё, чтобы помочь Рэми и Элиз в такое время, — он повернулся от Бриггса к Стерлинг. — Мэм, — произнёс он, протягивая ей руку. — Тэтчер Таунсенд. Очень приятно познакомиться.

Стерлинг пожала его руку, но я знала, что она не удостоит мужчину даже намёком на улыбку.

— Прошу, — плавно произнёс Таунсенд, делая шаг назад, — проходите.

Это — отец Майкла. Я постаралась осмыслить это. Я видела в нём уверенность Майкла его харизму и неукротимое очарование. Я ждала, что что-то спровоцирует моего внутреннего профайлера. Ждала намёка — хоть крохотного — на то, что открывший дверь мужчина был монстром.

— Пока что он не врал, — сказала Майклу Лия.

Майкл одарил её резкой улыбкой.

— Это не враньё, если ты веришь в каждое своё слово.

Я ожидала увидеть Тэтчера Таунсенда заносчивым человеком, который хотел владеть, обладать и контролировать. Я ждала кого-то вроде отцов Дина или Слоан. В крайнем случае, я ожидала увидеть человека, чьи демоны будут незаметны для простых людей, но не для меня.

Ничего.

— Что ты можешь рассказать нам о бизнес-партнере своего отца? — спросил у Майкла Дин, пока на экране происходило знакомство.

— Рэми Делакруа? — Майкл пожал плечами. — Ему нравятся красивые вещи и красивые люди. Ему нравится контролировать ситуацию. И, бог его знает почему, ему нравится мой отец. Эти двое работали вместе ещё до моего рождения. Рэми хмурится, когда он несчастен, срывается, когда зол, и флиртует с каждой юбкой.

Что видишь, то и получаешь. Чуть раньше Майкл произнёс эти слова, подражая своему отцу. И он лгал. Тэтчера Таунсенда было сложно разгадать. Если бы читать отца Майкла было так же просто, как читать Рэми Делакруа, Майкл никогда не стал бы человеком, умеющим считывать эмоции человека в мгновение ока.

— Хочешь сказать, мы сразу поймем, если Делакруа как-то причастен к исчезновению его дочери, — я сосредоточилась на этом, надеясь, что Майкл последует моему примеру.

— Хочу сказать, что Рэми не тронул бы и волоска на голове Селин, — Майкл пристально смотрел на экран. — Как я уже сказал, ему нравятся красивые люди, а Си-си была красивой с дня своего рождения.

Лия не замерла, не повела глазом, даже не отодвинулась от Майкла. Но она могла услышать в этих словах правду. Могла услышать привязанность, когда Майкл называл Селин Делакруа Си-си.

— Вы получите всё, что вам понадобится, — слова Рэми Делакруа заставили меня снова обратить внимание на видео. Он походил на тень отца Майкла: чуть ниже, с чуть менее вкрадчивыми чертами лица и куда более нервный. — Мне плевать, чего это будет стоить. Плевать, какие законы вам придется нарушить. Верните мою малышку домой.

Агент Стерлинг не стала говорить ему о том, что ФБР не нарушает законы. Вместе с этого она начала допрос с довольно легкого вопроса.

— Расскажите нам о Селин.

— Рассказать что? — возмущенно ответил Делакруа. — Ей девятнадцать. Студентка чертова Йеля. Если вы хотите сказать, что она сама навлекла это на себя...

Его жена коснулась его руки своей ладонью. Из документов о деле я знала о том, что Элиз Делакруа была старше своего мужа. Бывший профессор экономики в Лиге Плюща с соответствующими связями. Гневная тирада Рэми пошла на спад, а Элиз мельком взглянула на отца Майкла. Через несколько секунд Тэтчер отправился налить своему деловому партнеру выпить.

— Что ты видишь? — спросила я у Майкла.

— На лице Рэми? Беспокойство. Немного блефа, немного страха, немного справедливого негодования. Никакой вины.

Я задумалась о том, многие ли родители чувствовали бы вину, узнай они о том, что их дочь отсутствовала почти неделю, прежде чем кто-нибудь это заметил.

— Селин независимая, — сказала агентам Элиз Делакруа, когда в руке её мужа оказалась выпивка. Она была элегантно-афроамериканкой, высокой и грациозной, как и её

дочь. Её плечи всегда были расправлены. — Пылкая, но рассеянная. С характером, как и её отец, и моей напористостью, хоть её она старается скрывать.

Я обратила внимание на то, что женщина упомянула характер своего мужа перед ФБР. Ты должна знать, что в таких делах всегда подозревают родителей. Либо тебе нечего скрывать, либо ты не против подставить своего мужа.

— Элиз всегда всё контролирует, — сказал мне Майкл. — Своего мужа, свои эмоции, семейную репутацию. Селин — это единственное, над чем у неё нет контроля.

— Она скупает по дочери? — не отрывая взгляда от экрана, спросил Дин.

Довольно долго Майкл молча наблюдал за Элиз Делакруа. Тон её голоса не изменился. Черты её лица не дрогнули.

Майклу удалось ответить на вопрос Дина.

— Она сломлена. В ужасе. Чувствует свою вину и отвращение — к себе и своему мужу.

— К Селин? — негромко спросила я.

Майкл не ответил.

На экране агент Бриггс занялся установлением временных рамок, а я постаралась поставить себя на место Селин. Она росла с отцом, отвечавшим на вопросы о своей дочери словами, что о ней нечего рассказывать, и матерью, первым делом решившей упомянуть её характер и напористость.

Независимая, — подумала я. — Пылкая. Упрямая. В фотографиях Селин я видела призрак Элиз. Чистые цвета, без принтов. Ты рисуешь так, словно танцуешь, словно дерешься — и смотришь в камеру так, словно знаешь тайны всего мира.

На заднем плане видео Тэтчер Таунсенд приготовил ещё два напитка: для себя и для Элиз. Я впервые задумалась о том, куда подевалась мать Майкла. Затем я подумала о том, почему Рэми и Элиз решили пообщаться с ФБР в доме Таунсендов.

— Что чувствует твой отец? — я ненавидела себя за этот вопрос, но понимала, что мы должны относиться к этому делу, как к любому другому.

Майкл принялся изучать лицо своего отца. Тэтчер держал в руках стакан бурбона со льдом, но не пил его. Всего через несколько секунд Майкл уже писал сообщение агенту Бриггсу.

— Хочешь знать, что я вижу, когда смотрю на своего отца, Колорадо? — в голосе Майкла не было абсолютно никаких эмоций, словно то, что он прочитал на лице Тэтчера Таунсенда, заставило что-то внутри него онеметь. — Под этим печальным выражением лица, он в ярости. Оскорблен. Лично обижен.

Обижен чем? — гадала я. — Тем, что кто-то похитил Селин? Тем, что в его доме находится ФБР?

— И каждый раз, когда кто-то произносит имя Си-си, он чувствует то же, что чувствовал глядя на Селин Делакруа с тех пор, как ей было четырнадцать, — слова Майкла заставили мой желудок скрутиться. — Жажду.

Ты

Ты знаешь семерых почти также хорошо, как они знают тебя. Их сильные стороны. Их слабости. Владыки жаждут власти. Они увещивают тебя бриллиантами — по одному за каждую жертву. Каждое жертвоприношение. Каждый выбор.

Бриллианты и шрамы, шрамы и бриллианты. Мужчины, превратившие тебя в эту прекрасную, смертоносную вещь, выходят в мир. Они проживают свои жизни. Они процветают.

Они убивают.

Для тебя.

ГЛАВА 9

Жажда — это не эмоция. Это нужда. Укоренившаяся, биологическая, примитивная потребность. Я не хотела даже думать о том, почему взрослый мужчина мог так смотреть на девочку-подростка. Почему Тэтчер Таунсенд был лично оскорблен похищением дочери друга его семьи.

— Перчатки, — агент Стерлинг протянула каждому из нас по паре. Они с агентом Бриггсом не ответили на сообщение Майкла. Вместо этого через какое-то время агент Старманс сообщил нам, что нам позволено посетить место преступления.

Ты решила приехать домой на весенних каникулах. Натягивая перчатки, я постаралась снова забраться в голову Селин. Ты должна была хотя бы заподозрить, что твоих родителей здесь не будет. Я стояла на пороге студии Селин. Вход на место преступления перекрывала сигнальная лента. Судя по её виду, когда-то студия была небольшим коттеджем или гостевым домиком. Она стояла в стороне от дома, неподалеку от бассейна.

Даже стоя в дверном проёме, я чувствовала ошеломляющий запах керосина.

— Признаки взлома, — Слоан подошла ко мне и осмотрела дверь. — Небольшие царапины вокруг замка. Существует девяностошестьпроцентная вероятность того, что дальнейший анализ покажет царапины внутри замка.

— Переведешь? — спросила Лия. Стоящий рядом с ней Майкл закрыл глаза, заставив меня пожалеть о том, что я не умела читать его эмоции также хорошо, как он умел читать мои.

— Над замком поработали. Кто-то его вскрыл, — Слоан нырнула под сигнальную ленту и принялась методично изучать комнату своими голубыми глазами.

Ты заперла дверь на замок. Ещё несколько секунд я стояла в дверном проёме, стараясь представить Селин. Ты пришла сюда, чтобы порисовать, и заперла дверь на замок. Я гадала о том, было ли это лишь привычкой или же у неё была на то причина. Не торопясь, я шагнула в студию, стараясь не наступить на помеченные желтыми табличками улики.

Разбитое стекло. Сломанный мольберт. Я сопоставила увиденное на фотографиях с места преступления с табличками на полу. Перевернутый столик у дальней стены. Изорванная занавеска. Капли крови на полу и кровавый отпечаток ладони на дверной раме.

Ты сопротивлялась.

Нет, — подумала я. Сердце грохотало в моей груди. Используя слово «ты», я оставалась в стороне. Но я хотела не этого. Не это было нужно Селин.

Я сопротивлялась. Я представила, как стою в центре студии и рисую. Сама того не желая, я приняла ту же позу, в которой находилась Селин за миг до того, как прервалось видео с камер наблюдения. Я подняла правую руку, сжимая воображаемую кисть, и слегка повернулась в сторону. Я подняла подбородок и взглянула на воображаемую картину.

— Дверь была заперта, — произнесла я. — Возможно, я услышала, что снаружи кто-то есть. Или негромкое царапанье. Возможно, волосы на тыльной стороне моей шеи встали дыбом.

А может быть, я была так поглощена рисованием, что ничего не слышала. Возможно, я не видела, как повернулась дверная ручка. Не слышала, как открылась дверь.

— Я не шумел, — Дин стоял у двери, глядя на меня. Первым делом я решила забраться в голову Селин. Но Дин всегда профилировал Н.О... — Ещё будет время на шум и крики. Но сначала я должен заполнить то, за чем я пришел.

Я слышала в словах Дина логику: Н.О. пришел сюда именно за Селин. Она не была случайной жертвой. Если бы убийца выбирал своих жертв наугад, он не выбрал бы девушку, защищенную сверхсовременной системой безопасности. Только если кто-то следил за ней, он мог знать, что она будет одна.

— Ты думал, что сможешь проскользнуть сюда и забрать меня, — сказала я, глядя на Дина. — Ты думал, что, если ты будешь достаточно тихим и быстрым, сможешь схватить меня, прежде чем я начну сопротивляться.

Ты ошибался.

Дин нырнул под ленту и пересек комнату. Он остановился за моей спиной, закрыл мой рот своей ладонью и прижал меня к себе. Он двигался медленно и осторожно, но я позволила себе почувствовать то, что чувствовала Селин. Инстинктивно — и также медленно, как Дин — я подалась вперед, впечатывая локоть в его живот. Кисть, — подумала я, — в моей руке. Я сделала вид, что вонзаю её в его ногу, и, в тоже время, кусаю сжимающую меня руку. Легко. Осторожно.

Селин укусила бы нападавшего сильно.

Дин отпрянул, и я выбралась из его захвата.

— К этому моменту я кричу, — произнесла я. — Так громко, как только могу. Я бегу к двери, но...

Дин снова бросился за мной. Он сделал вид, что хватает меня, а я рванула к ближайшему столу. Если я крепко за него схвачусь, ты не...

— Не так, — внезапно в мои мысли ворвались слова Слоан. — Судя по обломкам, которые мы видели на фотографиях с места преступления, содержимое столика сбили со столешницы с этой стороны, — она подошла к дальней стороне стола и сделала вид, что сметает всё со стола.

Я нахмурилась. С той стороны стола?

— Возможно, это была не я, — через несколько секунд сказала я Дину. — Я была в ужасе и пыталась выжить. Первым делом я бы бросилась к двери.

Разве что я искала оружие. Возможно, я считала, что могу победить в этой драке.

Дин медленно сжал руки в кулаки.

— Это мог сделать я, — он взмахнул руками над столиком. На его загорелой шее выступила вена. — Чтобы напугать тебя. Наказать тебя.

Я представила летящее во все стороны стекло. Моя студия. Моё пространство. Мой рай. Слова Дина имели смысл только при условии, что Н.О. знал об этом — только если каким-то образом он знал, что Селин останется и будет сражаться.

Она не станет бежать.

Я осмотрела остаток комнаты, сопоставляя её с первыми снимками с места преступления.

Перевернутый столик. Сорванная с карниза занавеска. Сломанный мольберт. Остатки изломанной картины Селин на полу.

— Что насчёт керосина? — пока мы профилировали, Лия вела себя необычайно тихо, но, похоже, она больше не могла прикусывать язык.

Её вопрос заставил меня перейти от мыслей Селин к мыслям Н.О... Если ты планировал её похитить, ты не стал бы приносить с собой керосин. А если бы ты собирался сжечь её живьем, ты поджег бы студию.

— Возможно, я не смог этого сделать, — мягко произнёс Дин. — Может, заходя сюда, я

не осознавал, каково это будет, — он сделал паузу. — Как сильно мне это понравится.

Как сильно тебе понравится драка. Её ярость, её паника. Как сильно тебе не захочется, чтобы это заканчивалось.

— Хорошая новость в том, — резко произнесла я, — что, если это работа одного из Владык, он явно была у него первой.

ГЛАВА 10

Слоан всё ещё изучала улики, но я увидела всё, что должна была — всё, что я могла вынести. Крошечная часть меня не могла прекратить сравнивать это место преступления с первым, которое я увидела в своей жизни — местом похищения моей матери.

Она сопротивлялась. Она истекала кровью. Они забрали её.

Разница заключалась в том, что Селин похитили в дату Фибоначчи, а значит, если это сделал один из Владык, мы искали не исчезнувшую девушку — не потенциальную Пифию.

Мы искали труп.

— Я хочу увидеть спальню жертвы, — сказала я. Я должна была узнать Селин Делакура, а затем вернуться сюда и проделать всё это снова, пока я не найду то, что мы упускали.

Такова работа профайлеров. Мы снова и снова погружались в темноту.

— Я отведу тебя в комнату Селин, — не спросив разрешения, Майкл зашагал к дому. Я поймала взгляд агента Стерлинг. Она кивнула мне.

— Я подожду здесь, — сказал мне Дин.

Пока мы профилировали, я не чувствовала разделявшего нас расстояния, но теперь я вспомнила обо всём, что я от него скрывала, о насмешливых словах его отца.

— Хочу снова прожить произошедшее, — продолжил Дин. — Здесь что-то не так.

Что-то не так, — подумала я. И где-то в глубине меня раздался шепот: и всегда будет не так. Я отдам этому делу всё, что у меня есть. Буду отдавать снова и снова, пока от той, кем я была — от девушки, которую любил Дин — не останется и следа, как от смытого волной замка из песка.

Проигнорировав появившуюся с этими мыслями тупую боль, я последовала за Майклом к дому. Меня догнала Лия.

— Идешь с нами? — спросила я.

Лия изящно пожала плечами.

— Почему бы и нет? — тот факт, что она не попыталась соврать, застал меня врасплох. — Не отставай, — сказала мне Лия, обгоняя меня. — Я бы не хотела остаться с Майклом наедине в комнате его бывшей.

Майкл говорил, что Селин была единственной, кому было на него не плевать. Он называл её красивой. Называл её прозвищем. А прерывистые отношения Лии с Майклом плохо заканчивались.

Каждый раз.

Мы догнали Майкла, когда он замер на пороге комнаты Селин. Остановившись рядом с ним я увидела то, что заставило его помедлить.

Автопортрет. Я знала наверняка, что Селин сама нарисовала эту картину. Она была просто огромной. Как и на фотографиях нашей жертвы, на картине была изображена девушка, которая не хотела быть элегантной. Краска лежала на холсте густо, рельефно — картина была почти трехмерной. Заметные, грубые мазки. Селин нарисовала себя от плеч. Темная, сияющая кожа, была обнажена. А выражение её лица...

Незащищенное, уязвимое и яростное.

Майкл уставился на картину. Ты читаешь её, — подумала я. — Ты знаешь, что именно чувствует девушка на картине. Ты знаешь, что чувствовала девушка, нарисовавшая её. Знаешь, также хорошо, как знаешь самого себя.

— Она рисовала не кистью, — Лия позволила нам усвоить её слова и продолжила. — Дорогая Си-си нарисовала эту картину ножом.

Мой мозг мгновенно добавил эту крупицу информации к тому, что я знала о Селин.

— Сколько вы готовы поставить на то, что наш вооруженный ножом Пикассо чистит свои кисти керосином? — спросила Лия. — Обычно для этого используют скипидар, но, кажется, Селин Делакура не любит обыденное. Не так ли, Майкл?

— Ты теперь профайлер? — спросил у Лии Майкл.

— Просто большая поклонница искусства, — возразила Лия. — Однажды я шесть недель жила в уборной музея Метрополитен.

Я взглянула на Лию и подняла бровь, понятия не имея о том, было ли это правдой или откровенным враньем. В ответ Лия протолкнулась мимо Майкла в комнату Селин.

— Если Селин чистит кисти керосином, — пробормотала я, размышляя вслух, — у неё должен быть запас. Не очень много, но...

Но достаточно, а значит, ты мог и не приносить его с собой. Я сделала паузу. А если ты не принёс его с собой, возможно, ты не собирался сжигать её живьем.

Всё это могло оказаться совпадением. Всё — дата, керосин.

— Думаешь, ФБР не понимает, что керосин могут использовать как растворитель? — прочитав мои эмоции в выражении моего лица, просил у меня Майкл. — Ты правда считаешь, что Бриггс и Стерлинг не о подумали об этом, прежде чем взяться за это дело?

На месте преступления стоял ужасно сильный запах керосина. Такое количество не могли пролить случайно — но почему-то Лия не хотела, чтобы я отбрасывала эту вероятность.

Почему?

Майкл шагнул в комнату Селин. Мельком взгляну на Лию, я последовала за ним.

— На стенах ещё две картины, — нарушив тишину, отметила я. Селин повесила картины рядом друг с другом — сочетающиеся части жутковатого, абстрактного комплекта. На первый взгляд левый холст был абсолютно черным, но, чем дольше я смотрела на него, тем заметнее становилось уставившееся на меня из темноты лицо.

Лицо мужчины.

На первый взгляд картины были пусты, но искусная игра со светом и тенями создавала изображения. Второй холст выглядел пустым, затенённым лишь в нескольких местах. Картина выглядела абсолютно абстрактной, пока ты не понимал, во что складывались пробелы.

Ещё одно лицо.

— Она не рисует тела, — Майкл подошел к картинам. — Даже в начальной школе Селин отказывала рисовать что-нибудь кроме лиц. Ни пейзажей. Ни одного натюрморта. Это сводило её учителей с ума.

Майкл впервые дал мне шанс расспросить его об этой девушке. О той части его прошлого, о существовании которой мы и не догадывались.

— Вы знали друг друга с детства?

Какой-то миг я не была уверена, что Майкл ответит на вопрос.

— Мы общались время от времени, — наконец, произнёс он. — Когда я не был в школе-

пансионе. Когда она не была в школе-пансионе. Когда мой отец не заставлял меня дружить с сыновьями более важных людей, чем партнер, который и так беспрекословно его слушался.

Я знала, что отец Майкла был вспыльчивым. Он избивал сына, и его было почти невозможно понять. Богатый человек, одержимый именем Таунсендов. А теперь я знала о Тэтчере Таунсенде кое-что ещё. Не важно, сколько денег ты зарабатываешь, как высоко заберешься по социальной лестнице — этого всегда будет мало. Тебя всегда будет мучить жажда. Ты всегда будешь хотеть большего.

— Хорошая новость, — мои размышления нарушил голос Лии. Мы с Майклом обернулись к ней, чтобы увидеть, как она снимает фальшивое дно у ящика, стоявшего в ногах кровати Селин. — Полиция забрала ноутбук нашей жертвы, как улику, но они не забрали её тайный ноутбук.

— Как ты?.. — начала было я, но Лия отмахнулась от меня.

— Когда меня выперли из Метрополитена, я была элитной воровкой — обворовывала дома, — Лия поставила ноутбук на стол Селин.

— Слоан придется взломать... — Майкл запнулся, когда Лия вошла в систему.

Ноутбук не был защищен паролем. Ты прячешь компьютер, но не ставишь на него пароль. Почему?

— Посмотрим, что у нас здесь, — произнесла Лия, принимаясь открывать все файлы подряд. — Расписание, — прежде чем Лия продолжила, я успела запомнить расписание уроков Селин. Лия открыла следующий файл — фотография двух детей, стоящих перед яхтой. Я сразу же узнала девочку. Селин. Через несколько секунд я поняла, что стоявшим рядом с ней мальчиком был Майкл.

Ему было не больше восьми или девяти.

— Хватит, — резко произнёс Майкл. Он попытался закрыть фото, но Лия помешала ему. Я заметила, что фото на экране начало меняться.

Не фото, — с опозданием поняла я. — Видео. Анимация.

Снимок детей медленно изменялся, пока не превратился в точно такой же снимок двух подростков, стоявших перед яхтой.

Девятнадцатилетняя Селин Делакруа и Майкл, выглядящий точь-в-точь так, как он выглядел сейчас.

ГЛАВА 11

— Хочешь чем-то поделиться с классом, Таунсенд? — слова Лии прозвучали беззаботно и насмешливо, но всеми фибрами души я чувствовала — для неё это было совсем не шуткой.

Ты поднялась сюда, потому что думала, что он что-то скрывает. От тебя. От всех нас.

В то время как мы с Дином профилировали место преступления, Лия наблюдала за Майклом. Наверняка она что-то заметила. Даже если он не лгал, она могла увидеть что-то, что заставило её заподозрить...

Что? Что ты подозреваешь, Лия?

— Это не фотография, — Майкл посмотрел на Лию, — а цифровой рисунок. Селин поработала над старым фото и изменила его. Само с собой. Или ты не заметила, что в её расписании есть курс цифрового искусства?

Я рефлекторно прокрутила в голове остаток расписания Селин. Образное мышление. Смерть и апокалипсис в средневековом искусстве. Теория, практика и политика прав человека. Цвет.

— Когда ты видел её в последний раз? — спросила у Майкла Лия. — Когда ездил домой

на Рождество?

Челюсть Майкла едва заметно напряглась.

— Я не видел Селин почти три года. Но я тронут твоей ревностью. Правда.

— Кто сказал, что я ревную?

— Парень, который умеет читать эмоции, — Майкл мельком взглянул на меня. — Возможно, профайлер может сказать детектору лжи, что ревновать меня к одной из наших жертв — ненормально.

Жертвы. Тот Майкл, которого я знала, не мог так думать о ком-то, кто был ему небезразличен. Для него Селин Делакура не была безымянной, безликой жертвой. И я всё не могла выбросить из головы мысли о том, как Селин удалось так точно изобразить внешность Майкла, если они не виделись три года.

— Скажи мне, что ты ничего не скрываешь, — Лия одарила Майкла абсолютно приятной улыбкой. — Давай. Рискни.

— Я не стану этого делать, — сквозь сжатые зубы выдавил Майкл. — Это тебя не касается, Лия. Не твоё чертово дело.

Они были так увлечены своей ссорой, что не заметили, как изображение на экране снова изменилось. На этот раз на рисунке было изображено одно единственное лицо.

Лицо Тэтчера Таунсенда.

— Майкл, — я подождала, чтобы он посмотрел на меня, и продолжила. — Почему на компьютере Селин портрет твоего отца? Почему она его нарисовала?

Майкл уставился на экран ноутбука без каких-либо эмоций на лице.

— Таунсенд, скажи мне, что ты думаешь, что это дело как-то связано с Владыками, — Лия ударила в самое больное место. — Скажи мне, что ты не знал, что это не так, с того самого момента, как увидел место преступления.

— Через пять секунд, — пристально посмотрев на Лию, произнёс Майкл, — я скажу, что люблю тебя. И если к этому моменту ты всё ещё будешь в комнате, ты узнаешь наверняка.

Любит ли он её или нет.

Если бы Лия была уверена в последнем, она не пошевелилась бы. Если бы она не хотела, чтобы он любил её, ей было бы плевать. Вместо этого она посмотрела на Майкла с чём-то вроде ненависти во взгляде.

А затем она сбежала.

Несколько секунд я не могла говорить.

— Майкл...

— Не надо, — сказал мне он. — Богом клянусь, Колорадо, если сейчас ты произнесешь хоть слово, я не удержусь и скажу тебе, какие именно эмоции мелькнули на твоём лице, когда ты подумала о том, что Селин мог похитить не один из твоих драгоценных Владык.

У меня пересохло во рту. Если Владыки похитили Селин в дату Фибоначчи, она была уже мертва. Но если дело не было с ними связано, она могла быть всё ещё жива. А я...

Я не была рада. Я не чувствовала надежды. Часть меня — нездоровая, искривленная часть, которую я едва узнавала — хотела, чтобы Селин оказалась жертвой этой секты. Ведь, если она была их жертвой, они могли оставить улики. Мы отчаянно нуждались в зацепке. В чем-то для продолжения расследования. Хотя я и знала, что Селин была важна для Майкла. А он был важен для меня.

Ты

Кое-что ты помнишь. Кое-что — нет. От некоторых воспоминаний тебя бросает в дрожь — но не от всех.

ГЛАВА 12

С каких пор я была способна чувствовать разочарование от новости о том, что исчезнувшая девушка могла быть жива?

Такова цена, — думала я, оставляя Майкла одного в комнате Селин и шагая назад к месту преступления. Я была готова заключить сделку с любым дьяволом, отдать всё, что угодно.

Дин взглянул на моё лицо один раз и сразу же сжал зубы.

— Что натворил Таунсенд?

— С чего ты взял, что Майкл что-то натворил?

Дин одарил меня скептическим взглядом.

— Во-первых: он Майкл. Во-вторых: по расписанию у него запланирована катастрофа. В-третьих: по возвращению сюда Лия вела себя, как мисс Солнечная Розочка, а розы и солнце — это не про Лию. Разве что она над кем-то издевается или очень расстроена. И в-четвертых... — Дин пожал плечами. — Возможно, я не читаю эмоции, но я тебя знаю.

Прямо сейчас, Дин, меня не знаю даже я сама.

— Я ездила к твоему отцу, — я не знала, было ли это признанием или исповедью. — Я рассказывала ему о нас, чтобы он рассказал мне о Владыках.

Несколько секунд Дин молчал.

— Я знаю.

Я уставилась на него.

— Откуда?..

— Я тебя знаю, — повторил Дин, — и знаю Лию. И она могла рассказать мне об их отношениях с Майклом, только чтобы отвлечь меня от чего-то похуже.

Я рассказала твоему отцу о том, как ты касаешься меня. Рассказала, что он преследует тебя в кошмарах.

— Я не знаю, что тебе сказал этот монстр, — Дин удерживал мой взгляд. — Но я знаю, как он реагирует на всё прекрасное, всё настоящее — всё, что принадлежит мне, — его пальцы легко очертили контур моего подбородка, а затем опустились на мою шею. — Он больше не может этого делать, Кэсси, — яростно произнёс Дин. — Ты не можешь позволить ему.

Моя грудная клетка сжалась, но я не отшатнулась от его прикосновений. Я не сделала шага назад.

— Селин Делакура похитили не Владыки, — я позволила теплу кожи Дина согреть мою. Я отмахнулась от эха голоса его отца. — Не знаю, откуда, но Майкл знал. Лия подозревала, что он что-то скрывал. И очень большая часть меня хочет...

— Ты хочешь найти зацепку, — вмешался Дин. Я давно не слышала в его словах такого явного южного акцента. — Ты хочешь идти по следу. Но ты не хочешь, чтобы девушку сожгли живьем, Кэсси. Ты не хочешь, чтобы она умирала с криками. Ты на это не способна.

Он был так в этом уверен, так уверен во мне — даже после того, что я ему сказала. Я подумала о том, как моя мать дралась со своей предшественницей насмерть. Мы никогда не знаем, на что способны.

Я сменила тему.

— Ты не удивился, когда я сказала, что Селин похитили не Владыки.

— Я подозревал, — Дин остался на месте преступления, потому что почувствовал, что что-то было не так. Я гадала о том, почему он заметил это, а я — нет. Мне полагалось быть естественной. Мне полагалось быть лучше этого. Я поняла, что это убийство было первым для нашего Н.О... Так почему я не копнула глубже и не увидела, что Владыки никогда бы не позволили настолько бесконтрольному и неаккуратному человеку вступить в свои ряды?

— Ты забралась в голову девушки, — мягко произнёс Дин. — А я — в голову нападавшего. Ей было плевать, была ли она первой жертвой из девяти или его единственной целью. Для неё не было важно, руководствовался ли он ритуалами или желанием и злостью. Она бы отбивалась, так или иначе.

Я закрыла глаза, снова представляя себя на месте Селин. Ты дралась. Ты не стала бежать. Ты знала Н.О... Возможно, ты была напугана, но ещё ты была зла.

— У Селин был тайный ноутбук, — сказала я Дину. — Полиция его не нашла. И, что бы здесь не происходило, думаю, это как-то связано с отцом Майкла.

ГЛАВА 13

— Мы знали, что шансы невысоки, — не смотря на то, что новости сообщили мы с Дином, Бриггс обращался к Стерлинг. — Но даты совпадали, а почерк навскидку подходил под описание. Мы должны были проверить.

— Как ты и говорил, — отрывисто произнесла Стерлинг. — Как и говорил директор.

Я мысленно вернулась к тому разговору. Директор Стерлинг говорил только с Бриггсом — не со своей дочерью и не с Джаддом.

— Не втягивай в это своего отца, — негромко сказал Стерлинг Бриггс.

— Я не втягивала. Ты втянул, — тон Стерлинг напомнил мне о том, что Бриггс был не только её напарником, но и её бывшим мужем. — Шансов не было, Таннер. Если бы вы спросили у меня — если бы вы с моим отцом потрудились вспомнить, что в комнате есть профайлер — я бы сказала вам, что для Владык здесь слишком много гнева и слишком мало контроля.

Её слова врезались в меня с силой внедорожника.

— Вы знали, что это дело не связано с Владыками? — мой голос сломался. Вы знали, но позволили мне поверить...

— Я знала, что исчезла девушка, — мягко произнесла агент Стерлинг.

— И ты не подумала поделиться со мной этими мыслями? — голос Бриггса напрягся.

Стерлинг непоколебимо посмотрела ему в глаза.

— Ты не спрашивал, — после нескольких секунд тишины она повернулась ко мне. Её тон едва заметно изменился, напоминая мне о том, что она видела во мне себя. — Никогда нельзя позволять себе заикливаться на одной возможности — или одном деле — достаточно сильно, чтобы потерять объективность, Кэсси. Если ты ведешь дело ради чего-то — мести, одобрения, искупления или контроля... значит, ты уже проиграла. От того, чтобы следовать своим инстинктам до того, чтобы видеть то, что ты хочешь увидеть — всего один шаг. И не мне тебя этому учить, — она мельком взглянула на Бриггса. — Каждый из нас должен усвоить этот урок в одиночку.

Ты думаешь о деле Найтшэйда. Мой инстинкт профилирования резко активизировался. Много лет назад Бриггс и Стерлинг не знали, что охотятся за одним из Владык. Они не знали, что пока они преследовали Найтшэйда, он преследовал одну из них — Скарлетт Хокинс.

Дочь Джадда. Лучшую подругу Стерлинг.

— И какой чертов урок ты пытаешься преподать мне? — огрызнулся агент Бриггс. — Не принимать решения, не обсудив их с тобой? Никогда не вставать на сторону твоего отца? Не просить Джадда мне довериться?

— Я не просто так рассказала о «Естественных» более высокопоставленным людям, чем мой отец, — эмоциональные доспехи Стерлинг не дрогнули. — Он очень хорош в своей работе. Он умеет хитрить, чтобы добиваться своих целей. И умеет быть очень убедительным.

— Я принял решение, — возразил Бриггс. — Твой отец здесь не при чём.

— Он всегда хотел сына, — негромко произнесла Стерлинг. — Целеустремленного, амбициозного сына, созданного по его собственному подобию.

Тело Бриггса напряглось.

— Это из-за Скарлетт? Ты всё ещё винишь...

— Я виню себя, — Стерлинг обронила эти слова, словно бомбу. — Дело не в тебе и не в моём отце. А в том, чтобы мы не заикливались на одном деле, на победе достаточно сильно, чтобы не видеть и не думать о чём-либо другом. Скарлетт умерла ради нашей победы, Таннер. Владыки или нет, но будь я проклята, если я позволю нам сделать то же самое с этими детьми.

— А как насчет того, как это дело влияет на Майкла? — парировал Бриггс. — Ты не против пожертвовать его психологическим состоянием ради уверенности в своей правоте?

— Ненавижу, когда мамочка с папочкой ругаются, — ко мне подошла Лия. — Думаешь, они разведутся? — Лия обожала усугублять ситуации.

Бриггс ущипнул себя за переносицу.

— Бриггс и Стерлинг уже разведены, — услужливо сообщила Слоан, стягивая латексные перчатки и присоединяясь к собравшимся.

Прежде чем ситуация успела обостриться, вмешался Дин:

— Мы всё ещё ищем пропавшего человека.

Поэтому агент Стерлинг не спорила, когда Бриггс решил сюда приехать. Я подумала о Селин. Подумала о предательских эмоциях, которые я почувствовала, поняв, чем являлось это дело — и чем оно не являлось.

Ты не хочешь, чтобы девушку сожгли живьем, Кэсси, — слова Дина эхом отдавались в моих мыслях. — Ты не хочешь, чтобы она умирала с криками. Ты на это не способна.

Я хотела, чтобы это было правдой.

— Мы должны узнать, кто похитил Селин, — выдавила я, переплетая свои пальцы с пальцами Дина. Пусть будет проклят Дэниел Рэддинг и его игры разума. — Если она жива, мы должны её найти. А если она мертва, мы узнаем, кто её убил.

Два с половиной месяца я провела в подвале, глядя на дела рук Владык. Я сидела напротив дьявола и предложила ему сделку. Но чтобы я не делала, чтобы не делали мы все, реальность заключалась в том, что я могу никогда не найти свою мать. Даже если мы поймем одного из Владык — или двух, или трёх — бесконечный цикл убийств может продолжаться вечно.

Я не могла контролировать так много всего. Но я могла контролировать это дело.

— Где Майкл? — внезапно спросила Слоан. — Девяносто три процента времени, когда происходят словесные или физические перебранки, Майкл находится не больше чем в четырех футах от них.

На несколько секунд повисла тишина, а затем агент Бриггс повторил вопрос Слоан:

— Где Майкл?

— Я оставила его в комнате Селин, — ответила я. Но я не озвучила то, что должна была понять гораздо раньше. Я не сказала, что я готова поставить много денег на то, что Майкл оставался в той комнате не долго.

ГЛАВА 14

На то, чтобы узнать, куда подевался Майкл, ушло совсем немного времени. Если он подозревал, что его отец был как-то связан с исчезновением Селин, он почти наверняка решил встретиться с противником лицом к лицу.

— Отвези детей на базу, — сказал Стерлинг Бриггс. — А я поеду за Майклом.

— Потому что, когда Майкл выходит из под контроля, он всегда слушает старших, — прощепетала Лия. — Что может пойти не так? Особенно если вы начнете раздавать приказы? Все знают, что люди, которых всю жизнь избивали, отлично справляются с ситуациями, которые они не могут контролировать, когда кто-нибудь другой полностью ими руководит.

Натренированный сарказм Лии действовал особенно хорошо, когда она заставляла слова звучать абсолютно искренне.

— И что ты предлагаешь? — резко спросил Бриггс.

— Пойдём мы четверо, — ответила Лия. — Естественно. Разве что вы думаете, что Тэтчер Таунсенд сорвется и попытается напасть на нас всех?

— Не попытается, — вмешался Дин. — Он заботится о своём образе, — он сделал паузу. — Если бы я был Тэтчером Таунсендом, и я был бы как-то причастен к исчезновению Селин Делакура? Я бы устроил ещё лучшее представление, чем обычно.

— А если Майкл постарается вывести своего отца из себя? — парировала агент Стерлинг. — Если он пойдет в наступление и его отец сорвется?

В глазах Дина мелькнуло что-то мрачное и опасное.

— Тогда Тэтчеру Таунсенду придется разобраться со мной.

— Если его будет допрашивать кто-нибудь из вас, — сказала я агентам, прежде чем они успели ответить на угрозу в словах Дина, — шансы на то, что отец Майкла сорвется — очень малы, — Лия одарила меня взглядом, говорящим «Это не помогает», но я продолжила. — Тэтчер — напыщенный человек, способный на невероятный самообман. Если он сорвется и рядом не будет взрослых, он может выдать нам какую-то информацию.

Слоан прочистила горло и попыталась поддержать меня:

— Я бы предположила, что рост отца Майкла — семьдесят один дюйм, а вес — сто шестьдесят один фунт, — когда стало ясно, что никто не понял, как эти числа относятся к делу, Слоан объяснила: — Думаю, мы с ним справимся.

Лия обернулась и, взмахнув ресницами, взглянула на Джадда, присоединившегося к нам посреди разговора.

— Ладно, — поразмыслив, ответил Джадд. — Но на этот раз камеры будут на вас.

Я протянула руку, чтобы позвонить в дверь Таунсендов, но Лия покрутила ручку, увидела, что дверь была не заперта, и зашла в дом. Со временем она заставит Майкла заплатить за то, что он проделал в комнате Селин, но сначала она придёт ему на помощь.

— Выпьём?

Стоило мне услышать голос Майкла, я переступила порог вслед за Лией. Я расслышала негромкий звон — стакана о стакан — и предположила, что Майкл налил себе выпить и предложил выпить кому-то ещё.

Я последовала за Лией. То же сделали Слоан с Дином. Мы нашли Майкла с его отцом и

гостиной — той же самой, где Бриггс и Стерлинг допрашивали родителей Селин.

Тэтчер Таунсенд взял у Майкла стакан, а затем поднял его с дьявольски обаятельной улыбкой на губах.

— Ты должен был ответить на мои звонки, — он произнёс эти слова, словно тост. Словно шутку, известную только им с Майклом. Одного взгляда на Тэтчера хватало, чтобы понять — он был для всех лучшим другом. Идеальный бизнесмен, умеющий продавать самого себя.

Майкл поднял свой стакан и одарил своего отца очаровательной улыбкой.

— Я не очень-то хорош в том, что я должен.

Когда-то давно Майкл почти наверняка боялся того мига, когда обворожительная маска соскользнёт с лица его отца. Теперь его власть заключалась в том, чтобы заставить её соскользнуть.

Но Тэтчер Таунсенд продолжил разговор, словно он и не слышал в голосе Майкла насмешливого тона.

— Как ты, Майкл?

— Привлекателен, склонен к приступам меланхолии и принятию сомнительных решений. А ты?

— Всегда такой болтливый, — слегка покачав головой, словно от ностальгии, произнёс Тэтчер Таунсенд. Краем глаза он заметил нас. — Кажется, у нас гости, — сказал он Майклу. Таунсенд-старший сосредоточился на нас. — Вы, должно быть, друзья Майкла. Меня зовут Тэтчер. Прошу, проходите. Угощайтесь выпивкой, но только в том случае, если вы не станете докладывать ФБР о том, что я содействую преступности несовершеннолетних.

Отец Майкла был притягателен. Очарователен, дружелюбен, сказочен.

Тебе нравится, когда тебя обожают, — подумала я, — и не важно, как часто ты причиняешь Майклу боль, ты никогда не отключаешь очарование.

— Майкл, дорогой... — Лия пересекла комнату и присоединилась к отцу с сыном, а затем взяла Майкла под руку. — Познакомь нас.

В один миг Лия натянула ещё невиданное мной амплуа. Оно читалось в том, как она держала голову, в её плавных движениях и музыкальном ритме её голоса. Майкл взглянул на неё, прищурившись, но глядя на её лицо он явно понимал, что ему повезло — ведь она могла появиться куда более эффектно.

— Это Сейди, — сказал он своему отцу, обвиняя рукой талию Лии и называя её любимым вымышленным именем. — А у двери Эсмеральда, Эрма и Барф.

Впервые на лице Таунсенда-старшего мелькнуло раздражение.

— Барф? — он взглянул на Дина.

— Сокращенно от Бартоломью, — без запинки соврала Лия. — В детстве у нашего Барфа были проблемы с речью.

Видимо, Дин, как и я, подозревал, что в безумии Майкла и Лии существовала какая-то система, так что он не произнёс ни слова.

— Вопрос, — подняв руку, спросила Слоан. — Я Эрма или Эсмеральда?

Тэтчер Таунсенд выглядел абсолютно довольным.

— Вижу, мой сын нашел для себя подходящее место. Мне жаль, что моя жена не смогла быть здесь и познакомиться со всеми вами. Уверен, Майкл рассказывал вам, что она любит приключения. Она руководит независимой клиникой в городе, но, когда у неё есть шанс, она путешествует с «Врачами без границ».

Мне было сложно представить Тэтчера Таунсенда с кем-то кроме жены из высшего света. Что-то подсказывало мне, что он упомянул любовь своей жены к приключениям только для того, чтобы наказать своего сына за то, что он отказался называть наши настоящие имена. Кулаки — не твоё единственное оружие. Ты — интеллигентный человек — до тех пор, пока мальчик не заставит тебя стать кем-то другим.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов о Селин Делакруа, — Дин перешел к сути дела.

— Погоди, Барф, — упрекнул его Майкл, — дай мужчине допить.

Тэтчер проигнорировал сына и сосредоточился на Дине.

— Не стесняйтесь задавать мне любые вопросы. Хотя мой сын и относится ко всему, словно это шутка, уверяю вас, мы с родными Селин относимся к этому очень серьезно.

— Почему? — спросила Слоан.

— Не думаю, что я понял вопрос, — произнёс Тэтчер.

— Почему вы относитесь к этому серьезно? — Слоан склонила голову на бок, стараясь оценить ситуацию. — Почему именно вы позвонили в ФБР?

— Я знал Селин со дня её рождения, — ответил Тэтчер. — Её отец — один из моих ближайших друзей. Почему бы не помочь им?

Краем глаза я заметила, как Лия опустила на своё бедро поднятый указательный палец. Едва заметная, указывающая вниз единица.

Отец Майкла впервые солгал. Учítывая то, что Тэтчер и Рэми работали вместе ещё до рождения их детей, я сомневалась, что Тэтчер врал о том, как долго он знает Селин. А значит, он лгал о своих отношениях с её отцом.

Возможно, ты не считаешь его другом. Возможно, он перешел тебе дорогу. Возможно, ты из тех, кто держит врагов близко.

— Я ценю ваше стремление найти Селин, — Тэтчер адресовал свои слова Майклу. — Я тоже этого хочу, но, сынок, вы ищете эти ответы не в том месте.

— Не в том месте, не в то время, — Майкл отпил из своего стакана. — Это вроде бы моя специальность.

Я напряглась, ожидая, что Тэтчер сорвется. Дин сделал крохотный шаг в сторону Майкла. Но Тэтчер лишь улыбнулся и перевел взгляд с Майкла на свою следующую мишень.

— Слоан, правильно? — произнёс он, показывая, что всё это время он знал наши настоящие имена. — Я знаю твоего отца.

Некоторые люди умели находить слабые места. В тот миг я не сомневалась, что Тэтчер Таунсенд заработал своё состояние именно благодаря этому навыку. Мой желудок скрутился от понимания того, что чувствует Слоан при упоминании её отца.

— У нас с Грейсоном Шоу есть несколько общих капиталовложений, — продолжил Тэтчер, произнося имя отца Слоан, которому всегда было на неё плевать, так, словно они были старыми друзьями. — Он говорил мне, что ты весьма умна, но он не упоминал о том, какой красивой девушкой ты стала.

Даже без помощи Лии я знала, что отец Слоан не говорил о ней ничего хорошего.

— Мне было так жаль, — Тэтчер поймал взгляд Слоан, — услышать о твоём брате.

Я протянула руку к Слоан, но она не взялась за неё. Её руки безжизненно повисли по бокам.

— Нет, — возразила Лия, внезапно шагая вперед. — Вам не было жаль. Вам было плевать. И, к слову, когда вы сказали Майклу, что он ищет эти ответы не в том месте, ваши

слова были правдой благодаря одному маленькому слову — «эти», — Лия говорила негромко и с чувством. — Иногда самая большая подсказка в словах лжеца звучит именно тогда, когда он говорит правду.

Мы больше не собирались церемониться. Тэтчер Таунсенд мог бы атаковать меня, Лию или Дина и мы бы с этим смирились. Но он выбрал Слоан и использовал её мертвого брата. С того самого момента, как мы зашли в эту комнату, отец с сыном вели игру. Они старались перехитрить друг друга. Каждый хотел стать хозяином положения, заполучить власть и контроль. То, что Тэтчер использовал для этого Слоан, заставило меня захотеть высказать ему, насколько очевидной была его игра.

— За какими ответами Майклу стоило к вам прийти? — вместо этого, спросила я. Иногда поймать кого-то в ловушку можно было, дав человеку именно то, чего он хотел. В нашем случае, контроль. — Вы — влиятельный человек. Вы держите ухо востро. Какие вопросы нам стоит задать?

Таунсенд знал, что я ему льстила, но ему было плевать.

— Возможно, если бы вы сказали, что вам нужно, я мог бы предоставить вам свои услуги.

— Кстати об услугах, — Майкл отставил свой стакан. — Какие услуги тебе предоставляла Селин?

— Прошу прощения? — Тэтчеру удалось прозвучать одновременно удивленным и оскорбленным. — Что ты пытаешься сказать, Майкл? Хоть иногда мы и расходимся во мнениях, ты не можешь верить, что я причастен к исчезновению Селин.

— Ты всегда любил говорить мне о том, во что я могу или не могу поверить, — мягко произнёс Майкл. — Разве я могу поверить, что ты специально столкнул меня с лестницы или намеренно сломал мне руку или нарочно удерживал меня под водой в ванной. За кого я тебя принимал?

Тэтчер не отреагировал на обвинения Майкла, словно он их и не слышал.

— Ты правда думаешь, что я убил Селин? Что я похитил её? Что я мог навредить этой девочке?

Мне хотелось ему верить, хоть я и знала, что он способен на насилие. Такую власть имел над людьми Тэтчер Таунсенд. Настолько убедительными были эмоции на его лице и его голос.

— Ты так думаешь, Майкл? — надавил Тэтчер. — Думаешь, что я как-то причастен к исчезновению Селин?

— Я думаю, что ты с ней спал.

Тэтчер открыл было рот, чтобы ответить, но Майкл продолжил.

— Думаю, тебе надоело с ней спать. Думаю, в день её исчезновения ты нанёс её визит. Думаю, ты угрожал ей. Скажи, что я неправ.

— Ты неправ, — не помедлив ни на миг, произнёс Тэтчер. Я взглянула на Лию, но она ничем не показала, что он врал.

Майкл сделал ещё один шаг вперед. Хоть я и не видела на лице Тэтчера Таунсенда злости, что-то подсказывало мне, что Майкл её видел. Он наблюдал за тем, как нарастает ярость его отца. Тэтчер злился на обвинения, на то, что их озвучивал его собственный сын и на то, что Майкл вынес ссор из избы перед чужими, очерняя имя Таунсендов.

— Только не говори, что твоя честность и ранг не позволяют тебе спасти с дочерью твоего партнера, — Майкл всегда реагировал на ярость одинаково. Он подбрасывал в огонь

хворост.

Тэтчер Таунсенд считал себя основателем династии, ни в чём не уступающим ни одному человеку. Он хотел, чтобы таким его видели. И Майкл прекрасно знал, чем он заплатит за то, что рушит созданную им иллюзию.

— Можно забрать мальчика из трущоб, — небрежно сказал он своему отцу, — но нельзя забрать трущобы из мужчины.

Предупреждения не последовало, как и намёка на лице Тэтчера. Он не сжал кулаки. Не произнёс ни звука. Но в один миг Майкл стоял перед своим отцом, а в следующий я услышала удар, и Майкл лежал на полу.

Тэтчер ударил его тыльной стороной руки. Достаточно сильно, чтобы он упал и оставался на полу. Но мысленно ты уже переписываешь историю. Ты не сорвался. Не вышел из себя.

Ты победил.

Ты всегда побеждаешь.

Дин шагнул между Майклом и его отцом, а Лия бросилась к Майклу. Тэтчер Таунсенд попросту налил себе выпить.

— Я буду рад увидеть вас в моём доме, — сказал он нам, покидая комнату. — Дайте мне знать, если я смогу помочь.

ГЛАВА 15

Существовала разница между тем, чтобы знать, что отец Майкла бил его, и тем, чтобы увидеть это собственными глазами.

— Не знаю, как вы, — произнес Майкл, поднимаясь на ноги и утирая кровь с губы тыльной стороной руки, — но я думаю, что всё прошло хорошо.

Небрежный тон Майкла почти уничтожил меня. Я знала, что он не захочет моей жалости. Не захочет моей ярости. И что бы я не почувствовала, он это увидит.

— Хорошо? — переспросил Дин. — Ты думаешь, что всё прошло хорошо?

Майкл пожал плечами.

— Особенно тот момент, когда я представил тебя своему отцу, как своего доброго друга Барфа. Я буду помнить его вечно.

Это не имеет значения, если ты не позволишь ему иметь значение. Моё сердце болело за Майкла, за мальчика, который рос в этом доме.

— Ты в порядке? — спросил у Слоан Майкл.

Она неподвижно, побледнев, стояла рядом со мной и отрывисто дышала. Она думала об Аароне. О том, что только что произошло с Майклом. О своём отце. О его отце.

Слоан сделала три крохотных, неуверенных шага и обняла Майкла, очень крепко обвивая его шею руками и, кажется, не собираясь отпускать.

Зазвонил мой телефон. Я ответила на звонок, наблюдая за тем, как Майкл обнимает Слоан.

— Всё прошло совсем не хорошо, — приветствие агента Стерлинг напомнило мне о том, что мы были подключены к видео и аудио связи. — Я не стану спрашивать, в порядке ли Майкл и не скажу: «Я же вам говорила». Но скажу, что Бриггс с нетерпением ждёт, что Тэтчера Таунсенда обвинят в нанесении телесных повреждений.

Я включила громкую связь.

— Вас слышат все, — сказала я Стерлинг.

Какой-то миг я ждала, что она повторит свои слова об отце Майкла, но, судя по всему,

она решила, что он не станет благодарить её за это.

— Что мы узнали? — спросила она вместо этого.

— Когда Тэтчер сказал, что Майкл неправ, он не лгал, — Лия облокотилась на рояль и скрестила ноги. — Но я не могу сказать, что он имел в виду — возможно Майкл был неправ только частично, а возможно — полностью.

Я мысленно прокрутила воспоминания Майкла в своей голове: Я думаю, что ты с ней спал. Думаю, в день её исчезновения ты нанёс её визит. Думаю, ты угрожал ей. Я попыталась проскользнуть в голову Тэтчера, но вместо этого оказалась в голове Майкла. Ты обвинил его в том, что он спал с Селин. В том, что он угрожал ей. Но ты не сказал, что он её похитил. Не обвинил его в том, что он ворвался в её студию и в ярости разгромил её.

— Что-нибудь ещё? — мои размышления нарушил голос агента Стерлинг. Пока Лия рассказывала ей об ещё одной лжи, которую она услышала — когда Тэтчер назвал Рэми одним из своих ближайших друзей — я снова начала профилировать Майкла.

Ты был спокоен. Ты не вышел из себя. Ты сказал, что всё прошло хорошо. Из этих фактов вытекало логическое заключение: Майкл не считал, что его отец мог физически навредить Селин. Если бы ты в это верил, ты бы ударил его в ответ.

Я изучала Майкла — зарождающийся синяк на его лице, его позу и то, как он держался в стороне от Лии.

Когда Лия надавила на тебя в комнате Селин, ты сказал то, что наверняка заставило бы её сбежать. А когда я открыла рот, чтобы продолжить разговор...

Майкл, как мог, старался оттолкнуть нас. Он хотел побыть в комнате Селин в одиночестве. И то, что он там увидел, заставило его решить выпить и поговорить с его отцом.

Сначала шестеренки в моей голове крутились медленно, затем — быстрее. Ты не считаешь, что её похитил твой отец. В комнате Селин Майкл непринужденно назвал девушку одной из наших жертв. Он пришел сюда, чтобы поболтать со своим отцом, но сосредоточился не на том, где могла быть Селин, а на том, как его отец с ней обращался — и спал ли он с ней.

Потому что он уже знал.

Майкл взглянул на моё лицо и шагнул ко мне. Я мысленно вернулась к месту преступления. Мы с Дином думали, что разбитое стекло, мольберт, перевернутые столики и вся эта разруха, были результатом борьбы Селин с нападавшим.

Но что, если никакого нападавшего не было? Возможность тут же пустила корни в моём мозгу. Слоан сказала нам, что кто-то смахнул содержание столика на пол. Мы думали, что это сделал Н.О. — чтобы сделать Селин больно, напугать её, доминировать.

Но Селин была из тех, кто рисовал собственный портрет ножом. Она полностью отдавалась всему, что делала. Волевая. Решительная. С характером.

— Она сделала это сама, — я проверила теорию, наблюдая за выражением лица Майкла. — Поэтому ты думал, что твой отец пришел к Селин в день её исчезновения. Что-то заставило её сорваться.

— Понятия не имею, о чём ты, — в голосе Майкла не было абсолютно никаких эмоций.

— Нет, — возразила Лия. — Имеешь.

Ты разгромила собственную студию. Я вернулась к точке зрения Селин. Ты смахнула стекло со стола. Сломала мольберт, перевернула столик. Ты пропитала комнату керосином. Возможно, ты собиралась её сжечь. Возможно, ты хотела превратить всё это в пепел, но

затем ты остановилась, огляделась и поняла, на что походила вся эта разруха.

Комната выглядела так, словно там произошла драка. Словно на тебя напали.

Я гадала о том, было ли этого достаточно. Гадала о том, окинула ли Селин этот хаос глазами художника, размышляя о том, как сделать его более реалистичным.

Кровавый отпечаток ладони на двери. Капли крови на ковре.

Я гадала о том, как она смогла удалить запись с камер наблюдения и взломала ли она замок собственной студии.

— Художественный вызов, — подхватил Дин. — Игра. Чтобы увидеть, сможет ли она всех обмануть. Увидеть, когда...

Когда они заметят, что она исчезла.

— Кто-нибудь потрудится объяснить мне, что я упускаю? — из телефона раздался голос агента Стерлинг, напомнив мне о том, что она всё ещё была на связи.

— Майкл — лжец, — ровно произнесла Лия. — А бедняжка Селин Делакура — паталогическая богатая девчонка, которая похитила саму себя.

— Не говори о ней так, — тут же ответил Майкл. — Что бы она не сделала, у неё были на то причины.

— Ты сох по ней с детства? — Лия задала вопрос так, словно ей было плевать на ответ. — Таскался за ней с круглыми глазами, как когда-то таскался за Кэсси? — Лия была ниже пояса. Но только так она и умела бить. — Ты убедил себя в том, что недостаточно хорош для неё, — негромко произнесла она, — потому что кто-то вроде тебя достаточно хорош только для такого ужасного человека, как я?

— Ты говоришь ерунду, — сказал ей Майкл.

— Ты её любишь? — голос Лии сочился приторной сладостью.

Я видела, как иссякает терпение Майкла. Он провёл большим пальцем по окровавленной губе и посмотрел на Лию.

— Дольше и сильнее, чем тебя.

ГЛАВА 16

Мы нашли Селин Делакура на следующее утро. Она сидела на краю причала в двух часах езды от её дома — того самого причала, где их с Майклом сфотографировали много лет назад. Стоявший рядом со мной Дин с каменным лицом наблюдал за тем, как Майкл шагал к краю причала — к Селин. Я не смогла различить выражение, появившееся на её лице, когда она заметила его. Я не расслышала его приветствия и её ответа. Но я увидела, в какой именно момент боец в Селин сменился чем-то мягким.

Чем-то уязвимым.

— Вот, что происходит, когда они вместе, — произнёс Дин. Я знала, что он говорил не о Майкле и Селин. — Майкл знает, что именно чувствует Лия. Лия знает, когда он ей врёт. Они ранят друг друга и самих себя.

Я подумала обо всём, что произошло: стычке Майкла с его отцом, его ссоре с Лией и осознании того, что мы отвлеклись от охоты за похитителями моей матери ради тщательно проработанного розыгрыша. Мы работали над этим делом меньше суток, но даже это казалось мне слишком большим перерывом.

До дня рождения Майкла оставался один день. Три дня до второго апреля. Пока я наблюдала за тем, как Майкл присаживается на причал рядом с Селин, в моей голове возобновился отсчет Фибоначчи.

— Расслабься, Дин, — к нам подошла Лия. — Я в порядке. Мы нашли девушку. Спасли

ситуацию. Если думаешь, что я стану убиваться за Майклом Таунсендом, значит, моя игра в бессердечную злюку не удалась.

Майкл не рассказал нам, что сказала Селин. Он не рассказал нам, объяснила ли она, почему так поступила или чего она хотела этим добиться. К утру мы вернулись на самолет. В салоне царила недосказанность.

Бриггс и не заговорил Стерлинг о том, что она с самого начала знала, что это дело никак не было связано с Владыками. Стерлинг не стала говорить Бриггсу, что он согласился заняться им, стоило вмешаться её отцу. Майкл с Лией не упоминали об их ссоре.

Я не сказала Дину о том, что накануне ночью мне снился его отец, моя мать, кровь на стенах и на её руках — и на моих.

Когда мы взлетели, Джадд отозвал меня в заднюю часть самолета. Он опустился в одно из сидений и кивнул в сторону соседнего. Я села. Несколько секунд он молчал, словно мы двое сидели на крыльце нашего дома в Квантико, наслаждаясь утренним кофе и тишиной.

— Знаешь, почему я согласился на это дело? — наконец, спросил Джадд.

Я обдумала его вопрос. Он хотел поймать Владык не меньше меня. Они убили его дочь. И пусть казалось, что это дело с ними связано, что-то подсказывало мне, что в отличие от директора и агента Бриггса Джадд очень внимательно наблюдал за агентом Стерлинг. Он поддержал не решение Бриггса. Он поддержал её.

— Пропала девушка, — я повторила слова, сказанные агентом Стерлинг днём ранее. — Девушка, которую знал Майкл.

— Майкл вернулся бы сюда так или иначе, — Джадд не сомневался в этом даже на секунду. — А когда один из моих детей падает в эмоциональную кроличью нору вроде этой, он — или она — точно не будет делать это в одиночку.

Джадд позволил мне усвоить его слова, а затем потянулся к своему рюкзаку и достал из него папку.

— Что это? — спросила я, когда он вручил её мне.

— Документы, которые кто-то очень старался похоронить, — ответил он. — Сегодня утром, пока вы ездили за мисс Делакура, одному из контактов Ронни удалось их найти.

Ронни было сокращением от Вероники — агента Вероники Стерлинг.

— Заключение по имени Роберт Миллс, — коротко произнёс Джадд, пока я открывала папку. — Осужден за убийство своей бывшей жены. Был убит в тюрьме вскоре после приговора.

Мужчина, с которым говорил Рэддинг. Я крепче сжала папку. Тело его жены так и не нашли. Её забрали, как и мою мать.

Когда я открыла папку, Джадд взял меня за подбородок, и его обветренная ладонь ласково повернула к нему моё лицо.

— Кэсси, не ныряй в эту кроличью нору в одиночку.

ГЛАВА 17

Документы состояли из сплошных фактов. Роберта Миллса осудили за убийство его бывшей жены. Не смотря на то, что её тело так и не нашли, улик было более, чем достаточно. Его ДНК нашли на пропитанном кровью его жены месте преступления. Он избивал её. Перед своей смертью Мэллори Миллс жила под вымышленным именем; но недавно Роберт узнал об её местонахождении. Полиция нашла на месте преступления три окровавленных пули с ДНК Мэллори. Криминалисты исследовали пистолет, найденный в мусорном баке неподалеку, и обнаружили, что из него стреляли шесть раз, а значит, три

другие пули остались в теле жертвы.

Пистолет был зарегистрирован на её бывшего мужа.

Тебя оставили истекать кровью на полу больше чем на пять минут. Там были лужи крови — больше сорока двух процентов крови в твоём теле.

Рядом со мной Дин изучал фото с места преступления на своём телефоне. Агент Стерлинг наверняка приклеивала эти фотографии — ещё один кусочек пазла — к стене в подвале нашего дома. Я же выбрала для размышлений другое место.

Кладбище.

Я посмотрела на имя своей матери на могильной плите: Лорелея Хоббс. Я и раньше знала, что похороненные здесь останки ей не принадлежали. Теперь я пыталась усвоить тот факт, что они могли принадлежать Мэллори Миллс.

Я не впервые думала о жизни, которую отняла моя мать, ради спасения собственной. Но теперь я думала не просто о теле в шести футах под землей; а о живой, дышащей женщине. Я представляла её, думая об уликах, благодаря которым её бывшего мужа обвинили в убийстве.

Три недостающие пули. Я представила, что лежу на спине, а пули обжигают мой живот, мою грудь и ногу. Ты почти наверняка потеряла сознание. Без неотложного вмешательства врачей, ты бы умерла.

— Но Владыки выбрали тебя, — мой голос был так мягок, что я едва расслышала слова. — Как выбрали мою мать.

Если я была права, Мэллори Миллс умерла не от огнестрельных ран. Владыки стреляли в неё, а затем спасли её. Они забрали её, подставили её мужа, а когда её раны затянулись, они заставили её сражаться с её предшественницей насмерть. Она была их пленницей до тех самых пор, пока они не похитили мою мать.

— Что у них общего? — негромко спросил Дин.

— Мэллори была чуть старше двадцати, — я вернулась к фактам. — Моей матери было двадцать восемь, когда она исчезла. Обе молодые, здоровые. У Мэллори были темные волосы. Моя мама была рыжеволосой, — я попыталась не вспоминать о заразной улыбке моей матери, о том, как она танцевала в снегу.

— Над ними обеими издевались.

Моя мать сбежала из дому в шестнадцать, чтобы спастись от отца, пострашнее отца Майкла. А Мэллори Миллс? Она не просто так жила под вымышленным именем. А её бывшего мужа не просто так смогли осудить, даже не найдя тело.

Вы выбираете женщин, знающих о насилии не понаслышке. Выбираете бойцов. Тех, кто умеет выживать. А затем вы заставляете их сделать невозможное, чтобы выжить.

Я хотела шагнуть к Дину. Хотела накрыть его губы своими и забыть о Мэллори Миллс, об имени моей матери на этой могильной плите и обо всём, что я прочитала в этой папке.

Но я не могла.

— Когда я ездила к твоему отцу, он процитировал мне Шекспира. «Бурю». «Ад пуст. Все бесы здесь».

Дин знал своего отца достаточно хорошо, чтобы читать между строк.

— Он сказал тебе, что твоя мать может быть не просто пленницей. Что она может быть одной из них.

— Мы не знаем, что с ней сделали эти монстры, Дин. Мы не знаем, кем ей пришлось стать, чтобы выжить, — по моей коже пробежал холодок, хотя я всё ещё чувствовала исходящее от Дина тепло.

— Мы знаем, что она не просто жертва. Она — Пифия. Фемида — так её назвал Найтшэйд. Судья и присяжные. Словно она была одной из них.

— Не по собственной воле, — мне нужно было услышать эти слова. Но это не делало их правдой.

— Она по собственной воле убила женщину, которую мы похоронили, — произнося эти слова, я чувствовала себя так, словно срываю повязку — а с ней и несколько слоёв кожи.

— Твоя мать выбрала жизнь.

Я говорила себе об этом на протяжении десяти последних недель. Я провела бессчётное количество ночей, глядя в потолок и гадая: чтобы сделала я, если бы меня заставили драться на смерть? Смогла бы я убить другую женщину — прошлую Пифию, сражавшуюся со мной не на жизнь, а на смерть — чтобы спастись?

Как и много раз до того, я попыталась забраться в голову своей матери, представить, каково ей было, когда её похитили.

— Я просыпаюсь в полутьме. Я должна быть мертва, но это не так, — затем моя мама подумала бы обо мне, но я пропустила это и перешла к мыслям, крутившимся в её голове, когда она поняла, что произошло.

— Они резали меня. Ранили. Я была при смерти. А потом они вернули меня.

Сколько женщин, не считая моей матери и Мэллори Миллс, разделили ту же участь? Сколько было Пифий?

Вы ждете, чтобы они исцелились, а затем...

— Они заперли меня в комнате. Но я там не одна. Ко мне приближается женщина. У неё в руках нож. Рядом со мной тоже есть нож, — я отрывисто дышала. — Теперь я знаю, зачем они едва не убили меня, зачем вернули назад, — мне казалось, что даже мой голос звучит, как голос моей матери. — Они хотели, чтобы я посмотрела Смерти в глаза. Они хотели, чтобы я знала, каково это. Чтобы я без тени сомнения знала, что я не готова умереть.

Я беру нож. Я отбиваюсь. И я побеждаю.

— Владыки следят за этими женщинами, — Дин вытащил меня из мрака. Он не стал использовать привычные для профилирования местоимения — ни «я», ни «мы», ни «ты». — Они наблюдают за ними. Они знают, через что они прошли, что пережили.

Я шагнула вперед, но замерла в дюйме от Дина.

— Они наблюдали за моей матерью — недели, месяца или годы, а я даже не помню, в каких городах мы жили. Я — наше единственное подобие свидетеля, и я не могу вспомнить ни одной полезной детали. Ни одного лица.

Я пыталась. Я пыталась вспомнить уже много лет, но мы так часто переезжали. Каждый раз, моя мать говорила мне одни и те же слова: «Дом — это не место. Дом, это люди, которые тебя любят. На веки вечные. Не смотря ни на что».

На веки вечные...

Тогда-то я и вспомнила. Моя мать обещала любить не только меня. Я была не единственным свидетелем. Пусть я не знала, что делали с моей матерью и кем она стала.

Но кое-кто знал. Кое-кто знал и любил её.

Навеки вечные. Не смотря ни на что.

ГЛАВА 18

Моя сестра, Лорел, была мала для своего возраста. Педиатр решил, что ей было где-то четыре. Она была здорова, не считая недостатка витамина «D». Вкупе с её бледной кожей и тем немногим, что нам удалось узнать от самой Лорел, это привело нас к мысли, что она

провела большую часть своей жизни в помещении — возможно, под землей.

За последние десять недель я видела Лорел дважды. Чтобы организовать встречу, понадобились почти целые сутки. Если бы решения принимали агенты Бриггс и Стерлинг, эта встреча стала бы последней.

Это слишком опасно, Кэсси. Для тебя. Для Лорел, — предостережения агента Стерлинг звенели в моих ушах, пока я наблюдала за тем, как младшая сестра, которую я едва знала, стояла перед пустыми качелями и напряженно глядела на них своим детским личиком.

Словно ты видишь то, чего не видят другие, — подумала я. — Воспоминание. Призрака.

Лорел редко разговаривала. Она не бегала. Не играла. Часть меня надеялась, что на этот раз она будет походить на ребенка. Но она просто стояла там, в десяти футах и световых годах от меня, неподвижно и неестественно тихо, как в тот день, когда я нашла её в окровавленной комнате.

Ты мала, Лорел. Ты оправишься. Тебя охраняют. Я хотела поверить, что на этот раз Лорел будет в порядке, но моя сводная сестра была рождена и росла для того, чтобы занять место за столом Владык. Я понятия не имела о том, будет ли она в порядке хоть когда-нибудь.

За недели, которые она провела под опекой ФБР, никто не смог узнать от неё ничего полезного. Она не знала, где её удерживали. Она не могла — или не хотела — описать Владык.

— Судя по уровню разрушения этой карусели, я бы предположила, что эту детскую площадку построили между 1983 и 1985, — ко мне подошла Слоан. Агент Стерлинг предложила, чтобы я взяла с собой кого-то из естественных. Я выбрала Слоан, потому что она и сама походила на ребенка — и с меньшей вероятностью могла понять, насколько израненной была психика Лорел.

Слоан утешительно сжала мою руку.

— В эстонском спорте под названием киикинг, игроки стоят на огромных качелях и пытаются проделать поворот в триста шестьдесят градусов.

У меня был выбор: я могла остаться здесь, выслушивая все факты, связанные с детскими площадками, которыми Слоан пыталась меня успокоить, или я могла поговорить с моей сестрой.

Словно услышав мои мысли, Лорел обернулась, переводя взгляд с качелей на меня. Я подошла к ней, но она снова повернулась к качелям. Я опустилась рядом с ней на колени, позволяя ей привыкнуть к моему присутствию. Слоан подошла к нам и присела на соседней качели.

— Это моя подруга Слоан, — сказала я Лорел. — Она хотела с тобой познакомиться.

Лорел не ответила.

— Существует двести восемьдесят пять видов белок, — поздоровалась Слоан. — И это не считая количество доисторических видов, имевших с белками общие черты.

К моему удивлению, Лорел склонила голову на бок и улыбнулась Слоан.

— Числа, — ясно произнесла она. — Мне нравятся числа.

Слоан приветливо улыбнулась Лорел.

— В числах есть смысл даже тогда, когда его нет ни в чем другом.

Я наблюдала за тем, как Лорел робко шагнула к Слоан. Числа тебя успокаивают, — подумала я, пытаясь увидеть мир глазами моей младшей сестры. — Они тебе знакомы. Для мужчин, благодаря которым ты появилась на свет, числа незыблемы. Высший порядок.

Закон.

— Тебе нравятся качели? — спросила у Слоан Лорел. — Это мой второй любимый пример применения центростремительной силы.

Когда Слоан начала раскачиваться на качелях, Лорел нахмурилась.

— Не так, — решительно сказала моя сестра.

Слоан остановилась, и Лорел шагнула к ней. Она провела своими крохотными пальчиками по звеньям цепей, на которых крепились качели.

— Вот так, — сказала она Слоан, прижимая свои запястья к металлическим цепям.

Слоан встала и повторила движения Лорел.

— Вот так?

Лорел осторожно обернула цепь вокруг запястья Слоан.

— Обе руки, — сказала она Слоан. Пока моя четырехлетняя сестра методично оборачивала другую цепь вокруг второго запястья Слоан, я наконец-то поняла, что она делала.

Цепи на запястьях. Оковы.

Я размышляла о том, что Лорел видела, глядя на качели. Теперь я знала.

— Браслеты, — голос Лорел звучал счастливее, чем я когда-либо слышала. — Как у мамочки.

Если бы я уже не стояла на коленях, эти слова сбили бы меня с ног.

— Мама носит браслеты? — стараясь сохранить спокойствие в голосе, спросила я у Лорел.

— Иногда, — ответила Лорел. — Это часть Игры.

— Какой игры? — у меня пересохла во рту, но я должна была спросить. Лорел впервые приблизилась к тому, чтобы рассказать мне о том, как ей приходилось жить, и о нашей матери.

— Игры, — повторила Лорел, качая головой, словно я задавала глупые вопросы. — Не молчанки. Не прятки. Игры.

На несколько секунд повисла тишина. Слоан продолжила.

— У игр есть правила, — произнесла она. Лорел кивнула.

— Я знаю правила, — прошептала она. — Я знаю все правила.

— Ты можешь рассказать Слоан о правилах, Лорел? — спросила я. — Она хочет их услышать.

Моя сестра уставилась на всё ещё обернутые в цепи запястья Слоан.

— Не Лорел, — яростно произнесла малышка. — Лорел не играет в эту Игру.

Меня зовут Девятка, — такими были первые слова, которые сказала мне моя сестра. Тогда эти слова заставили холодок пробежать по моей спине, потому что в группировка, которую мы искали, состояла из девяти человек. Семь Владык. Пифия. И ребенок Пифии и Владык — девятый член этого садистского круга.

Девятка.

— Лорел не играет в эту игру, — повторила я. — В неё играет Девятка.

Крохотные пальчики Лорел крепче сжали цепи.

— Мамочка знает, — пылко произнесла она.

— Знает что? — спросила я, чувствуя, как пульс эхом отдается в моём горле. — Что знает мамочка?

— Всё.

С выражением лица моей сестры что-то было не так. На нём не было эмоций. Она не походила на ребенка.

Не Лорел, — её слова отдались эхом в моей голове. — Лорел не играет в эту Игру.

Я не могла так с ней поступать. Чтобы она не переживала, в какую бы игру не играла. Я не могла заставить мою сестру сделать это.

— Когда я была маленькой, — негромко произнесла я, — мы с моей мамой играли в игру. Игру на угадывание, — моя грудная клетка напряглась под весом воспоминаний, угрожающих сбить меня с ног. — Мы наблюдали за людьми и угадывали. Какими они были, что их радовало, чего они хотели.

Поведение. Личность. Окружение. Моя мать была хорошим учителем. Судя по играм, которые упомянула моя младшая сестра — молчанка, прятки — я была готова поспорить, что мама научила Лорел кое-каким навыкам выживания. Я не понимала одного: была ли игра, в которую играла «Девятка» ещё одним изобретением моей мамы, рассчитанным на то, чтобы скрыть весь ужас ситуации — включая цепи — от Лорел, или же эту игру придумали Владыки.

Лорел протянула свою крохотную ладошку к моей щеке.

— Ты красивая, — сказала она. — Как мамочка, — она уставилась на меня с пугающим напряжением. — Твоя кровь тоже красивая?

Вопрос выбил воздух из моих легких.

— Хочу посмотреть, — сказала Лорел. Её маленькие пальчики всё сильнее и сильнее впивались в мою щеку. — Кровь принадлежит Пифии. Кровь принадлежит Девятке.

— Смотри! — Слоан высвободила свои руки из цепей. Она показала свои запястья Лорел. — Больше никаких браслетов.

Наступила пауза.

— Больше никакой игры, — прошептала Лорел. Она опустила руку и обернулась ко мне, с по-детски обнадеженным выражением лица — совсем не таким, как за миг до того. — Я умница? — спросила она.

Ты такая умница, Кэсси, — я почти слышала, как моя мама говорит мне эти слова с улыбкой на лице, после того, как я правильно описала характеры семьи, которая сидела рядом с нами за ужином.

Слоан попыталась завести разговор:

— Существует семь чудес света, семь гномов, семь смертных грехов и семь разных видов близнецов.

— Семерка! — Лорел склонила голову на бок. — Я знаю семерку, — она напела что-то себе под нос: несколько разных нот. — Это семерка, — сказала она Слоан.

Слоан повторила мелодию.

— Семь нот, — подтвердила она. — Шесть из них не повторяются.

— Я умница? — во второй раз спросила у меня Лорел.

Моё сердце сжалось, и я обняла её. Ты моя. Моя сестра. Моя ответственность. Не важно, что они с тобой сделали — ты моя.

— Ты знаешь число семь, — пробормотала я. — Ты умница, — голос застрял у меня в горле. — Но Лорел? Ты больше не обязана играть в эту игру. Больше никогда. Ты не должна быть Девяткой. Ты можешь быть просто Лорел, на веки вечные.

Лорел не ответила. Её взгляд замер на чём-то, чуть выше моего правого плеча. Я обернулась и увидела, как мальчик катает свою сестру на карусели.

— Колесо крутится, — окаменев, пробормотала Лорел. — Круг за кругом...

Ты

Скоро.

Скоро.

Скоро.

Владыки приходят и уходят, но Пифия живёт в комнате.

ГЛАВА 19

Благодаря моему разговору с Лорел, я узнала две вещи. Во-первых, какую бы позицию не занимала моя мать, и какой бы не была её власть над Владыками, она оставалась пленницей. Её «браслеты» были достаточным тому доказательством. А во-вторых...

— Кровь принадлежит Пифии, — я повторила слова своей сестры вслух. — Кровь принадлежит Девятке.

— Тук-тук, — у Лии была привычка произносить это вслух, а не стучать на самом деле. Не дожидаясь ответа, она не спеша вошла в комнату, которую мы делили со Слоан. — Маленькая птичка нашептала мне, что существует вероятность в семьдесят две целых три десятых процента, что тебя нужно обнять, — сказала Лия. Она изучила моё лицо. — Но я не обнимаюсь.

— Я в порядке, — сказала я.

— Вранье, — сразу же ответила Лия. — Попробуешь ещё разок?

На кончике моего языка вертелись слова о том, что после ссоры в доме Майкла, она и сама была не в порядке, но я знала, что заговори я об этом, всё плохо кончится.

— Ты не обнимаешься, — вместо этого, сказала я. — А как относишься к мороженому?

В итоге мы с Лией оказались на крыше. Между нами стояла упаковка мороженого с белым шоколадом и малиной.

— Хочешь, чтобы я сказала тебе, что твоя мать всё ещё та, кого ты помнишь? — спросила Лия, облачиваясь на оконную раму за нашими спинами.

Если бы я попросила её об этом, Лия заставила бы слова прозвучать абсолютно убедительно. Но я не хотела, чтобы она мне лгала.

— Несколько недель назад Найтшэйд сказал нам, что Пифия руководит Владыками вместо своего ребенка, — слова казались горькими на вкус. — Но Лорел сказала, что ей скрывают запястья.

Частично — королева, частично — пленница. Бессильная и могущественная. Как долго человек может выдерживать такую двойственность, прежде чем он сделает что-то — что угодно — чтобы вернуть себе свободу воли и контроль?

— Моя младшая сестра называет цепи браслетами, — я смотрела прямо перед собой, крепко сжимая ложку. — Она думает, что это игра.

Я замолчала.

— Ну, пока что мне не скучно, — Лия взмахнула в мою сторону ложкой, показывая, чтобы я продолжала.

Так я и сделала.

— Такое чувство, что в Лорел живет два разных человека, — через несколько минут закончила я. — Маленькая девочка и... кто-то ещё.

Что-то ещё.

— Она сжала мою щеку до боли. Сказала, что хочет увидеть мою кровь. Но как только Слоан высвободила свои руки из цепей, как будто выключатель щелкнул. Лорел снова стала

маленьким ребенком. Она спросила у меня... — слова застряли у меня в горле. — Спросила, умница ли она, как будто...

— Как будто по сигналу она должна становиться совершенно жуткой, на грани безумия? — подсказала Лия.

— Возможно, так и есть.

Лия выросла в секте. Однажды она сказала мне, что кто-то дарил ей подарки, если она хорошо себя вела. Лия распустила волосы и вытянула ноги к краю крыши. Перемена во внешности, перемена в позе. Я поняла, что так Лия пыталась отбросить эмоции, которые она не хотела чувствовать.

— Когда-то давно... — небрежно и легкомысленно произнесла Лия, — жила-была маленькая девочка по имени Сейди. Она должна была учить слова. Играть роль. И чем лучше у неё получалось... — Лия сжала губы и улыбнулась мне. — Но это история для другого раза.

Лия нелегко раскрывала части своего прошлого, и даже когда она это делала, нельзя было наверняка сказать, были ли её слова правдой. Но я собирала частички и обрывки — например то, что на Сейди — её настоящее имя.

Учить слова. Играть роль. Я гадала о том, что общего было у Сейди и Девятки. Я знала что мне не стоит профилировать Лию, но всё равно сделала это.

— Чтобы тогда не произошло, — мягко произнесла я, — это произошло не с тобой.

В глазах Лии мелькнул намек на чувства, словно блик на темной воде в глубоком колодце.

— Так говорила Сейди её мама. Просто притворись, что это происходит не с тобой, — на губах Лии мелькнула резкая улыбка. — Сейди хорошо умела притворяться. Она играла роль. А я научилась играть в игру.

Отмахиваясь от своей старой личности, Лия возвращала себе власть. Её «игра» — в чём бы она не заключалась — скорее всего, мало походила на игру, через которую пришлось пройти моей матери, и которую Лорел считала нормальной. Но между этими двумя ситуациями было достаточно сходств, чтобы я задумалась о том, говорила ли мама моей младшей сестре провести черту между «Лорел» и «Девяткой».

— Что было с матерью Сейди? — спросила я. С твоей матерью, — я мысленно уточнила. — Она последовала собственному совету? Создала часть себя, которой не могло коснуться ничего и никто?

Наверняка Лия понимала, что я спрашиваю не только о её матери, но и о своей. Была ли вырастившая меня женщина Пифией? Или это была всего лишь роль? Возможно, она отделила часть себя и глубоко похоронила её? Если я найду её, будет ли кого спасать?

— Ты профайлер, — беззаботно произнесла Лия. — Ты мне скажи...

Лия запнулась, не закончив предложение. Я проследила за её взглядом к тропинке, ведущей к нашему дому — и к девушке, шагавшей по ней так, словно тропинка была подиумом, а она — звездой шоу.

— Селин Делакура, — тон Лии был совсем немного менее настораживающим, чем жутковатая улыбка, мелькнувшая на её губах, когда она поднялась на ноги. — Будет весело.

ГЛАВА 20

— Разве я не могу навестить лучшего друга детства в день его рождения?

Мы с Лией спустились на первый этаж и услышали, как Селин объясняет Майклу своё появление. Рядом с ним с упрямым и озабоченным лицом стояла Слоан. Я гадала о том, кого

она хочет защитить — Майкла или Лию.

— Ты следила за нами, — Майкл не звучал слишком уж удивленным.

— Следила, — повторила Селин. — Или подкупила несколько человек, чтобы они присмотрели за вами. Без разницы, — затем она обернулась к Слоан. — Должно быть, ты одна из друзей Майкла. Я Селин.

— Ты подстроила собственное похищение, — на языке Слоан это было приветствием. — Насколько я понимаю, такое поведение абсолютно ненормально.

Селин пожала плечами.

— Разве я подделала записку о выкупе? Или позвонила в полицию?

— Ты пытаешься сказать, что не делала ничего незаконного, — Дин зашел в комнату и вмешался в разговор прежде, чем это смогла сделать Лия.

— Я хочу сказать, что, если человек хочет разнести собственную студию и на недельку уехать в один из своих загородных домов, он не виноват, если кто-то подумает, что случилось преступление.

— А я хочу сказать, — вмешалась Слоан, — я хочу сказать... — она умолкла, пытаясь подобрать ответ. — Я хочу сказать, что среднестатистический карликовый ослик живет от двадцати пяти до тридцати пяти лет!

Селин широко улыбнулась.

— Она мне нравится, — напрямик сказала она Майклу. — Она говорит то, что думает. Нашему кругу общения не помешало бы побольше таких людей.

Твоему кругу общения, — мысленно поправила я. — Не кругу общения Майкла. Больше нет.

— Раз уж мы говорим то, что думаем, — вмешалась Лия, — если ты приехала, чтобы отметить день рождения Майкла, может нам стоит начинать вечеринку?

Майклу хватило ума выглядеть встревоженным.

— Думаю, стоит сыграть в игру, — продолжила Лия.

— Игру? — Селин изогнула бровь. — Какую игру?

Лия посмотрела на Майкла и лукаво улыбнулась.

— Как насчет «Я никогда не...»?

Я не была уверена в том, как Майкл планировал провести свой день рождения, но не думаю, что в его планы входило сидеть у бассейна на заднем дворе с Лией по одну сторону от него и Селин — по другую.

— Правила простые, — произнесла Лия, свешивая ноги в бассейн. Не смотря на подогрев, вода была холодной.

— Сначала все поднимают десять пальцев. Если кто-то говорит о чём-то, что вы делали, вы опускаете палец, — она позволила нам усвоить правила и эффектно начала игру. — Меня никогда не похищал, мне не угрожал или в меня не стрелял Н.О...

Я видела подтекст: какой бы мир не делили Селин с Майклом, Лия пыталась показать этой девушке, что теперь она ничего о нём не знала.

Я опустила палец. За мной повторили Дин с Майклом.

Селин и глазом не повела.

— Я никогда не использовала слово «Н.О.», словно это абсолютно нормально.

Мы с Дином, Майклом и Лией опустили пальцы. Лия кашлянула, призывая внимание Слоан.

— Я ничего не говорю так, словно это нормально, — объяснила Слоан. — Девяносто

восемь процентов времени я совсем не нормальная, — она сделала паузу. — Я никогда не знала первую сотню цифр в числе Пи.

Майкл застонал. Все, кроме Слоан опустили по пальцу. У меня оставалось всего семь, а ведь прошло только три раунда.

— Твоя очередь, — сказала мне Селин. — Придумай что-нибудь хорошее.

Я взглянула на Лию.

— Я никогда не жила в уборной музея Метрополитен.

Лия фыркнула и медленно опустила средний палец на левой руке.

— Серьезно? — спросила Селин.

Лия взглянула на девушку с опасным блеском в глазах.

— Seriously.

Судя по всему Дин почувствовал, что взгляд Лии не сулил ничего хорошего — ни Селин, ни Майклу, ни самой Лии — потому что в этот момент он присоединился к игре.

— Я никогда, — медленно произнёс он, — не целовался с Майклом Таунсендом.

— Однажды, здоровяк, — подмигнув, сказал ему Майкл. — Если будешь хорошо себя вести.

Я уставилась на Дина и опустила палец. Почему он это сказал? — гадала я. Но когда Лия опустила палец, я поняла, почему Дин выбрал именно этот факт.

Селин не пошевелилась.

— Я никогда, — через несколько секунд произнёс Майкл, — поспешно не предполагал, что моя вторая половинка влюблена в девушку, которую я никогда не встречал.

Лия загнула палец и перегруппировала пальцы так, чтобы поднятым оставался только средний.

— Я никогда не употребляла словосочетание «вторая половинка», — парировала она.

— Технически, — заметила Слоан, — ты только что это сделала.

Селин фыркнула.

— Я никогда не имела слабости к блондинкам, — произнесла она. А затем, не отводя взгляда от Слоан, она одарила нашего эксперта по статистике ослепительной улыбкой и опустила собственный палец, показывая, что она имеет слабость к блондинкам.

Ты никогда не целовалась с Майклом, — осознала я, — потому что Майкл не в твоём вкусе.

— Я никогда не хотела завести карликового ослика, — произнесла Слоан, понятия не имея о том, что Селин с ней флиртовала.

Снова подошла моя очередь.

— Я никогда не подстраивала собственное похищение из-за чего-то, что сказал мне Тэтчер Таунсенд.

Отец Майкла отрицал, что он спал с Селин, виделся с ней в день её исчезновения или угрожал ей. Но, как сказала Лия, правдой могло оказаться и всего один факт из трёх.

Возможно, он с тобой не спал, но всё равно виделся с тобой. Возможно, он угрожал тебе из-за чего-то другого.

Селин — порывистая и бесстрашная — опустила палец.

— Мне никогда не угрожали из-за бизнеса моего отца, — предположил Дин, но прогадал.

Селин обернулась к Майклу.

— Становится скучно, — сказала ему она. Судя по всему, что бы ей не сказал Тэтчер

Таунсенд, она не хотела этим делиться.

На несколько секунд повисла тишина, а затем Лия произнесла:

— Я никогда не позволяла кому-то избивать меня.

Майкл перевел взгляд с Селин на Лию.

— Подловила, — сказал он, указывая на свою разбитую губу. — Очень проникательно.

Вместо ответа Лия опустила левую руку. Через несколько секунд я поняла, что таким образом она опустила средний палец. Вдруг я поняла, что так Лия пыталась сказать Майклу, что когда-то она была на его месте.

После долгой паузы заговорила Селин.

— Меня никогда не признавал мой собственный отец, — голос Селин звучал хрипло, словно для неё слова Майкла и Лии тоже что-то значили.

Слоан уставилась на Селин. Так как мой отец признал меня, я загнула палец. Как и Дин. Как и Майкл. Как и Лия.

Но Слоан не пошевелилась.

— Ты тоже родилась вне брака? — спросила она у Селин. В её голосе не было осуждения. Она не знала, что обычно люди не задают такие вопросы.

Майкл повернулся к Селин, изучая черты её лица.

— Си-си?

Если Селин и была рождена вне брака, Майкл явно не знал об этом. Я подумала об эмоциях, которые он увидел на лице своего отца, когда Селин исчезла. Ярость. Оскорбление. Личная обида.

Жажда.

Тэтчер Таунсенд был человеком, жаждущим заполучить всё, чем он не мог обладать. То, что ему не позволяли забрать. То, что принадлежало тебе по праву.

Внезапно, я взглянула на ситуацию с другой стороны — почему Тэтчер решил увидеться с Селин, почему Селин так отреагировала, почему она последовала за Майклом сюда, почему Тэтчер Таунсенд с самого начала решил участвовать в расследовании.

С характером, как и её отец, — слова Элиз Делакруа обрели новый смысл. Не Рэми Делакруа. Её отец. Отец Майкла.

Майкл отвернулся от секретов, которые он видел на лице Селин.

— Как именинник, я имею право потребовать вечеринку достойную мультика «Там, где живут чудовища». И так уж получилось, — продолжил он, скрывая свои эмоции так, как мог только тот, кто умел их читать, — что у меня, с недавних пор приёмника трастового-фонда, есть несколько идей.

ГЛАВА 21

В представлении Майкла, вечеринка означала арендованный парк аттракционов.

— Я хочу знать, сколько это стоит? — спросил Дин.

— Сомневаюсь, — ответил Майкл. — Я хочу знать, почему ты боишься добавлять в свой гардероб цветную одежду? Почти наверняка нет!

Когда мы встретились впервые, мне казалось, что Майкла сложно профилировать. Но теперь я поняла. Чтение эмоций не было его единственным средством выживания. Он научился не чувствовать, превращать всё в шутку, не обращать внимания на правду, которая изменила весь его мир.

Мельком взглянув на Селин, я поняла, что они разделяли эту черту. Уголки её губ приподнялись в безмятежной улыбке.

— Неплохо, — сказала она Майклу, глядя на горящие вдалеке огни колеса обозрения.

— Что я могу сказать? — ответил он. — Хороший вкус — это семейное.

В его словах звучал оглушающий подтекст.

Слоан нахмурилась.

— Количество вкусовых рецепторов человека действительно передается по наследству, но, насколько я знаю, это не влияет на эстетику или предпочтения в развлечениях.

Селин не стала медлить.

— Интеллектуалы, — важно произнесла она. — Одобряю.

Несколько секунд Слоан молчала.

— А большинство людей — нет.

Моё сердце болело от сухого тона, которым Слоан произнесла эти слова.

Селин на удивление ласково взяла Слоан под руку.

— Как тебе идея попытаться выиграть мне золотую рыбку?

Слоан явно понятия не имела, как ответить, так что она выбрала самый простой путь.

— У золотых рыбок нет желудков и век. А их устойчивость внимания в состоянии покоя в одну целую девять сотых раз больше, чем у среднестатистического человека.

Когда Селин повела Слоан в сторону ярмочных игр, я хотела было последовать за ними, но Майкл удержал меня.

— С ней всё будет в порядке, — сказал он мне. — Селин... — он замолчал, а затем сменил тактику. — Я ей доверяю.

— Хорошо, когда есть, кому доверять, — тон Лии не был резким, но это ничего не значило. Она прекрасно умела скрывать резкость за сладостью.

— Я никогда не говорил, что ты можешь мне доверять, — возразил Майкл. — Я сам себе не доверяю.

— Возможно, я пытаюсь сказать, что ты можешь доверять мне, — Лия играла кончиком своего темного хвостика, заставляя эти слова звучать не более чем шутливо. — А может, я пытаюсь сказать, что ты не можешь верить, что я не стану мстить тебе оригинальными и ужасно абсурдными способами.

После этого настораживающего заявления, Лия взяла Дина под руку, точь-в-точь как Селин взяла Слоан.

— Я вижу американские горки, которые просто созданы для меня, Дин-о. Ты готов?

Лия редко о чём-то просила Дина. Он не мог ей отказать. Когда они вдвоём отделились от группы, я подавила инстинкт последовать за ними.

— И тогда, — пробормотал Майкл, — их осталось двое.

В итоге мы оказались в доме кривых зеркал.

— Ты очень сильно пытаешься меня не профилировать, — прокомментировал Майкл, пока мы пробирались через лабиринт.

— Что меня выдало? — спросила я.

Он постучал по моему виску двумя пальцами, а затем указал на наклон моего подбородка. Мы миновали несколько кривых зеркал, искажающих наши отражения. Они растягивались и сжимались, смешивая цвета моего отражения с цветами отражения Майкла.

— Можешь не напрягаться, Колорадо. Я хочу того, что не могу получить, просто для того, чтобы доказать себе, что не заслуживаю того, чего хочу. И, для человека с моими способностями, я обладаю невероятным умением не замечать того, что у меня прямо под носом.

Я уловила скрытый смысл его слов.

— Ты даже не догадывался. О Селин. О том, кто на самом деле её отец.

— Но как только она сказала мне об этом, всё обрело смысл, — Майкл сделал паузу, а затем опробовал слово, которого он избегал. — У меня есть сестра.

Краем глаза я увидела себя в ещё одном зеркале. От искажения мое лицо стало круглее, а моё тело — меньше. Я подумала о глядящей на качели Лорел. У меня тоже есть сестра.

— Уголки губ опущены вниз, шея напряжена, глаза не сфокусированы, словно ты видишь не то, что находится здесь и сейчас, — Майкл сделал паузу. — Сегодня ты виделась со своей сестрой, и даже Драма Детей и Родителей Таунсендов не заставит тебя забыть о том, что ты видела.

Мы добрались до выхода из дома кривых зеркал и вернулись на улицу. Я увидела, что нас поджидает Селин, и проглотила свой ответ на слова Майкла. Она держала в руках аквариум.

— Слоан выиграла тебе золотую рыбку, — прокомментировал Майкл.

— Слоан выиграла всех золотых рыбок, — поправила его Селин. — Она до ужаса хороша в этих играх. Что-то связанное с «расчётами».

Я и сама произвела кое-какие расчеты и решила, что, хотел этого Майкл или нет, ему нужно было поговорить с Селин. А мне нужно было убратсья подальше от зеркал, воспоминаний и внезапного напоминания о том, что до следующей даты Фибоначчи оставалось меньше тридцати шести часов.

Слоан сидела неподалеку от колеса обозрения в окружении аквариумов с золотыми рыбками. Я села рядом с ней. О чём бы не говорили Селин с Майклом, музыка от колеса обозрения заглушила их разговор.

Колесо крутится, — произнёс детский голосок в моих воспоминаниях, — круг за кругом...

Сидящая рядом со мной Слоан напевала что-то себе под нос. Сначала мне показалось, что она подпевает музыке, но затем я осознала, что она снова и снова напевает одни и те же семь нот.

Песенка Лорел.

По моим рукам пробежали мурашки.

— Слоан... — я хотела попросить её остановиться, но что-то в выражении её лица заставило меня запнуться.

— Семь нот, шесть из них не повторяются, — Слоан уставилась на колесо обозрения, наблюдая за тем, как оно крутится. — Ми-бемоль, ми-бемоль, ми, ля-бемоль, фа-диез, ля, си-бемоль, — она сделала паузу. — Что, если это не песня? Что, если это код?

ГЛАВА 22

Семерка. Я знаю семерку. Пока мы сворачивали на подъездную дорогу, слова Лорел вертелись в моей голове. Я заметила, что у дома было припарковано несколько машин. Свет горел не только в кухне, но и на всём первом этаже.

Что-то было не так.

Я вышла из машины ещё до того, как Майкл затормозил. По пути к входной двери я миновала трёх агентов. Агент Вэнс. Агент Старманс. Я не сразу узнала третьего мужчину — один из агентов, охранявших Лорел.

Нет.

Я распахнула дверь и увидела Бригтса с ещё одним агентом. Со спины я не видела его

лицо, так что я сказала себе, что слишком бурно реагирую. Я сказала себе, что не узнаю его.

Сказала себе, что с Лорел всё в порядке.

А затем мужчина обернулся. Нет. Нет, нет, нет...

— Кэсси, — агент Бриггс заметил меня и прошмыгнул мимо мужчины. Агент Моррис. Я вспомнила его имя. Агенты Моррис и Сайдс. Двое агентов, охранявших мою сестру.

Это слишком опасно, Кэсси, — сказала мне агент Стерлинг, объясняя, почему моя встреча с сестрой должна была стать последней. — Для тебя. Для Лорел.

— Где она? — спросила я. Всё моё тело дрожало от напряжения. На каком-то уровне я почувствовала, как Бриггс опустил руку мне на плечо. На каком-то уровне я знала, что он ведет меня в другую комнату.

— Здесь оба агента, охранявших Лорел, — сжав зубы, произнесла я. — Они должны скрываться. Вместе с ней.

Я осмотрела комнату, словно Лорел могла быть здесь. Словно, если я хорошенько поищу, я смогу найти её.

— Кэсси. Кассандра, — Бриггс сжал моё плечо чуть сильнее. Я почти этого не почувствовала. Я даже не понимала, что отбивалась, лихорадочно отталкивала его, пока он не обнял меня.

— Что произошло? — спросила я. Мой голос словно не принадлежал мне. Слова казались мне чужими. — Где Лорел?

— Её нет, Кэсси, — это Бриггс завербовал меня в программу. Из всех взрослых в нашей жизни, он был самым сосредоточенным, целеустремленным и больше всех раздавал приказы.

— Она исчезла? — внезапно, я замерла. — Или она мертва?

Бриггс ослабил хватку, но не выпустил меня.

— Исчезла. Несколько часов назад нам позвонили охранявшие её агенты. Состоялся план перехват, перекрыли все ближайшие дороги, но...

Но это не помогло. Вы не нашли её.

— Она у них, — я заставила себя произнести это. — Я пообещала ей, что ей никогда не придется туда возвращаться. Пообещала, что она в безопасности.

— Ты не виновата, Кэсси, — сказал мне Бриггс, опуская ладонь на мой подбородок и заставляя меня посмотреть ему в глаза. — За эту программу отвечаю я. Я отвечаю за тебя. Я принял решение привлечь Лорел, — даже не спрашивая, я знала, что он думал о ссоре между ним и агентом Стерлинг случившейся в Нью-Йорке. О Скарлетт Хокинс и Найтшэиде, с жертвах, на которые мы шли ради победы.

— Где Стерлинг? — спросила я.

— Ищет зацепки в штабе ФБР, — ответил Бриггс. — Пытается понять, как, черт возьми это произошло.

Это произошло, — слова тисками сжали моё сердце, — потому что я встретила с Лорел.

Это произошло из-за меня.

Ты

Твой ребенок без сознания лежит на каменном алтаре, вытянув свои крохотные ручки и ножки в форме креста. Такая маленькая. Такая хрупкая.

Каждого проверяют. Каждый должен быть достоин.

Твоё горло покрыто ссадинами и синяками. Твои руки дрожат.

Но Пифия не может показывать слабость.

Пифия не может колебаться.

Твои руки сжимаются на шее твоего ребенка. Ты усиливаешь хватку. Девочке дали наркотики. Девочка спит. Девочка не почувствует боли.

Но работа Пифии не заключается в защите девочки.

Ты ослабляешь хватку на горле малышки.

— Ребенок достоин.

Один из Владык — ты зовешь его Пятеркой — протягивает руку и опускает ладонь на лоб девочки. Остальные один за другим следуют его примеру.

— Вашего внимания, — по окончанию ритуала произносит Пятерка, — требует ещё один вопрос.

К тому времени, как на алтаре просыпается малышка, они прижали твоё тело к стене. Ты не сопротивляешься, когда они сковывают твои лодыжки и запястья.

Пифия — это судья. Пифия — это присяжные. Без порядка, появится хаос. Без порядка, появится боль.

ГЛАВА 23

Я рванула в свою комнату. С каждым шагом я всё глубже и глубже погружалась в сознание Владык. Лорел никогда не будет в безопасности. Вы всегда сможете её найти. Вы создали её с великой целью. Она — Девятка, и вы отпустите её, только если она провалит ваши испытания. Найтшэйд сказал мне, что Владыки не убивают детей. Но это не помешало им оставить одного из предшественников Лорел умирать от жажды и жары, когда ему было шесть — он был всего на два года старше Лорел.

Каждого проверяют, — слова Найтшэйда эхом отдавались в моих воспоминаниях. — Каждый должен быть достоин.

Будь я нормальным человеком, я бы не смогла представить, какие именно испытания эти чудовища уготовили ребенку. Но я могла — я могла представить каждую ужасающую деталь.

Вы не просто причините ей боль. Вы заставите её причинить боль кому-то другому.

— Кэсси? — Слоан застыла в дверном проёме, словно силовое поле не позволяло ей зайти в комнату.

— Ты расшифровала его? — спросила у неё я. — Код?

Слоан отрывисто вдохнула.

— Я должна была найти его быстрее.

— Слоан...

— Семерка — это не просто число, — она не позволила мне сказать, что она ни в чём не виновата. — Это человек.

С грохочущим в груди сердцем я думала о том, что этой песенке Лорел наверняка научила моя мать.

— Семерка — это человек, — повторила я. — Один из семерых Владык, — внезапно у меня пересохло во рту, а на моих ладонках выступил пот. Лорел была в безопасности ровно до встречи, во время которой она передала мне эту информацию. — Ты знаешь, кто он?

— Я знаю, кем он был, — поправила меня Слоан. — Ми-бемоль, ми-бемоль, ми, ля-бемоль, фа-диез, ля, си-бемоль. Это не просто ноты. Это числа, — она достала из кармана лист бумаги. На нём она нарисовала восемь клавиш пианино. — Если сесть за пианино и пронумеровать клавиши, начиная со средней «до»... — она записала числа.

— Ми-бемоль, ми-бемоль, ми... — произнесла я. — Четыре, четыре, пять?

— Именно, — сказала Слоан. — Из семи нот получается девять чисел — по двузначному числу для ля и си-бемоль. 445-97-1011.

Через несколько секунд я поняла, как эти числа были связаны с тем, что Слоан узнала личность одного из Владык.

— Это номер социальной страховки.

— В этом-то и дело, — ответила Слоан. — Это не номер социальной страховки — по крайней мере, больше нет. Я пыталась понять, что ещё могут означать эти числа, но потом я решила не искать номер страховки в современных базах данных, а исследовать архивы.

— Для чего-нибудь из этого понадобилось нелегальное хакерство? — из дверного проёма раздался голос. Я подняла глаза и увидела Лию, а за ней — Майкла с Дином.

— Почти для всего, — без запинки ответила Слоан. — Я нашла его в архивах давностью в несколько десятков лет. Этот номер социальной страховки принадлежал мальчику, родившемуся в Гейтере, штат Оклахома, сорок три года назад. Его звали Мэйсон Кайл.

Я едва слышала собственные мысли за грохотом моего сердца.

— Мэйсон Кайл, — повторила я.

— Почему ты не нашла Мэйсона в современной базе данных? — спросила Лия. — Он мертв?

— В том-то и дело, — ответила Слоан, опускаясь на кровать рядом со мной. — Не считая номера социальной страховки в сети нет никаких подтверждений того, что Мэйсон Кайл когда-либо существовал. Ни свидетельства о рождении. Ни свидетельства о смерти. Ни сведений о работе. Кто бы не уничтожал информацию о нём, он стёр всё. Я смогла найти номер социальной страховки только потому, что взломала архив давностью в несколько десятков лет.

Вот, что мы узнали от Лорел. Ради этого я рискнула её безопасностью. Из-за этого она снова попала в руки Владык.

Чтобы стать Владыкой, ты должен оставить старую жизнь позади. Ты должен стереть все свои следы до единого. Когда-то ты был Мэйсоном Кайлом, — подумала я, обращаясь к фантому, — а теперь ты — призрак.

— Это всё? — спросила я у Слоан. Я чувствовала тяжесть в желудке, а в моих ушах стоял гул.

— Когда я узнала, что Лорел исчезла, я продолжила искать, — произнесла Слоан. — Я искала и искала и...

Она прикусила губу и открыла на коленях свой ноутбук, развернув его экраном ко мне. С фотографии на нас глядел маленький мальчик. Ему было где-то шесть или семь лет.

— Это — Мэйсон Кайл, — произнесла Слоан, — около тридцати семи лет назад. Это единственное фото, которое мне удалось найти.

Фотография была блеклой и размытой, словно её отсканировал человек, не очень хорошо разбиравшийся в работе сканнера, но мне удалось различить черты лица мальчика. На его щеках красовались ямочки. В его улыбке не хватало одного из передних зубов.

Он мог оказаться кем угодно.

Мне следовало оставить Лорел в покое. Вместо этого, я привела их прямиком к ней.

Мысли о том, что Владыки следили за нами — что они могли быть кем угодно и где угодно — заставили меня вспомнить о леденящей кровь улыбке Дэниела Рэддинга.

Хотел бы я увидеть, что эти люди сделают с тобой за то, что ты их преследовала.

— Существуют программы для состаривания фотографий, — мягко произнесла Слоан. — Если я смогу привести снимок в порядок и найти правильные параметры, возможно, мы сможем...

Я встала.

— Кэсси? — Дин позвал меня по имени. Когда он шагнул ко мне, я сделала шаг назад.

Прямо сейчас я не заслуживала его поддержки. Я подумала о том, как агент Стерлинг сказала, что Скарлетт Хокинс была принесена в жертву на алтаре амбиций. Подумала об обещании, которое я дала Лорел.

Я солгала.

ГЛАВА 24

Не считая света, исходящего от бассейна, на заднем дворе стояла крошечная темнота. Я пришла сюда, чтобы побыть в одиночестве, но подойдя к воде, я обнаружила, что не я одна искала уединенное местечко.

В бассейне плавала Селин Делакура.

Подойдя ближе, я увидела, что она включила инфракрасное освещение. Как и весь остальной дом, бассейн был создан для нашего обучения. На его дне светился силуэт тела.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Брызги — видимые только под инфракрасным излучением — виднелись на кромке бассейна.

Много месяцев назад Дин показал мне это. Он пытался убедить меня покинуть программу «Естественных». Он сказал, что убийства и хаос — не тот язык, на котором стоит говорить человеку.

Осознав, что она не одна, Селин обернулась ко мне.

— Не обижайся, — сказала она, — но у вас совершенно не выходит скрывать то, что вы работаете на ФБР.

Эта девушка была сестрой Майкла. Здесь она была в безопасности. Но если она здесь задержится, это может измениться.

— Ты должна уехать отсюда, — сказала ей я. — Вернуться в университет.

Селин подплыла к краю бассейна и выбралась из него. По её телу стекала вода. Наверняка ей было холодно, но она не поежилась.

— Я не очень-то хороша в том, что я должна.

Я не единожды слышала, как Майкл говорил эти же слова.

— Ты в порядке? — спросила Селин.

— Нет, — я не стала вдаваться в подробности и задала ей тот же вопрос. — А ты?

Она присела на краю бассейна, свесив ноги в воду, и закинула голову к небу.

— Я тут решила попробовать кое-что новое, — сказала она мне. — Абсолютная честность. Никаких секретов. Никакого вранья, — вот она, девушка с картины — девушка, нарисовавшая собственный автопортрет ножом. — Так что я отвечу на твой вопрос, Кэсси. Я не в порядке. Я невероятно и, скорее всего, бесповоротно запуталась. Вот, что происходит, когда в семь лет ты узнаешь, что твой отец — вовсе не твой отец, а его лучший друг. Вот, что происходит, когда в четырнадцать твоя мать по пьяни рассказывает твоему биологическому отцу, что ты — его дочь. А, в конце концов, этот биологический отец понимает, что ты

знаешь, и загоняет тебя в угол в твоей собственной студии, чтобы сказать, что твой отец — человек, который тебя растил, его деловой партнер и, предположительно, друг — разрушил тебя. Что ты стала бы кем-то намного большим, если бы тебя контролировал он. Что, будь у него шанс, он бы выбил из тебя эту дурную кровь, когда ты была младше, как он делал со своим сыном.

Дурная кровь. Я могла представить, как Тэтчер Таунсенд произносит эти слова, могла представить, как он выбивает из Майкла слабость, которую он видел в самом себе. А затем я подумала о Лорел — о том, как её растили и о том, чего от неё ждали.

Кровь принадлежит Пифии. Кровь принадлежит Девятке.

— Как ты узнала? — хрипло спросила я, пытаюсь сосредоточиться на том, что происходило здесь и сейчас, а не на том, чего мои действия стоило единственному человеку в мире, которого я клялась защищать. — Когда тебе было семь, как ты узнала, что Тэтчер Таунсенд — твой отец?

— Я посмотрела на его лицо, — просто ответила Селин. — И посмотрела на своё — не черты лица, не глаза, губы или нос, а строение лица. Кости.

Я оглядела на лицо Селин, в поисках схожести с отцом Майкла, но ничего не увидела.

Видимо, Селин уловила мой скептицизм.

— Я никогда не забываю лица. Могу один раз взглянуть на человека и понять, как лицевые кости его черепа выглядят под кожей. Знаю, жутковато, но что сказать? — она пожала плечами. — Естественный талант.

Дыхание застряла у меня в горле. Селин не знала подробностей программы — она не знала о том, почему ФБР собрало нас здесь или о наших умениях. Она не знала, что означало быть Естественным, с большой «Е». Но я вспомнила слова Майкла о том, что с самого детства она рисовала только лица, а затем — о цифровом рисунке, на котором она изобразила себя с Майклом. Она взяла их детское фото и с невероятной точностью состарила их лица.

Существуют программы для состаривания фотографии, — слова Слоан эхом отдавались в моей голове, пока я думала о том, какую роль гены сыграли в том, чтобы мы стали Естественными. Наше окружение довело наши таланты до совершенства — но они были с нами с самого начала.

А Селин была сестрой Майкла.

— Я правда думаю, что тебе лучше уехать, — мой голос походил на наждачную бумагу. — Но прежде чем ты уедешь, мне нужно одолжение.

ГЛАВА 25

С рисунка Селин на меня глядело знакомое лицо.

Найтшэйд.

Единокровная сестра Майкла изобразила портрет с пугающей точностью, вплоть до мальчишеского выражения на лице убийцы.

Семерка, — думала я, пока сердце яростно грохотало в моей груди. — Семь Владык, семь способов убийства. Последовательность начиналась с Владыки, который топил своих жертв, и кончалась ядом. Найтшэйд — Семерка.

Найтшэйд — Мэйсон Кайл.

Часть меня, онемевшая и опустевшая в тот миг, когда я осознала, что Владыки забрали Лорел, начала трескаться, словно лёд под ударами ледоруба. За последние десять недель ФБР не удалось узнать ничего о прошлом Найтшэйда. Теперь мы знали его настоящее имя.

Мы знали, где он родился. И — что самое главное — мы знали, что он очень старался скрыть эту информацию.

Это ты привёз Лорел в Вегас. Ты сказал мне, где она.

Я чувствовала себя так, словно мой живот вспороли и всё, что было внутри, сочилось наружу. Мужчина на этом рисунке убил дочь Джадда. Он следила за нами, а когда мы поймали его, он преподнёс мне Лорел с милым маленьким бантиком. Почему? Ему было приказано так поступить? Всё это было частью какой-то сумасшедшей игры?

Я нашла агента Стерлинг на кухне, сидящей напротив Бриггса. Её руки покоились на столе, в дюймах от его рук. Ты не позволишь себе коснуться его. И не позволишь ему коснуться себя.

Это она разрешила мне увидеться с Лорел. Она не станет винить за это Бриггса. Или меня. После смерти Скарлетт агент Стерлинг ушла из ФБР — потому что она винила себя.

— Селин Делакура — Естественная, — сказала я, замирая в дверном проёме. Прямо сейчас у нас не было времени на чувство вины. — Она состарила фотографию, которую нашла Слоан. Найтшэйд зовут Мэйсон Кайл. Мы можем это использовать, — мой голос надломился, но я заставила себя продолжить. — Мы можем использовать его.

ГЛАВА 26

На организацию допроса ушло шестнадцать часов. По одну сторону зеркала Бриггс и Стерлинг сидели напротив Найтшэйда. По другую за ними наблюдали мы с Дином, Майклом и Лией.

Мы оставили Слоан дома с Селин и Джаддом. Единственным взрослым по нашу сторону стекла был отец агента Стерлинг.

Это срабатывает, — подумала я. — Должно сработать.

— Скорее всего, ты считаешь, что тебе нечего нам рассказать, — агент Стерлинг начала допрос, словно обычный разговор. Она говорила о чувствах и желаниях убийцы, словно они имели значение. — Но, думаю, эта фотография может заставить тебя передумать.

Она опустила на стол снимок — не Мэйсона Кайла. Слишком рано. Агенту Стерлингу нужно было с чего-то начать, чем-то нарушить молчание убийцы — в данном случае, фотографией Лорел.

— Ты называл её Лорел? — спросил агент Бриггс. — Или Девяткой?

Ответа не последовало.

— Знаешь, они забрали её, — агент Стерлинг говорила спокойно, но в её тоне читались нотки напряжения, словно каждое слово, слетавшее с её языка, было живым. — Мы спрятали её, но недостаточно хорошо. Они нашли её. Возможно, они знали о том, где она, с самого начала. Возможно, они просто ждали подходящего момента.

Я должна была защитить её, — яростно подумала я. — Я должна была быть рядом.

Дин опустил ладонь на тыльную сторону моей шеи. Я хотела податься навстречу его прикосновению, но не стала. Я не заслуживала прикосновений. Не заслуживала чувства безопасности. Я заслуживала только сидеть здесь и наблюдать за тем, как убийца дочери Джадда потянулся к фотографии Лорел.

— Ты привёз её с собой в Лас-Вегас, — произнесла агент Стерлинг. — Почему?

— Если бы я не знал, — когда стало ясно, что Найтшэйд не собирался отвечать, заговорил Бриггс, — я бы сказал, что ты заботаешься о ребенке. Что ты хотел помочь ей выбраться из жизни, которой она жила.

Найтшэйд ответил на эти слова очередной оглушительной тишиной.

— Он не был рад, когда узнал, что она снова у Владык, — сообщил агентам Майкл. На нас были надеты микрофоны. Бриггс и Стерлинг могли нас слышать, а Найтшэйд — нет. — Но он не был удивлен или расстроен. Если он что-то и чувствует, то тоску.

По чему ты тоскуешь? Не по Лорел. Что-то другое. Кто-то другой...

— Спросите у него о моей матери, — сказала я.

Когда тебя поймало ФБР, ты использовал свой последний — и единственный козырь — чтобы поговорить со мной. Ты увёз Лорел от других Владык. Ты рассказал мне о том, что не должен был знать никто за пределами ваших священных стен.

— Лорелея попросила тебя увезти её малышку? — спросил агент Бриггс. — Нашептала отчаянную мольбу тебе на ухо?

Пифия не шепчет. Пифия не станет молить. Я почти чувствовала, как эти слова — или что-то вроде них — бурлят под поверхностью молчания Найтшэйда. Но ФБР не может узнать о том, кем и чем была Пифия — для тебя, для таких, как ты. Ты им не расскажешь.

В молчании — власть.

— Покажите ему Мэйсона Кайла, — предложил Дин.

Отнимите его власть, — подумала я, — отнимите его молчание.

Не произнося ни слова, агент Стерлинг достала фотографию Мэйсона Кайла, которую нашла Слоан.

Майкл присвистнул.

— Только что он едва заметно выставил подбородок. Ему едва удастся не сжать губы. Видите, как его руки сложены на столе? Его большие пальцы напряжены.

— Он злится, — заключила я. — А ещё он напуган, — я вспомнила всё, что я знала о Найтшэйде. — Он зол, потому что он напуган, и напуган, потому что он зол. Ему полагается быть выше подобного. Выше всего этого.

Я понимала эмоции не так, как это делал Майкл. Я не думала о мышцах не челюсти Найтшэйда или блеске его глаз. Но я знала, что чувствует человек, живущий ради победы, осознавая, что он прогадал.

Он проиграл.

— Вот состаренная версия этой фотографии, — агента Бриггс достал набросок, который нарисовала для нас Селин.

Пока Найтшэйд пристально смотрел на собственное лицо, агент Стерлинг пошла в атаку.

— Мэйсон Кайл, родился в Гейтере, Оклахома. Номер социальной страховки 445-97-1011.

Вот и всё, что мы знали о Мэйсоне Кайле. Но этого было достаточно. Мы не должны были знать его имя. Ему полагалось быть фантомом, призраком. Даже находясь за решеткой, ты должен был обладать властью.

— Я — труп, — слова были едва слышны. Несколько месяцев молчания сказались на горле убийцы. — Я недостоин.

Для Владыки это смертный приговор, — подумала я. — Если недостойна Пифия, она умирает, сражаясь со своей преемницей. Если ребенок оказывается недостоин стать Девяткой, его оставляют умирать в пустыне. А если Владыка не может выполнить свой долг...

— Будет много боли. И крови, — Найтшэйд — Мэйсон Кайл — глядел сквозь агентов, словно их там и не было. — Она не может позволить, чтобы это было иначе — не после

того, как она позволила мне дожить до этого момента.

У меня пересохло во рту. Она — моя мать.

— Пифия? — спросила агент Стерлинг. — Она решает, кто умрет, а кто будет жить?

Ответа не последовало.

— Дайте мне с ним поговорить, — попросила я. Бриггс и Стерлинг ничем не показали, что они услышали мои слова. — Дайте мне с ним поговорить, — повторила я, снова и снова сжимая и разжимая кулаки. — Я — единственная, с кем он по-настоящему разговаривал. Он не станет говорить с вами о моей матери, потому что вы — не часть этого. Но, в его глазах, я — часть. Или могу ею стать.

Во время нашего последнего разговора Найтшэйд сказал, что однажды мне может прийти сделать выбор Пифии — убить или умереть.

Кивнув, агент Стерлинг сняла наушник. Она положила его на стол и увеличила громкость, чтобы Найтшэйд мог меня слышать.

— Это я, — я попыталась найти подходящие слова. — Дочь Лорелеи. Дочь твоей Пифии, — я сделала паузу. — Я думаю, когда ты уезжал в Вегас, ты взял Лорел с собой из-за моей матери. Ты отправил меня прямо к ней, хоть и знал, что я передам её ФБР. Мою сестру ещё не проверяли. Её не признали достойной или недостойной. А ты отпустил её, — он не ответил, но я чувствовала, что подбираюсь ближе. — Ты обращался с Лорел, как с ребенком — не как со своим будущим лидером, не как с Девяткой, — я понизила голос. — Она рассказала об игре, в которую она играет, когда мою мать заковывают в цепи.

Находясь я по другую сторону стекла, я бы подалась вперед, вторгаясь в его личное пространство.

— Знаешь, что я думаю? Думаю, моя мать хотела, чтобы Лорел выбралась. Она умеет быть очень убедительной, не так ли? Она может заставить человека почувствовать себя особенным. Словно тебе не нужен больше никто и ничто, если у тебя есть она.

— Ты говоришь, как она. Твой голос похож на её голос, — вот и весь ответ — десять слов.

— Ты увёз Лорел из того места по её просьбе. Ты знал, что они вернут ребенка. Знал, что Владыки будут тобой недовольны — но всё равно сделал это. А теперь ты говоришь, что моя мать скажет остальным, что ты должен умереть? Почему? — я повисла вопросу повиснуть в воздухе. — Зачем ей это делать, после всего на что ты пошел ради неё?

— Ты ещё не поняла? — негромко ответил он. — Пифия делает то, что должна, чтобы выжить.

— И чтобы выжить, она должна сказать им убить тебя?

— Ты говорила об игре. Но ты знаешь, в чём заключается эта игра?

Я знаю, что мою мать приковывают к стене. Знаю, что в игре присутствует кровь.

— Чтобы принять решение, Пифия должна пройти обряд очищения, — произнёс Найтшэйд. — Чтобы принять кого-то в наши ряды, она должна пройти через ритуал Семерых. Семь дней и семь мук.

Я не хотела думать о значении этих слов, но не могла остановиться. Семь Владык. Семь способов убийства. Утопление, сожжение, пронзение, удушение, удары ножом, избиение, отравление.

— Семь мук, — грохот моего сердца заглушал мои слова. — Вы пытаете её на протяжении семи дней.

— Если она признаёт одного из нас недостойным, его изгоняют. Мы находим другого, и

операция повторяется. Снова. И снова. И снова.

Ты наслаждаешься тем, что рассказываешь мне об этом. Тебе нравится делать мне больно. А ещё тебе нравится делать больно ей.

— Почему ты спас Лорел? — отрешенно спросила я. — Зачем увозить её, если ты знал, что они найдут её?

Найтшэйд не ответил. Я выжидала, позволив тишине нарасти. Когда стало ясно, что он не станет её нарушать, я развернулась и вышла за дверь. Не сбавляя шага, я зашла в комнату для допросов.

Судя по выражению лица Бриггса, я знала, что ещё заплачу за это, но я была полностью сосредоточенна на Найтшэиде. Он оглядел моё лицо и моё тело. Он впитывал каждую деталь моей внешности, а затем он улыбнулся.

— Зачем позволять Девятке спастись от Владык, если ты знал, что они найдут её? — повторила я.

По глазам Найтшэйда я видела, что он ищет во мне сходства с моей матерью.

— Потому что я подарил Пифии надежду, — с улыбкой на губах произнёс он. — И никакая боль не сравнится с отнятой надеждой.

Во мне вспыхнула раскаленная ярость. Я шагнула к нему. Каждый мускул в моём теле был напряжен.

— Ты — чудовище.

— Я тот, кто я есть. А она та, кто она есть. Она выносила приговор другим, чтобы спастись. Она вынесет приговор мне.

— После семи дней пыток? — негромко спросила я.

Агент Стерлинг поднялась на ноги, не позволяя мне подойти ближе. Найтшэйд склонил голову. Его тело тряслось. Через несколько секунд я поняла, что он смеялся — бесшумным, довольным смехом, от которого мне стало плохо.

— Для менее важных вопросов хватит одного обряда очищения. Если Владыки будут великодушны, они могут даже позволить ей выбрать.

Выбрать, как именно её будут пытаться. Мой желудок взбунтовался, но я сжала зубы, отказываясь думать о тошноте, подступившей к моему горлу.

— Но что, если им не понравится её решение? — спросила я, снова контролируя себя. — Что, если она скажет им оставить тебя в живых?

— Не скажет, — Найтшэйд откинулся на спинку стула. — Если её суждение покажется не объективным, они снова проведут обряд очищения.

Снова станут её пытаться.

— Где она? — резко спросила я. — Скажи нам, где она, и мы сможем это остановить. Мы сможем спасти тебя.

— Нет, Кассандра, — с почти любящей улыбкой произнёс Найтшэйд, — не сможете.

Ты

На этот раз — нож. Оружие Пятерки — быстрее одних, но медленнее других.

Хаос и порядок, порядок и хаос.

Теперь ты лежишь на полу, а твоя память полнится провалами. Ты не помнишь, как вернулась Лорел.

Ты не помнишь, когда и откуда на её горле появились синяки.

Но ты помнишь, как твоя кровь стекала с ножа Пятерки. Ты помнишь музыку и боль. Помнишь, как сказала Владыкам, что предатель должен умереть.

Ты помнишь, как Лорел опустила свои пальцы в твою кровь. Улыбаясь, как ты её учила. — Я — умница, мамочка? — спросила она, сворачиваясь в клубочек у тебя на коленях. Колесо крутится. Ты пыталась его остановить. Но некоторые вещи остановить невозможно.

ГЛАВА 27

ФБР изолировало Найтшэйда от других заключенных. Агенты следили за ним двадцать четыре часа в сутки. К двум часам утра он был мертв.

Владыки могут добраться до кого угодно, где угодно.

— Сегодня второе апреля, — я заставила себя произнести слова вслух, стоя перед стеной с уликами в подвале.

4/2. Первая апрельская дата Фибоначчи.

— Следующее — четвертое апреля, — продолжила я. — Пятое апреля. Двадцать третье апреля.

— Кэсси, — ко мне подошел Дин. Я находилась здесь с тех пор, как мы вернулись домой. Я почти не повела глазом, когда мы узнали, что Мэйсон Кайл был мертв.

— Тебе нужно поспать, — пробормотал Дин.

Я не ответила, продолжая глядеть на жертв на стене. Я думала о том, что Пифия давала одобрение на каждую цепочку из девяти жертв. Она решала, что человек достоин убивать. Ведь если она отказывалась, боль начиналась сначала.

Вы выбираете тех, кто пережил насилие. Выбираете борцов. Вы заставляете их приговаривать людей к смерти.

— Кэсси, — Дин шагнул ко мне, заслоняя мой обзор на стену. — Ты не можешь и дальше так с собой поступать.

Могу, — подумала я, — и буду.

— Посмотри на меня, — голос Дина был мне знаком — слишком хорошо знаком. Я не хотела поддержки. — Ты почти не спала с момента исчезновения Лорел. Ты ничего не ешь, — Дин не сдавался. — Пора это заканчивать, Кэсси.

Я притворилась, что вижу через него. Я знала эту стену достаточно хорошо, чтобы каждое фото стояло у меня перед глазами.

— Когда мы узнали, что у моего отца был подражатель, я сбежал. Я избивал грушу, пока не сбил костяшки в кровь. Помнишь, что ты сделала?

На мои глаза навернулись слёзы. Я опустилась рядом с тобой на колени и стерла кровь с твоих костяшек. Я оттягивала тебя от края пропасти каждый раз, когда ты заходил слишком далеко.

Дин обвил одной рукой моё тело, а второй — мои колени. Он поднял меня на руки, унося меня прочь от стены. Пока он нёс меня к двери в подвал, я чувствовала, как в его груди бьется сердце.

Брось меня, — подумала я. Моё тело окаменело. — Просто брось меня. Просто отпусти меня.

Прижимая меня к себе, Дин отнёс меня в мою комнату. Он присел на мою кровать.

— Посмотри на меня, — нежность его голоса уничтожила меня.

— Не надо, — выдавила я.

Не будь со мной нежным. Не обнимай меня. Не спасай меня от самой себя.

— Ты винишь себя в том, что произошло с Лорел.

Перестань, Дин. Пожалуйста, не заставляй меня это делать. Не заставляй меня

произносить эти слова.

— И в глубине души ты всегда верила, что, если бы в тот день ты не ушла из гримерки своей матери, если бы ты просто вернулась туда раньше, ты могла бы спасти её. Каждый раз, когда полиция задавала тебе вопрос, на который ты не могла ответить, ты думала, что ты сделала недостаточно. Ты не смогла спасти её. Ты не смогла помочь им поймать её убийцу.

— А теперь они делают ей больно, — правда вырвалась из меня, взрываясь убийственной силой шрапнели. — Они пытаются её, пока она не даст им то, чего они хотят.

— Разрешение, — мягко произнёс Дин. — Оправдание.

Я отодвинулась от него, и он позволил мне. Я чувствовала дни истощения, но не могла закрыть глаза. Я позволила себе взглянуть на мир глазами моей матери.

— Нельзя сказать, что у меня нет выбора, — мягко произнесла я, не утруждаясь объяснять, что теперь я говорила не за себя, а за неё. — У меня всегда есть выбор: страдать или обречь кого-то другого на страдания? Сопротивляться? Или играть отведенную мне роль? Что даст мне больше контроля, больше власти? Если я заставлю их сломать меня или если буду играть роль Пифии так хорошо, что они перестанут думать обо мне, как о ком-то, кого можно сломать?

Несколько секунд Дин молчал.

— По сравнению с нами семерыми, — наконец, произнёс он, — ты всегда будешь бессильна, — он склонил голову. — Но против одного из нас у тебя будет преимущество.

Я подумала о теле Найтшэйда в одиночной камере.

— Если я решу, что ты должен умереть, ты умрешь.

— Но сначала один из нас должен спросить тебя об этом.

Пифия давала ответ, но не она выбирала вопрос. Его должен был задать один из Владык, чтобы она вынесла решение — но, прежде чем она решала, её пытали. Если Владыки не были согласны с её решением, её пытали снова и снова.

— Вы выбрали меня, потому что я умею выживать, — прошептала я. — Потому что вы видели во мне потенциал стать чем-то большим.

— Мы выбрали тебя, — продолжил Дин, — потому что как минимум один из нас верил, что однажды всё это может начать тебе нравится. Власть. Кровь. Некоторые из нас хотят, чтобы ты приняла то, кто ты есть. Другие хотят, чтобы ты сопротивлялась.

Эта группа следовала очень специфическим правилам. После девяти убийств они останавливались — навсегда.

— Пытая меня, вы переживаете свой триумф. Ты проводишь ножом по моей коже или наблюдаешь за тем, как она покрывается волдырями под огнём. Ты удерживаешь мою голову под водой или заставляешь меня наблюдать за тем, как ты пронзаешь мою плоть металлическим штырём. Ты сжимаешь пальцы на моей шее. Ты бьешь меня, — я подумала о Найтшэиде. — Ты заставляешь меня проглотить твой самый болезненный яд. И каждый раз, когда вы делаете мне больно, каждый раз, когда вы очищаете меня, я узнаю о вас что-то новое. Семь разных монстров, семь разных мотиваций.

Моя мать всегда отлично умела манипулировать людьми. Она зарабатывала на жизнь, работая «медиумом» и рассказывая людям то, что они хотели услышать.

— Некоторыми из нас, — после нескольких секунд размышления, произнёс Дин, — манипулировать проще, чем другими.

Я подумала о Найтшэиде. Когда его поймали, моя мать не приказала убить его. Владыки почти наверняка вынесли этот вопрос на её суждение, но она выдержала — и кто-то из них

позволил ей.

— Когда эта группа забрала мою мать, Найтшэйд был в ней новичком, — медленно произнесла я, стараясь обдумать факты — все факты — которые могли пролить свет на их отношения. — Они завершил свои девять убийств за два месяца до её похищения, — я заставила себя снова забраться в голову моей матери. — Он любил соперничать. Был дерзким. Он хотел сломать меня. Но я заставила его хоть чего-то другого. Я заставила его хоть меня.

— Он не мог получить то, чего хотел, — Дин закрыл глаза. Тень от его ресниц падала на его лицо. — Пифия никогда не принадлежала одному мужчине.

— Но один из вас должен был распознать во мне потенциальную Пифию, — произнесла я. Я снова подумала о том, что, когда мою мать забрали, Найтшэйд был всего лишь новичком. — Один из вас выбрал меня, но это был не Найтшэйд.

Я надеялась увидеть что-то ещё, но тщетно. Пустота высасывала мои эмоции, словно черная дыра. Я не помнила, следил ли кто-нибудь за моей матерью. Я не могла вспомнить ничего, что могло бы прояснить то как — или кто — её выбрал. Дин прилег рядом со мной, опустив голову на мою подушку.

— Я знаю, Кэсси. Знаю.

Я подумала о Дэниеле Рэддинге. О том, как он сидел напротив меня и ликовал от мысли о том, что он всегда будет стоять между нами с Дином — с каждым касанием наших рук, с каждым нежным прикосновением.

Сейчас мне не нужна нежность. Судорожно вздыхая, я позволила себе повернуться к Дину. Я не хочу нежности.

Я подалась к Дину, грубо притягивая его к себе. Его пальцы зарылись в мои волосы. Не нежно. Не робко. Моя спина выгнулась, когда он сильнее сжал мои волосы. В один миг я лежала рядом с ним, а в следующий я оказалась на нём. Я поймала его губы своими — грубо и жестко, тепло и реально.

Я не могла спать. Я не могла перестать думать. Не могла спасти Лорел или мою мать. Но я могла жить — даже когда я не хотела, даже, когда было больно. Я могла чувствовать.

ГЛАВА 28

Как и много раз до того, мне снилось, что я иду по коридору к гримерке моей матери. Я видела, как тянусь к двери.

Не заходи туда. Не включай свет.

Не важно, сколько раз мне снился этот сон, я никогда не могла остановиться. Я никогда не могла сделать ничего, кроме того, что я сделала в ту ночь. Нащупать выключатель. Почувствовать кровь на моих пальцах.

Я щелкнула выключателем и услышала негромкое шуршание, словно шелест листьев. В комнате всё ещё было очень темно. Звук становился всё громче. Ближе. И тогда я поняла, что это был не шелест листьев. Это был грохот цепей, которые тянули по полу.

— В игру играют не так.

Комнату заполнил свет. Я обернулась и увидела Лорел. Она держала леденец, напоминающий тот, на который она смотрела, когда я увидела её впервые.

— Вот, как нужно играть.

Чьи-то руки прижали меня к стене. На моих запястьях появились оковы. Цепи скользили по полу, словно змеи.

Я не могла дышать и ничего не видела...

— Ты способна на большее.

Через какой-то миг я осознала, что цепи исчезли. А вместе с ними исчезла Лорел. Пропала гримёрка моей матери. Я сидела в машине. Моя мать сидела на переднем сидении.

— Мама, — слово казалось мне незнакомым.

— Танцуй, — сказала мне моя мама. Одна из её любимых фраз. Каждый раз, когда мы уезжали из города, каждый раз, когда я разбивала коленку. Танцуй.

— Мама, — настойчивее произнесла я. Внезапно я стала уверена, что если она обернется и посмотрит на меня, она увидит, что я больше не ребенок. Она увидит и вспомнит.

— Знаю, — перекрикивая музыку, ответила моя мама. — Тебе нравился город и этот дом, и наш маленький двор. Но дом — это не место, Кэсси.

Неожиданно машина исчезла. Мы стояли в снегу на обочине, и она танцевала.

— Все мы можем выбрать, — из-за моей спины раздался шепот. Из теней появился Найтшэйд. Он наблюдал за танцем моей матери. — Пифия выбрала жизнь, — он улыбнулся. — Возможно, однажды выбрать придется тебе.

Вздрагнув, я проснулась. Рядом со мной спал Дин, а в дверном проёме стояла Селин Делакура.

— Я пришла попрощаться, — произнесла она. — Майкл впечатляюще повторил твоё выступление на тему: «тебе здесь не место и ты должна уехать».

Если мой разговор с Селин чему-то меня и научил, так это тому, что здесь ей было самое место. Но я не могла винить Майкла за желание отослать её. Нам было из этого не выбраться. Мы уже были в опасности.

Но Селин не должна была ей подвергаться.

— Когда всё это кончится... — начала было я.

Селин перебила меня, подняв руку с идеальным маникюром.

— Если ты не собираешься посвятить меня в то, что здесь происходит — не нужно, — она сделала паузу. — Позаботься о Майкле за меня.

Позабочусь, — я не смогла произнести это обещание вслух.

— И, если будет возможность, — с легкой улыбкой на губах продолжила Селин, — замолви за меня словечко перед Слоан.

Не дожидаясь ответа, она вышла за дверь.

Рядом со мной пошевелился Дин.

— Что тебе нужно? — негромко спросил у меня он.

Мне нужно было что-то сделать. Я больше не могла стоять перед стеной в подвале, в ожидании появления очередного трупа. Мне нужно было выбраться из дома.

Мне нужно было отследить нашу единственную зацепку.

— Мне нужно поехать в Гейтер, штат Оклахома.

Ты

Иногда ты забываешь о том, каково было жить раньше. До стен. До цепей. До оборотов колеса, до крови и боли.

До ярости.

Они принесли тебе фотографии, чтобы показать, что они сделали с Семеркой. Они повесили на твою шею ещё один бриллиант.

Твои пальцы осторожно касаются снимка — доказательство смерти. Была кровь. И боль. Ты сделала это. Судья и присяжные. Его жизнь была в твоих руках.

Ты сделала это. Ты убила его.

Ты улыбаешься.

ГЛАВА 29

Город, в котором родился Найтшэйд, был не из тех, где часто появлялось ФБР.

— Гейтер, штат Оклахома. Население 8425 человек, — одним духом выпалила Слоан, когда мы выбрались из арендованной машины. — В ранние годы существования Оклахомы, Гейтер процветал, но во время Великой Депрессии его экономика рухнула и так и не восстановилась. Население сократилось, а средний возраст жителей постепенно возрастал на протяжении последних шестидесяти лет.

Другими словами, в Гейтере жило немало пожилых людей.

— Три музея, — продолжила Слоан, — тринадцать исторических памятников. Местный туризм является важным источником доходов для самого города, но живущие неподалеку люди во многом полагаются на фермерство.

Тот факт, что в Гейтере процветал туризм, означал, что мы могли разведать местность не раскрывая наших намерений — и не используя значок агента Стерлинг. Агент Бриггс остался в Квантико. Я прекрасно знала, почему.

Второе апреля. Сегодня — день Фибоначчи, и исчезновение Лорел наверняка было только началом.

Джадд поехал в Гейзер вместе с нами, как и агент Старманс. Я подозревала, что Бриггс отправил его с нами не только для нашей безопасности, но и для безопасности Стерлинг.

Не думай об этом, — сказала себе я, когда мы зашагали вниз по Главной улице. — Думай о Мэйсоне Кайле.

Я пыталась представить, как Найтшэйд рос в этом городе. Витрины магазинов обладали викторианским очарованием. Каменные таблички рассказывали об истории города. Опустив ладонь на одну из них, я ощутила странное чувство. Словно чего-то не хватало.

Словно я что-то упускала.

— Ты в порядке? — спросила у меня агент Стерлинг. Стараясь не походить на копа, она решила надеть джинсы. Она всё равно выглядела как коп.

— Я в порядке, — ответила я, оглядываясь через плечо, а затем заставляя себя посмотреть вперед.

Завернув за угол, мы увидели ворота из кованного железа. За ними виднелась выложенная камнем тропинка, с обеих сторон окруженная разнообразными растениями.

На какой-то миг у меня перехватило дыхание. Я понятия не имела о том, почему.

Дин шагнул вперед и остановился перед табличкой на воротах.

— Либо у Рэдинга замок, — Майкл отметил едва заметную перемену в позе Дина, — либо дело становится более интересным.

Я подошла к Дину. Мною овладело необъяснимое чувство, словно я знала, что будет написано на табличке. Сад ядов. Вот, какие слова я ожидала увидеть.

— Аптекарский сад, — вместо этого прочитала я.

— «Apotheca», — произнесла Слоан, подходя к нам. — На латыни это слово обозначала склад или кладовую. В прошлом это слово употребляли как для обозначения аптечного учреждения, так и для обозначения аптекаря.

Не дожидаясь ответа, Слоан прошмыгнула за ворота. Лия последовала за ней.

Взгляд Дина скользнул ко мне.

— Как думаешь, каковы шансы на то, что это совпадение? Найтшэйд вырос в городе с

Аптекарским садом и... — Дин взглянул на здание по соседству, — Аптекарским музеем?

По моей спине пробежал холодок. Любимым оружием Найтшэйда был яд. От того, чтобы знать целебные свойства растений, до того, чтобы использовать их для убийств — всего один шаг.

— Вижу, у вас романтический момент, — шутливо произнёс Майкл, похлопав нас обоих по плечам. — Не хочу его рушить, — он миновал нас и зашел в сад, мельком взглянув на меня. Возможно, он заметил моё беспокойство.

— Если вам нравится сад, — произнёс кто-то, — вам стоит заглянуть в музей.

В дверях Аптекарского музея стоял пожилой мужчина — где-то семидесяти лет. Он был небольшого роста, с круглыми очками и подходящим к его внешности голосом: глубоким, грубым и крайне негостеприимным.

К старику подошел парень намного младше него. Он выглядел где-то на девятнадцать или двадцать лет, а его светлые волосы были зачесаны назад, обнажая «вдовый мысок» на лбу.

— Посещение сада бесплатно, — немногословно произнёс Вдовый Мысок. — Посетителей музея просят сделать пожертвование.

С таким же успехом он мог бы повесить на входе огромную табличку со словами: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Ко мне подошла агент Стерлинг.

— Думаю, пока что мы ограничимся садом, — сказала она Вдовьему Мыску.

— Как всегда, — пробормотал юноша, возвращаясь в здание. Что-то в нём заставило меня почувствовать то самое беспокойство, которое накрыло меня с того момента, как я увидела ворота из кованого железа.

— Будьте осторожны, — посоветовал нам старик. Его взгляд задержался на Стерлинг. — Даже весной Гейтер может вас удивить, — не сказав больше ни слова, он вернулся в музей вслед за Вдовым Мыском.

Прежде чем мы с Дином успели что-либо сказать, агент Стерлинг произнесла:

— Прогуляйтесь по саду, притворитесь, что наслаждаетесь весенним днём, и подумайте о том, что вы узнали, — посоветовала она.

Вы не хотите, чтобы мы спешили. Не хотите раскрывать карты.

Я подчинилась. Зверобой. Тысячелетник. Ольха. Боярышник. Прогуливаясь около растений, я разбирала своё первое впечатление. Моя интуиция подсказывала мне, что старик прожил в Гейтере всю свою жизнь. Вдовый Мысок беспокоился о нём — и о музее.

Тебе не нравятся туристы, но ты работаешь в музее. Это говорило либо о противоречивом характере, либо о недостатке рабочих мест.

Я повернула и вернулась по тропинке к железным воротам. Когда я добралась до них, я снова ощутила дэжавю, как и когда я впервые увидела сад.

Я что-то упускала.

Оглядывая улицу, я заметила пару туристов, а затем перевела взгляд на выгуливавшую собаку местную жительницу. Она свернула за угол и исчезла из виду. Я собиралась всего лишь последовать за ней за угол и увидеть, что находилось в следующем квартале, но начав шагать, я не могла остановиться.

Я что-то упускаю.

Я что-то...

Меня догнал Дин. Остальные не отставали. Краем глаза я заметила сопровождающих

нас агентов.

— Куда ты идешь? — спросил Дин.

Я больше не преследовала женщину с собакой. Она пошла в одну сторону, а я — в другую. Историческое очарование Гейтера осталось далеко позади. Теперь нас окружали дома — большинство из них было небольшими и нуждалось в ремонте.

— Кэсси, — повторил Дин, — куда ты идешь?

— Не знаю, — ответила я.

Нас догнала Лия.

— Враньё.

Я не осознавала, что лгу, но когда Лия сказала об этом, всё прояснилось. Я знала, куда я шла. Знала наверняка.

Ощущение дэжавю, беспокойство, одолевавшее меня с того мига, как мы приехали в этот город, превратилось во что-то основательное.

— Я знаю это место, — произнесла я. Гейтер не казался мне подозрительным. Он казался мне знакомым.

Знаю, — прошептала моя мама в моих воспоминаниях. — Тебе нравился город и этот дом, и наш маленький двор...

За все эти годы мы сменили столько домов и дворов, так часто переезжали. Но остановившись перед причудливым домом с голубой обшивкой и огромным дубом, отбрасывающим тень на газон, я почувствовала себя так, словно кто-то плеснул мне в лицо ледяной водой. Я почти видела, как стою на крыльце и смеюсь с того, как моя мама пытается перебросить веревку через ветку дуба.

Я подошла к дереву и коснулась висящей на нём качели.

— Я здесь уже бывала, — хрипло произнесла я, оборачиваясь к остальным. — Я здесь жила. С моей матерью.

ГЛАВА 30

Найтшэйд родился в Гейтере. Десятки лет спустя здесь жила моя мать. Возможно, это было совпадением.

Чувствуя, как кровь бежит по моим венам, я заставила себя взглянуть на мир глазами Владык. Каждый из вас сам выбирает себе ученика. Но кто выбирает Пифию? Я шагнула к дому. Стук моего сердца заглушал все остальные звуки.

— Твою мать выбрал не Найтшэйд, — голос Дина прорвался сквозь царившую в моей голове какофонию. — Если бы это был он... Если бы это был я, — Дин переключился с третьей особы на первую, — я бы не стал ждать, пока дочь Лорелеи присоединится к «Естественным». Я бы представился ей раньше.

Я замерла между воспоминанием и кошмаром, размышляя о Найтшэиде — о том, как во время допроса его плечи дрожали от смеха, и о его неподвижном, посеревшем трупe. Если мою мать выбрал не ты, возможно, вас с ней выбрал один и тот же человек.

— Это всё меняет, — агент Стерлинг достала свой телефон. Мы приехали сюда в надежде найти информацию о Мэйсоне Кайле — кем он был, прежде чем стал Найтшэйдом, как давно он исчез из этого города. Агент Стерлинг не ожидала найти прямую связь между Гейтером и Владыками.

Я заставила себя дышать, заставила своё сердцебиение замедлиться. Мы ждали этого прорыва. Это — наш шанс. И, судя по сверхъестественному спокойствию в голосе агента Стерлинг и по тому, как она в миг превратилась из человека в агента — она это понимала.

— Вероятность того, что вы звоните агенту Бриггсу, составляет девяносто восемь процентов, — Слоан оценивающе взглянула на агента Стерлинг. — А вероятность того, что вы попытаетесь увезти нас из Гейтера — девяносто пять целых и шесть десятых процента.

Вы не можете, — у меня пересохло во рту, и я не могла произнести эти слова вслух. — Я вам не позволю.

— Мы приехали сюда в поисках иглы в стоге сена, — жутковатое спокойствие в голосе Стерлинг не дрогнуло. — Но только что мы нашли меч. Мы должны пересмотреть риск нашего пребывания в Гейтере. Если мы с Джаддом решим, что вы уезжаете, вы уедете — без споров, без вторых шансов, — видимо, на звонок ответил автоответчик. Не сказав больше ни слова, агент Стерлинг повесила трубку.

— Вы пытаетесь совладать с приливом адреналина, — Майкл принялся читать агента Стерлинг. — Вы в смятении. Напуганы. Но за маской агента Вероники Стерлинг вы выглядите, как любитель экстрима, замерший на вершине американских горок за миг до крутого спуска.

В ответ на его слова агент Стерлинг и глазом не повела.

— Мы должны пересмотреть риск, — повторила она. Я знала, что она думала о Лорел. И о Скарлетт Хокинс. О случайных жертвах и истинном значении слова «риск».

— Я никуда не поеду, — в моём голосе было столько же напряжения, сколько в голосе Стерлинг — спокойствия. Столько лет я ругала себя за провалы в памяти — за то, что я не могла вспомнить половину тех мест, где мы жили, и рассказать полиции хоть что-то, что могло бы помочь им найти похитителей. Я не уеду из Гейтера без ответов — о моей матери, о Найтшэиде, о том, что их связывало.

— Если понадобится, я уйду из программы, — сказала я агенту Стерлинг. — Но я останусь здесь.

— Если остается Кэсси, — в порыве бунта произнесла Слоан, — останусь и я.

Не стоило даже и говорить, что останется и Дин.

— Я считаю Кэсси более или менее сносной, — обыденно произнесла Лия.

— Было бы досадно бросить более или менее сносного человека, — Майкл улыбнулся. Его кожа натянулась на местах, где когда-то были синяки.

— Джадд, — полностью контролируя свой голос, агент Стерлинг обернулась к нему в поисках поддержки. Я гадала о том, слышит ли Майкл эмоции, скрытые под этим контролем. Я думала о том, как близко Вероника Стерлинг подошла к тому, чтобы снова стать такой, какой она была до убийства Скарлетт — женщиной, позволявшей себе чувствовать. Женщиной, сначала делавшей и только потом думавшей.

Джадд посмотрел на меня, а затем — на всех остальных, и мельком взглянул на агента Стерлинг.

— Первое правило воспитания детей, Ронни? — его голос напомнил мне о том, что когда-то он приложил руку и к её воспитанию. — Не запрещай им что-то, если знаешь, что они всё равно это сделают, — пронизательный взгляд Джадда вернулся ко мне. — Пустая трата времени.

Часом позже агент Бриггс всё ещё не ответил на звонок агента Стерлинг.

Сегодня — дата Фибоначчи, а Бриггс не отвечает на звонки. Я гадала о том, находится ли он на месте преступления. Возможно, всё уже началось.

— Нам нужны основные правила, — мы с агентом Стерлинг заселились в единственный отель Гейтера. Пока агент Старманс продолжал пытаться дозвониться Бриггсу, она провела

для нас небольшой инструктаж. Четкими движениями она один за другим опустила на кофейный столик несколько металлических предметов.

— Следящие маячки, — произнесла она. — Они небольшие, но их можно отследить. Всегда носите их с собой, — она подождала, пока каждый из нас возьмет себе по маячку — размером не больше, чем мятный леденец — и продолжила. — Вы никуда не ходите в одиночку. Только по двое или больше, и даже не вздумайте сбегать от того агента, который вас сопровождает. И наконец... — агент Стерлинг достала из своего чемодана два пистолета и убедилась в том, что они стоят на предохранителях.

— Знаете, как обращаться с оружием? — агент Стерлинг взглянула на Дина. Он кивнул, и она перевела взгляд на Лию. Я размышляла о том, обучали ли их стрелять до того, как я вступила в программу, или же агент Стерлинг выбрала их из-за того, что они пережили в прошлом.

Лия протянула руку за одним из пистолетов.

— Знаю.

Джадд забрал у агента Стерлинг оба пистолета.

— Повторяю один раз, Лия. Доставать оружие можно, только если вашим жизням что-то угрожает.

В кои-то веки остроумного ответа не последовало. Джадд вручил Лие один из пистолетов и обернулся к Дину.

— И, — негромко продолжил он, — если вам что-то угрожает, и вы достали пистолет? Будьте готовы выстрелить.

Я перевела значение слов Джадда: вы уже похоронили свою дочь. Вы нас не потеряете, чего бы это не стоило.

Дин сжал пистолет, и Джадд взглянул на нас с Майклом и Слоан.

— Что касается вас, хулиганы, в таких городках существует два типа людей: те, кому нравится разговаривать, и те, кто это ненавидит. Общайтесь только с первыми, а не то я тут же увезу вас из этого города.

Этот приказ не терпел возражений. Я слышала в голосе Джадда военные нотки.

— Это миссия по сбору информации, — перевела Слоан. — Если увидим противника... Не вступаем с ним в контакт.

ГЛАВА 31

Лучшим местом для поиска тех, кто был не прочь поговорить, был один из местных баров. Наш выбор быстро остановился на закусочной. Она находилась достаточно далеко от исторической части города, чтобы большее количество её посетителей составляли местные жители, но достаточно близко, чтобы туда время от времени забредали туристы — идеальный вариант.

«Не-закусочная Мамы Ри». Табличка над дверью рассказала мне всё, что мне нужно было знать о владелице заведения.

— Но, Кэсси, — прошептала Слоан, когда мы зашли в ресторан. — Это ведь закусочная.

Из-за барной стойки на нас взглянула женщина чуть старше пятидесяти. Она внимательно оглядела нас, словно она расслышала шепот Слоан.

— Садитесь за любой столик, — закончив изучать нас, сказала она.

Я выбрала столик у окна, между парой пожилых горожан, игравших в шахматы и четверкой старушек, сплетничающих за завтраком. Слова Слоан о том, что средний возраст горожан Гейтера шел на спад, явно не были шуткой.

Лия и Слоан сели за столик рядом со мной. Дин с Майклом выбрали места напротив, а Стерлинг с Джаддом решили сесть у барной стойки.

— У нас нет меню, — женщина, сказавшая нам садиться — предположительно, Мама Ри — опустила на наш столик пять стаканов воды. — Сейчас завтрак. Где-то через десять минут будет ланч. На завтрак мы подаем еду для завтрака. На ланч мы подаем еду для ланча. Могу приготовить всё, что придёт вам на ум, но не ждите чего-то модного.

В её исполнении слово «модный» звучало так, словно оно было ругательством.

— Я бы не отказался от лепешек с подливкой, — южный акцент Дина заставил женщину улыбнуться.

— С беконом, — добавила она. Это был не вопрос.

Дина было не провести.

— Да, мэм.

— Мне французский тост, — попросила Лия. Ри фыркнула — что-то подсказывало мне, что «французский тост» слишком уж походил на что-то модное. Но всё же она записала заказ Лии и повернулась ко мне. — А тебе, милочка?

Эти слова напомнили мне о чём-то. Я была в Не-закусочной не впервые. Я почти видела себя за столиком в углу с горкой цветных мелков.

— Я буду блинчик с голубикой, — сама того не ожидая, произнесла я. — С клубничным соусом и молочным коктейлем с «Орео».

Мой заказ заставил невозмутимую женщину замереть, словно это сочетание показалось ей знакомым, как мне показался знакомым Аптекарский сад.

Вы не из тех, кто станет сплетничать с чужаками, — подумала я. — Но возможно, вы расскажете что-то интересное одному из своих.

— Наверное, вы меня не помните, — произнесла я, — но когда-то я жила в Гейтере с моей матерью. Её звали...

— Лорелея, — опередила меня Ри. Затем она улыбнулась. — А ты, значит, Кэсси. Совсем взрослая, — она снова внимательно осмотрела меня. — Ты похожа на мать.

Я не была уверена в том, было ли это комплиментом — или предупреждением.

Разговори её, — подумала я. — Пусть расскажет о маме. О городе. О Мэйсоне Кайле.

— Я не очень хорошо помню, как мы здесь жили. Знаю, что не больше пары недель, но...

— Пары недель? — брови Ри взлетели так высоко, что они едва не исчезли в линии роста её седеющих волос. — Кэсси, вы с мамой жили здесь больше года.

Год? Я почувствовала себя так, словно она ударила меня в живот. Я могла простить себе пару забытых недель своего детства, проведенного в постоянных разъездах. Но год? Целый год моей жизни, который мог бы дать полиции зацепку в деле моей матери, если бы я вспомнила хотя бы название города?

— Ты была крохотной, — продолжила Ри. — Где-то шесть лет. Тихой. Хорошо себя вела, не то что моя Мэлоди. Ты её помнишь?

Стоило мне услышать это имя, у меня перед глазами мелькнула маленькая девочка с собранными в хвостики волосами.

— Ваша внучка. Мы дружили.

У меня никогда не было друзей. Никогда не было дома. Такова была правда моего детства.

— Как поживает твоя мама? — спросила Ри.

Я сглотнула и опустила взгляд на стол.

— Она умерла, когда мне было двенадцать.

Ещё одна правда моего детства, оказавшаяся ложью.

— О, милая, — Ри протянула руку и сжала моё плечо. Затем, в деловой манере женщины, вырастившей не одно поколение детей, она обернулась к Слоан с Майклом и приняла их заказы.

Вы знаете, что такое скорбь, — подумала я. — Вы знаете, когда стоит поддержать человека, а когда — не вмешиваться.

Когда Ри отправилась на кухню, Майкл озвучил свои наблюдения.

— Ей нравилась твоя мать, но в ней есть и злость.

Если мы с мамой жили здесь почти год, что заставило нас снова уехать? И какие проблемы моя мать могла оставить после себя?

Получив еду, я могла думать лишь о том, как заставить Ри заговорить. Я должна была узнать подробности — о жизни моей матери в Гейтере, о Мэйсоне Кайле.

Как оказалось, мне не пришлось уговаривать Ри. Когда мы закончили наш завтрак, она пододвинула к нашему столику стул.

— Что привело тебя в Гейтер? — спросила она.

Убийство. Похищения. Столетия постоянных пыток.

— Мы приехали развеять прах матери Кэсси, — ответила за меня Лия. — Тело Лорелеи нашли несколько месяцев назад. Кэсси говорит, что её мать хотела бы упокоиться именно здесь.

Хоть я уже признала, что почти ничего не помню о Гейтере, Лия была Лией, так что Ри поверила каждому её слову.

— Если я чем-то могу помочь, — напрямик сказала Ри, — Кэсси, милая, дай мне знать.

— Есть кое-что, — я ждала этого шанса. — Если мы с мамой провели здесь год, значит, мы жили здесь дольше, чем где бы то ни было. Я почти ничего не помню. Знаю, что маме здесь очень нравилось, но, прежде чем я развею её прах... — на несколько секунд я закрыла глаза, позволяя своему настоящему горю выбраться на поверхность. — Я хотела бы вспомнить, почему.

Я не была и близко такой же хорошей лгуньей, как Лия, но я знала, как использовать правду.

Мы жили здесь дольше, чем где бы то ни было. Я почти ничего не помню. Я хотела бы вспомнить, почему.

— Не знаю, что я смогу тебе рассказать, — Ри была удивительно прямолинейной. — Лорелея была не из общительных. Она приехала в город с каким-то вздорным представлением, заявляя, что она медиум. Она помогала людям «связаться с духами их близких», предсказывала судьбу, — Ри фыркнула. — Городской совет не позволил бы ей остаться надолго, но Марцела Уэйт обожает такие штучки. В этом городе она известна благодаря трём вещам: своей болтливости, мертвому богатому мужу и тому, что она изводит членов городского совета до тех пор, пока не получит желаемое.

Пока что история казалась мне знакомой.

— За первую пару недель твоя мама приезжала сюда дважды или трижды, вместе с тобой. Она была молода. Упряма, хоть она хорошо это скрывала, — Ри сделала паузу. — Я предложила ей работу.

— Официантки? — спросила я. Прежде чем Бриггс завербовал меня в программу

«Естественных» я работала официанткой в закусочной. Я гадала о том, могла ли какая-то часть меня помнить, что когда-то этим занималась моя мать.

Ри сжала губы.

— У меня есть плохая привычка нанимать на работу официанток, которые многое повидали за свою жизнь. Большинство из них от чего-то бежали. Я никогда не знала, от чего бежала Лорелея — она не рассказывала, а я не спрашивала. Она приняла предложение о работе. Я выплачивала большую часть её арендной платы.

— Голубой дом с большим дубом, — мягко произнесла я.

Ри кивнула.

— Моя дочь недавно съехала из него. Мэлоди и Шэйн жили со мной, так что я не хотела, чтобы дом пропал.

Съехала. Тон, которым Ри произнесла эти слова, открыл мне их смысл: она сбежала и бросила своих детей с вами.

Это объясняло, почему Ри могла пожалеть молодую мать одиночку, которая пыталась прокормить свою дочь.

Дом — это не место, Кэсси. Слова моей матери были со мной годами, но теперь я слышала их иначе, ведь — хоть и ненадолго — но однажды у нас был дом.

— Моя мать была с кем-нибудь близка? — спросила я у Ри. — С кем-то встречалась?

— Твоя мама всегда знала толк в симпатичных мужчинах, — Ри пыталась быть тактичной. — Но ещё она знала толк в проблемах.

Не так уж и тактично.

Прищурившись, Ри взглянула на Дина.

— От тебя есть проблемы? — спросила она.

— Нет, мэм.

Она обернулась к Майклу.

— А от тебя?

Он одарил её очаровательной улыбкой.

— На сто процентов.

Ри фыркнула.

— Я так и подумала.

Дверь открылась, и в закусочную зашел Вдовий Мысок из Аптекарского музея. Увидев его, Ри улыбнулась, как тогда, когда Дин заказал лепешки с подливкой.

— Ты помнишь Шэйна? — спросила у меня Ри. — Мой внук.

Шэйн. Я чувствовала, как воспоминание зависло на грани досягаемости. Ри поднялась на ноги.

— Моя мать знала мужчину по имени Мэйсон Кайл? — спросила я, прежде чем она успела уйти.

Ри уставилась на меня.

— Мэйсон Кайл? — она покачала головой, словно стараясь выбросить из головы воспоминания. — Я не слышала это имя двадцать пять лет. Он уехал из Гейтера, когда ему было сколько? Семнадцать или вроде того? Задолго до того как твоя мать приехала в город, Кэсси.

Когда Ри зашагала к барной стойке — и своему внуку — одна из старушек за соседним столиком цокнула языком.

— Как жаль, что такое случилось с семьей Кайлов, — произнесла она. — Самая

настоящая трагедия.

— Что произошло? — спросила Слоан, разворачиваясь на сидении.

Игравший в шахматы старик по другую сторону от нас обернулся и взглянул на неё.

— Их убили, — проворчал он. — Один из этих людей.

Каких людей?

— Бедному малышу Мэйсону было не больше девяти, — сказала женщина, цокнувшая языком. — Большинство местных считают, что он всё видел.

Я вспомнила маленького мальчика с фотографии, а затем подумала о чудовищном убийце, которым он стал.

— Довольно, — судя по тону Ри и мгновенной реакции окружающих здесь её слово было законом. Кивнув, она снова обернулась к своему внуку. — Шэйн, что тебе...

Прежде чем она успела закончить, Шэйн увидел что-то за окном. Он напрягся и, хлопнув дверью, выбежал на улицу.

Я выглянула в окно и увидела, как он бросился к группе из дюжины людей. Они шагали рядами по четыре человека. Люди разных возрастов и разных рас. Каждый из них был с ног до головы одет в белое.

Шэйн попытался подойти к девушке, стоявшей за другими, но мужчина с густыми, иссиня-черными волосами с намеком на седину преградил ему путь.

— Рискну предположить, — не сводя глаз с приближающейся стычки, произнесла Лия, — что «эти люди» — разведчики из местной дружелюбной секты.

ГЛАВА 32

«Эти люди». Такими словами игравший в шахматы мужчина описал тех, кто убил семью Мэйсона Кайла больше тридцати лет назад.

Майкл бросил на стол три купюры по двадцать долларов, и мы пятеро вышли из закуской.

— Мэл, — Шэйн попытался обойти сидящего мужчину. — Мэлоди.

— Всё в порядке, Эхо, — сказал мужчина девушке, которую Шэйн называл Мэлоди. — Выскажи свою правду.

Девушка, которую я почти узнала — как я почти узнала Шэйна — сделала шаг вперед. Она не отрывала взгляда от земли.

— Я больше не Мэлоди, — её голос был чуть громче шепота. — Я не хочу быть Мэлоди. Моё второе имя — моё истинное имя — Эхо, — она посмотрела на брата. — Сейчас я счастлива. Ты не можешь за меня порадоваться?

— Порадоваться? — переспросил Шэйн. — Мэл, ты даже не можешь поговорить со мной, не оглядываясь на него, чтобы убедиться, что ты всё говоришь правильно. Ты променяла колледж — колледж, Мэлоди — на опустошающую секту, которая украла у нас мать, когда мы были детьми. — Руки Шэйна сжались в кулаки. — Так что, нет, я не могу за тебя порадоваться.

— Ваша мать была потеряна, — глава секты почти ласково обратился к Шэйну. — Мы пытались дать ей покой, простую жизнь. Когда она выбрала другой путь, мы скорбели не меньше вас.

— Это из-за вас она уехала из города! — взорвался Шэйн.

Его собеседник не дрогнул.

— Ранчо Покоя — место не для всех. Мы не можем помочь всем, но помогаем тем, кому можем, — он мельком взглянул на Мэлоди — так быстро, что я бы и не заметила, если бы не

ждала этого.

— Я нашла покой, — без каких либо эмоций в голосе и со стеклянными глазами произнесла Мэлоди. — В покое я нашла равновесие. В покое я нашла мир.

— Ты что-то употребляешь? — спросил Шэйн, а затем снова обернулся к мужчине, с которым он спорил. — Что вы ей дали? Что вы ей даёте?

Несколько секунд мужчина глядел на и сквозь Шэйна, а затем он опустил голову.

— Нам нужно идти.

— Ещё три секунды и этот Драко Малфой ударит его, — негромко произнёс Майкл. — Три... два...

Шэйн ударил мужчину. Утирая кровь с губы тыльной стороной ладони, лидер секты взглянул на Шэйна с улыбкой.

Агенту Стерлинг не понадобилось много времени, чтобы раскопать информацию о Ранчо Покоя. Лидера секты звали Холлэнд Дарби. За последние тридцать лет местные органы власти не раз расследовали его деятельность, но не нашли доказательств каких либо правонарушений.

Первые жалобы появились, когда община Ранчо Покоя обосновалась на окраине Гейтера больше тридцати лет назад. Судя по документам, которые нашла агент Стерлинг, Холлэнд Дарби подбирал бродяжек и бездомных, но за годы ему удалось переманить на свою сторону и множество молодых, впечатлительных местных жителей. Все они были совершеннолетними. И все они были женщинами.

Вот и всё, что мне нужно было знать о Холлэнде Дарби. Он всегда ставил точки над «I». Если бы ты принимал несовершеннолетних, у тебя могли бы начаться проблемы с законом. И чем бы ты не занимался на Ранчо Покоя, последнее чего ты хочешь — это копы на твоей земле. Твоими последователями становятся и мужчины, и женщины, но, когда дело касается местных, ты предпочитаешь девушек — чем младше, тем лучше.

— Он привёл Мэлоди в город в качестве проверки, — по тону Лии было невозможно догадаться, что это было для неё чем-то личным; что Холлэнд Дарби разбудил воспоминания, которые она давно похоронила. — Дарби хотел, чтобы Шэйн увидел свою сестру. Он хотел, чтобы Мэлоди дала ему понять, что теперь они — её семья.

Чем меньше Мэлоди контактировала со своей семьей, тем проще было ею манипулировать. Но с каждым разом, когда она смотрела им в глаза и выбирала тебя, шансы на то, что они простят её, становились всё меньше. Они не смогут простить её, и, даже если она захочет уйти с Ранчо Покоя, она не сможет вернуться домой.

— Судя по всему, — поднимаясь на ноги, произнесла Лия, — отель «Гейтер» не слишком хорошо знаком с нормальными кондиционерами, — она убрала свои волосы с шеи. — Я переоденусь во что-нибудь полегче.

Выражение лица Лии призывало нас рискнуть и поспорить с тем, что её желание переодеться было как-то связано с температурой воздуха. Сидящий рядом со мной Майкл наблюдал за тем, как она уходит. Не важно, как хорошо она умела скрывать свои эмоции, он мог их прочесть. Он знает, что ты чувствуешь. И ты знаешь, что он знает.

Через несколько секунд Майкл последовал за ней в спальню. Я знала, как всё пройдет — Майкл попытается высвободить её эмоции, а Лия припомнит ему фиаско с Селин.

— Думаю, — Слоан нарушила тишину, — существует примерно восьмидесяти семи процентный шанс того, что в итоге Майкл с Лией начнут целоваться или как-то иначе взаимодействовать в акте физического...

— Давайте вернемся к делу, — вмешалась агент Стерлинг. — Приступим? — она переключилась в режим лекции. — Тридцать три года назад, когда Холлэнд Дарби начал выкупать большие земельные участки на окраине города, последовало множество жалоб. Думаю, большая часть жалоб была необоснованна или сфабрикована — никто не хотел, чтобы на месте семейных ферм обосновались бродяжки, бездомные и бывшие наркоманы, — агент Стерлинг отложила жалобы и взяла папку потолще. — Примерно через девять месяцев после открытия Ранчо Покоя местное управление шерифа начало расследование о причастности этой группы к убийству Анны и Тодда Кайлов.

— Родителей Найтшэйда? — спросила я. Стерлинг кивнула. Следующий час мы с ней, Дином и Слоан провели, просматривая сведенья о каждой улике, которую удалось обнаружить в ходе расследования.

Улик было не много.

Анна и Тодд Кайлы были молодой супружеской парой с девятилетним сыном. С ними жил отец Анны — Малкольм Лоуелл. Читая между строк, я поняла, что Малкольм был богат — это он был владельцем дома и именно он отказался продавать свою землю Холлэнду Дарби, когда тот стал скупать земельные участки их соседей. Между этими двумя состоялось какая-то стычка. Они ругались. Угрожали.

В ту же ночь кто-то вломился в дом Малкольма Лоуелла, зарезал его дочь и зятя, жестоко напал на Малкольма, семнадцать раз ударив его ножом и бросив его умирать на полу. Согласно полицейскому отчёту, всё это время девятилетний Мэйсон находился в доме.

Ты слышал их крики? Ты спрятался? Старушка из закуской сказала, что по мнению большинства жителей Гейтера Мэйсон Кайл видел, как убили его родителей, но в отчёте об этом не упоминалось.

Полицию вызвал Малкольм — дед Найтшэйда. К приезду скорой помощи он был при смерти. Старик выжил. Его дочь и зять — нет. Малкольм Лоуелл не смог описать нападавшего, но подозрения сразу же пали на жителей Ранчо Покоя.

— Я поработала над временными рамками, — Слоан одну за другой вырывала страницы из предоставленного отелем блокнота и раскладывала их на полу, делая на каждом листе пометку. Она указала на лист бумаги, лежащий левее других. — Тридцать три года назад Холлэнд Дарби основывает свою общину на окраине города. Меньше чем через год убивают Анну и Тодда Кайлов. Двадцать семь лет назад Владыка ядов, который однажды выберет себе в ученики Найтшэйда, убил девятерых людей и вступил в ряды Владык.

Я проследила за логикой в вычислениях Слоан: Найтшэйд совершил своё посвящение — девять убийств — шесть лет назад. Секта действовала с периодичностью в двадцать один год. А значит, Владыка ядов, предшествовавший Найтшэйду, прошел посвящение через два или три года после убийства Анны и Тодда Кайлов.

Какова в этом связь?

— Первый сценарий, — сказала я. — Владыка, который позже станет учителем Найтшэйда, жил в Гейтере, когда Кайлов убили. Мы знаем, что Владыки предпочитают Пифий, которые в прошлом пережили насилие — возможно, убийц они выбирают по тем же критериям, — на миг я закрыла глаза и уцепилась за логику. — Предыдущий Владыка знал, что увидел и пережил Мэйсон, и поэтому выбрал его.

Взгляд Дина встретился с моим.

— Второй сценарий: я — Владыка, завербовавший Найтшэйда. А ещё я убийца Анны и Тодда Кайлов. Меня так и не поймали, но дело привлекло достаточно местной прессы,

чтобы заинтересовать Владык, которые предложили мне превратить мой потенциал во что-то намного большее, — он провёл кончиками пальцев своей правой руки по моей левой ладони. — Я принял предложение и научился убивать без следа, без жалости.

Слоан поёжилась.

— Годы спустя, — негромко произнес Дин, — когда мне было пора выбирать себе ученика, я вспомнил Мэйсона Кайла. Возможно, я не знал, что он был в доме, когда я убивал его семью. А может, — его голос звучал так, словно он принадлежал кому-то другому, — тогда я позволил ему выжить. Так или иначе, он мой.

В комнате повисла тишина. Если родителей Найтшэйда убил один из Владык, то раскрыв убийство Кайлов, мы можем найти того, кто завербовал Найтшэйда.

Найти одного Владыку и идти по следу.

— Третий сценарий, — агент Стерлинг молчала, пока мы с Дином озвучивали свои теории, но теперь она заговорила. — Н.О. в деле Кайлов убил родителей Найтшэйда, чтобы однажды маленький Мэйсон Кайл и сам стал убийцей, — она поднялась на ноги и принялась измерять комнату шагами. Я ещё никогда не видела её такой напряженной. — Я знаю дело Найтшэйда вдоль и поперек. Мы искали гениального нарцисса, который обожал побеждать и иметь преимущество. И всё же, во время последнего допроса Найтшэйд смирился с тем, что Пифии придется приговорить его к смерти. Он не сопротивлялся. Не надеялся, что другие Владыки его спасут.

— Верность, — перевела я.

— Вы считаете, что верность может уходить корнями в детство, — Дин поднял глаза к агенту Стерлинг. — Вы думаете, что наш Н.О. с детства растил Найтшэйда так, чтобы он присоединился к Владыкам.

Слоан нахмурилась.

— Родителей Найтшэйда убили за тысячу восемьсот восемьдесят семь дней до того, как Владыка, выбравший Найтшэйда, совершил свои девять убийств, — объяснила она. — Без учета аномалий в пространство-временном континууме, кажется маловероятным, что кто-то мог думать об ученике, который займет его место, ещё до того, как он сам получил это место.

Руки Слоан дрожали — явный призрак тревоги. Она успокоилась и вернулась к остатку временного отрезка.

— Через девять лет после убийства родителей Мэйсона Кайла, Мэйсон навсегда уехал из Гейтера. Примерно двадцать четыре года назад. Где-то через двадцать лет после этого в город приехали Кэсси и её мать, — голубые глаза Слоан метнулись к моим. Я знала, что она пытается просчитать вероятность того, что её следующие слова сделают мне больно.

Я опередила её.

— Через шесть лет после того, как мы с мамой уехали из Гейтера, Найтшэйд убил девять человек, и занял место за столом Владык. Меньше чем через два месяца после этого похитили мою мать.

Моя мать и Найтшэйд жили в этом городе с разницей больше чем в десятилетие. Но, скорее всего, впоследствии один или несколько владык следили за ними. У вас хорошая память. Вы знаете толк в потенциале. И вы умеете быть очень, очень терпеливыми.

— Если предположить, что на семью Кайлов напал человек не младше шестнадцати лет, — сказала Слоан, — мы ищем Н.О. чуть младше пятидесяти — а может и намного старше.

Я подумала о пожилых горожанах в закуской и старике, который приглашал нас в Аптекарский музей.

— Нам нужно узнать, что полиция не внесла в официальные документы, — произнёс Дин. — Сплетни. Теории.

— Вам повезло, — возвращаясь в комнату, произнесла Лия, — что сплетни — одна из моих специальностей. — Она облачилась в длинную черную юбку и многослойную кофточку, обнажавшую её плечи. Её глаза были густо подведены черной подводкой, а на запястьях красовались широкие медные браслеты. — По десятибалльной шкале, насколько я похожа на медиума?

— На шесть целых четыре десятых бала, — без запинки ответила Слоан.

— Медиума? — переспросила я. Я была почти уверена, что не хочу знать, к чему всё идёт.

— Мы с Лией обсудили наш небольшой разговор с Ри в Не-закусочной, — вслед за Лией в комнату зашел Майкл. Судя по выражению его лица, они не только разговаривали. — И мы оба вспомнили, что Ри упомянула что-то о вдове, которая много болтает и любит медиумов.

Лия взглянула на меня и изогнула бровь. Я знала это выражение лица. Оно не судило ничего хорошего.

— Ну уж нет, — произнесла я. — Большую часть моего детства я помогала своей маме обманывать людей, которые считали её медиумом. Я не стану помогать тебе в том же.

Слоан взглянула на меня, потом перевела взгляд на Лию и снова посмотрела на меня.

— Высока вероятность того, — прошептала она, — что сейчас Лия скажет тебе, что ты лжешь.

ГЛАВА 33

Могло быть и хуже, — сказала себе я, прикалывая брошку со встроенной камерой к своей одежде. Лия подалась вперед и позвонила в дверь дома городской сплетницы. — Лия могла сделать и что-то похуже, чтобы отвлечься от своих проблем.

— Я могу вам помочь? — дверь открыла женщина чуть старше сорока. Ярочно-рыжий цвет её волос не выглядели бы натуральным, даже будь она младше на пару десятков лет. Она явно очень любила обтягивающую и блестящую одежду.

Вы красите губы ярко-розовой помадой, даже когда вы дома. Дом выглядит классическим, сдержанным — ваша полная противоположность.

— Если вы — Марцела Уэйт, думаю, это мы можем помочь вам, — прошептала Лия.

Даже способностей Естественной лгуни было недостаточно. И хоть я ненавидела эту идею, мне пришлось заговорить.

— Меня зовут Кэсси Хоббс. Вы знали мою мать, Лорелею. Она помогала вам связываться с дорогими вам людьми на другой стороне.

В глазах Марцелы мелькнуло узнавание.

— Сорок четыре процента медиумов верят в НЛО, — выпалила Слоан. — Но в два раза больше верят в пришельцев.

— Мир духов говорит со Слоан числами, — таинственно произнесла Лия.

— В вашем дворе похоронено четыре собаки, — Слоан покачнулась на пятках. — В прошлом году вы заменили четыреста семьдесят девять пластинок гонта на крыше.

Рука Марцелы взлетела к груди. Ей явно не пришло — и не могло прийти — в голову, что Слоан была попросту хороша в математике и очень наблюдательна.

— У вас есть для меня послание? — с горящими глазами спросила Марцела.

— Несколько лет назад умерла моя мать, — сказала я, придерживаясь истории, которую мы рассказали Ри. — Я приехала в Гейтер, чтобы развеять её прах, но сначала...

— Да? — затаив дыхание, произнесла Марцела.

— Её дух попросил меня прийти сюда и погадать вам.

Я — ужасный человек.

Когда Марцела Уэйт подала нам чай в своей гостиной и села напротив меня, я оттолкнула чувство вины и заставила себя сосредоточиться на её П.Л.О... Поведение. Личность. Окружение.

Этот дом принадлежал вашему мужу. Он родился в богатой семье. Вы — нет. Он никогда не заставлял вас меняться, вот вы и не изменились — но всё же вы не стали менять интерьер дома. Я чувствовала, что она любила его.

— Вы — очень духовный человек, — я давно не чувствовала себя так сильно похожей на свою мать. — Я ощущаю, что у вас есть малая толика Дара.

Большинству людей нравилось считать себя экстрасенсами, а девяносто процентов этой работы заключалось в том, чтобы сказать клиенту то, что он хотел услышать.

— Вы видели сны, — продолжила я. — Расскажите мне о них.

Пока хозяйка дома описывала сон, приснившийся ей прошлой ночью, я гадала о том, как моей матери удавалось заниматься этим столько лет.

Ты делала то, что должна была, — подумала я. — Ты делала это ради меня. Но в глубине души мне пришлось признать: Тебе нравилось играть в эту игру. Тебе нравилась власть.

Я не сразу осознала, что Марцела замолчала.

— В вашем сне есть две стороны, — машинально произнесла я. — Они символизируют два пути — выбор, который вам предстоит сделать.

Одной из хитростей профессии моей матери было оставаться абстрактной, пока клиент не даст тебе подсказку.

— Новое или старое, — продолжила я. — Прощать или не прощать. Извиниться или прикусить язык, — реакции не последовало, так что я перешла к более личным фактам. — Вы думаете о том, чего бы хотел ваш муж.

Эти слова заставили Марцелу заговорить.

— Его сестра так ужасно ко мне относится! Она смотрит на меня свысока, хоть сама замужем в четвертый раз!

Сестра вашего мужа всегда считала, что вы недостаточно хороши для него — и она всегда давала вам это понять.

Слоан прочистила горло.

— Существует пятьдесят шесть анаграмм имени Марцела, включая «карамель», «терпение» и «кружевной рукав».

Марцела потрясенно выдохнула.

— Карамель была любимой сладостью Гарольда, — она нахмурилась. — Гарольд хочет, чтобы я была терпеливее? Терпеливее с его сестрой?

Лия посчитала это сигналом.

— Я чувствую запах карамели, — произнесла она, глядя вдаль. — Гарольд здесь. Он с нами, — она схватила меня за руку и тяжело взглянула на Марцелу Уэйт. — Он хочет, чтобы вы знали, что он знает, какой бывает его сестра.

— При жизни он не всегда это замечал, — добавила я, чтобы слова Лии лучше

совпадали с моим профилем Марцелы. — Но теперь он всё видит. Он знает, что вам сложно, но он надеется, что вы будете великодушны. Он знает, что вы на это способны.

— Он так сказал? — мягко спросила Марцела.

— Он не слишком много говорит, — ответила я. — Но в духовной форме, он и не должен.

Марцела закрыла глаза и склонила голову. Вам нужно было услышать, что он вас поддерживает. Вам нужно было вспомнить, что он тоже вас любил.

Мне почти удалось поверить, что мы делаем доброе дело, но затем Лия изогнула спину, изгибаясь в неестественной позе.

— Помогите, — голос Лии превратился в высокий, резкий шепот. — Я не могу найти своего сына. Кровь. Столько крови...

Я сжала руку Лии в предостережении. Я бы постаралась завести разговор о Кайлах иначе, но Лия — как и всегда — не оставила мне выбора.

Я заставила себя не закатывать глаза.

— Назови своё имя, дух, — произнесла я.

— Анна, — прошипела Лия. — Меня зовут Анна.

ГЛАВА 34

К счастью для нас, Марцела Уэйт — как и большинство сплетниц и фанатов блестящих золотых леггинсов — обожала мелодраму. Я была почти уверена в том, что представление Лии порадовало её даже больше, чем разговор с её покойным мужем.

— Наверное, это Анна Кайл, — сказала нам Марцела, барабанила красными ногтями по своей чашке. — Мне было девятнадцать, когда их с её мужем убили. Бедная женщина.

— Что произошло? — спросила я. Мы устроили представление. Настала очередь городской сплетницы.

— Анну Кайл зарезали на её собственной кухне. Как и её мужа, — негромко произнесла Марцела. — А отцу Анны едва удалось выжить.

— А её сын? — спросила я. — Она сказала, что не может найти своего сына.

— Он был там, — сообщила Марцела. — Видел, как это произошло, — она повторила слова, которые мы слышали в закускойной, хоть их и не было в отчёте, который нашла агент Стерлинг. — Мне всегда казалось, что с мальчиком что-то не так. Он был буйным, постоянно вертелся с детьми этих людей.

Я отложила упоминание «этих людей» на будущее.

— Как ужасно, — пробормотала Лия. — Чудо, что убийца оставил мальчика в живых.

Марцела поджала губы. Даже без помощи Майкла я поняла, что женщина собиралась сказать что-то, чего ей не следовало говорить.

— Поверьте, я не одобряю сплетни, — предупредила Марцела, — но некоторые думают, что маленький Мэйсон знал убийцу. Некоторые думают, что он не просто стал свидетелем убийства, — она понизила голос до шепота. — Они думают, что он наблюдал.

Слоан нахмурилась.

— Почему люди могли так решить?

Марцела сразу же ответила.

— Я же говорила об отце Анны? Его снова и снова ранили ножом, он пережил операцию и, когда он очнулся, он сказал полиции, что он не видел нападавшего.

— Но? — спросила Лия.

— Но после этого Малкольм Лоуелл отказался иметь дело со своим внуком. Он не хотел

принимать опеку над собственной плотью и кровью, даже смотреть на него не мог. Старик Малкольм больше никогда не говорил с мальчиком.

Я знала, чем это могло кончиться в маленьком городе, чем всё кончилось для Найтшэйда. Сначала люди тебя жалели. Но после того как очнулся твоей дед, после того, как он сказал полиции, что он не видел нападающего, люди начали задавать вопросы. Что, если он лгал? Что, если он кого-то защищал?

Что, если он защищал тебя?

— Что случилось с Мэйсоном? — спросила Слоан, теребя свои руки. — Его родители умерли. Его семья не хотела его принимать. Куда он пошел?

Этот вопрос был близок Слоан.

— Кайла взяла к себе местная пара, — произнесла Марцела, отпивая чай. — Ханна и Уолтер Тэйнсы.

— Они всё ещё живут в Гейтере? — обыденным тоном спросила Лия.

Марцела опустила чашку на поднос.

— Ханна умерла несколько лет назад, но Уолтер всё ещё здесь живет. Он заведует Аптекарским музеем на главной улице.

Ты

Ты не наслаждаешься спокойными моментами. Ты слишком умна, чтобы, глядя на спящую Лорел, хоть на миг подумать, что она просто ребенок.

— Она выглядит безмятежной, — ты слышишь ласковый голос Пятерки.

В его руках нож.

— Что ты здесь делаешь? — иногда полезно быть надменной. Напоминать садистам, что, хоть ты и находишься на их милости, они находятся на твоей.

— У меня есть интересные новости от старого друга.

Ты не глотаешь наживку.

Пятерка улыбается в ответ на твою тишину.

— Судя по всему, ФБР приехало в Гейтер, — он проводит пальцем по острию своего ножа. Легко. Осторожно.

Ты одариваешь его ледяным взглядом.

— Меня не заботят дела ФБР.

— Заботят, — отвечает Пятерка, до крови прижимая нож к своему пальцу, — когда дело касается твоей дочери.

ГЛАВА 35

Мы встретились с остальными у Аптекарского музея.

— Стерлинг неуверенна, стоит ли пускать нас на передовую, Джадд думает о Скарлетт, а агенту Стармансу очень сильно хочется в туалет, — прошептал нам с Лией Майкл. — На случай, если вам было интересно.

Я мельком взглянула на агента Старманса, который поспешно извинился и отправился в уборную. Джадд потянулся в задний карман, достал из него кожаный бумажник и протянул Слоан мятую двадцатку.

— Пожертвование, — сказал он ей. — Для музея.

Когда Слоан взяла двадцатку, я взглянула на агента Стерлинг. Вы злитесь из-за того, что задавать вопросы приходится мне, а не вам. Из-за того, что жители Гейтера не против со мной поговорить. Но больше всего вы злитесь потому, что этот риск злит вас и вполнину не так сильно, как должен.

Дин протянул руку к двери музея и открыл её для Стерлинг.

— После вас, — сказал он. Со стороны это могло показаться южной галантностью, но я увидела в его словах обещание: мы последуем её примеру.

Стерлинг зашла первой, а за ней — мы.

— Доброе утро, народ, — за прилавком стоял Уолтер Тэйнс. Он походил на экспонат ничуть не меньше, чем всё остальное в этих стенах.

Слоан протянула ему купюру, врученную ей Джаддом. Тэйнс кивнул на деревянную коробку на прилавке. Пока Слоан опускала деньги в коробку, я заставила себя отвернуться от мужчины, растившего Найтшэйда, и рассмотреть полки.

У одной из стен выстроились в ряд сотни бутылочек с выцветшими этикетками. Перед мерными стаканами из матового стекла гордо лежали ржавые инструменты. На полке под ними лежала толстая книга в кожаном переплете. Её страницы пожелтели, а чернила выгорели от времени. Когда я прочитала нацарапанное от руки заглавие, сердце замерло у меня в груди.

«Реестр ядов» — 1897 год.

Я подумала о Найтшэйде и о яде, с помощью которого он убил Скарлетт Хокинс. Невозможно выявить. Невозможно излечить. Мучительная смерть.

Я едва не вздрогнула, заметив, что кто-то стоит у меня за спиной, отбрасывая тень на страницу.

— Раньше для покупки лекарств, которые могли быть ядовиты, аптекари требовали подпись покупателей, — Уолтер Тэйнс провёл кончиком пальца по записям реестра. — Опий. Мышьяк. Белладонна.

Я заставила себя перевести взгляд со страниц на старика.

Тэйнс мягко улыбнулся.

— Знаешь, черта между лекарством и ядом была довольно тонкой.

Эта черта влечет вас. Мой мозг сразу же принялся за работу. Вы считаете яды увлекательными.

Вы приняли Найтшэйда в свою семью, когда он был ещё ребенком.

— Когда-то этот музей был настоящей аптекой? — спросила агент Стерлинг, отвлекая нашего подозреваемого от меня.

Тэйнс сцепил руки перед собой и пересек комнату по направлению к ней.

— О, да. Мой дедушка руководил ею в молодости.

— Умиращее искусство, — пробормотала Стерлинг, — даже тогда.

Тэйнс отметил её слова. Она ему нравилась. Ему нравилось с ней разговаривать.

— У вас не маленький выводок, — отметил он.

— Моя племянница и её друзья, — без запинки ответила Стерлинг. — В детстве Кэсси жила в Гейтере с матерью. Когда я слышала, что ребята собрались в Гейтер, решила, что за ними стоит присмотреть кому-то взрослому.

Ко мне подошла Лия. Она выглядела абсолютно очарованной ржавыми старомодными весами.

— Забавно, — едва слышно произнесла детектор лжи. — Слова о том, что за нами стоит присмотреть были правдой.

Тэйнс обдумал слова агента Стерлинг.

— Полагаю, это значит, что вы — сестра Лорелеи.

Услышав, как он произносит имя моей матери, я захотела обернуться к нему, но мои

ноги приклеились к земле.

Вы знали мою мать.

— У вас есть дети? — агент Стерлинг мягко задала абсолютно естественный вопрос.

Я сделала несколько шагов вдоль стены, поворачиваясь так, чтобы мне удалось мельком увидеть реакцию старика.

— Злость, — пробормотал Майкл мне на ухо. — Горечь. Тоска, — на миг он замолчал. — И чувство вины.

Майкл упомянул чувство вины в последнюю очередь, а значит, оно было самой слабой эмоцией. Оно притупилось с годами? — гадала я. — Или вы просто не способны чувствовать что-то большее, чем крохотные угрызения совести?

— У меня был сын, — старик ответил на вопрос Стерлинг коротко и резко. — Мэйсон. Он сбежал, когда ему было где-то семнадцать. Разбил сердце моей жены.

Мельком взглянув на Лию, я убедилась в том, что он не лгал.

— Мэйсон, — повторила я, стараясь изобразить любопытного подростка. Я позволила себе поколебаться, а затем сказала: — Сегодня утром люди в закусочной Ри кое-что говорили, — я отвела взгляд, показывая, что я знала, что мне не стоит этим обсуждать. — Об убийстве Анны и Тодда Кайлов...

— Кэсси, — резко произнесла моя «тётя», подыгрывая спектаклю о том, что я была ребенком, перешедшим черту.

— Ужасное событие, — пальцы Тэйнса сжали старомодную бутылочку, помеченную черепом. — Мне никогда не нравился отец Анны. Он женился на местной девушке, но никогда не пытался наладить отношения с горожанами. Его жена умерла, когда Анне было шесть или вроде того, и он растил малышку в одиночестве, в большом доме на холме. Он с самого начала считал себя лучше этого города, — он покачал головой, стараясь выбросить из неё воспоминания. — Малкольм открыто игнорировал всех нас, но постоянно сцеплялся с Холлэндом Дарби и его последователями. В нашем городе подобное всегда плохо кончалось.

Я мельком взглянула на агента Стерлинг, делая вид, что я решаю, стоит ли рискнуть и снова заговорить.

— Анну и Тодда убили. А их сын... Мэйсон...

Несколько секунд старик глядел на меня.

— Мы с женой не могли иметь детей. Это казалось нам христианским поступком. А Мэйсон... — Тэйнс закрыл глаза. — Мэйсон был хорошим мальчиком.

Этот разговор позволил мне увидеть две возможные версии Уолтера Тэйнса. Один из них был стариком, который так старался помочь травмированному мальчику, но тот отблагодарил его, сбежав, как только он стал достаточно взрослым. Второй был невероятным актером, который скорбел не о сбежавшем мальчике, а к мужчине, которым стал Мэйсон Кайл.

Найтшэйд подвёл Владык.

Найтшэйд попался.

Найтшэйд стал помехой.

Входная дверь музея открылась, и звон колокольчика вырвал меня из моих размышлений. Я инстинктивно отвернулась и принялась изучать ещё одну полку с экспонатами.

— Уолтер, — кто-то поприветствовал Тэйнса ровным, приятным и неконфликтным голосом...

— Дарби, — коротко ответил Тэйнс. — Я могу тебе чем-то помочь?

Дарби, — подумала я, внезапно радуясь тому, что я отвернулась. — Холлэнд Дабри?

— Насколько я понимаю, Шэйн повздорил с моим отцом, — эти спокойные слова ответили на мой вопрос.

Этот мужчина не был старшим Дарби. Судя по всему, это был его сын.

— Я надеялся с ним поговорить.

— Уверен, Шэйн был бы благодарен за вашу заботу, доктор, — судя по тону Тэйенса, всё было как раз наоборот. — Но я дал ему отгул на утро. Сказал собраться и только потом возвращаться сюда.

Дарби обдумал свой ответ.

— Я бы не хотел, чтобы Шэйну выдвинули обвинения за нанесение телесных повреждений. Вы ведь оба знаем, что мой отец может спровоцировать его, а затем подать в суд.

Повисла долгая пауза, а затем Уолтер Тэйнс поспешил сменить тему.

— Эти ребята задавали вопросы о Мэйсоне и о том, что случилось с Кайлами. Возможно, им стоило расспрашивать не меня.

Я вспомнила о том, как Марцела Уэйт сказала, что Мэйсон Кайл общался с детьми «этих людей».

Вы с Мэйсоном Кайлом дружили. Мой мозг работал на полной скорости, и я обернулась, чтобы получше разглядеть мужчину. Агент Стерлинг сделала шаг вперед, привлекая его внимание, прежде чем он успел заметить меня.

У этого Дарби были темные волосы его отца, но они были куда гуще и без следа седины. Его глаза были светло-голубыми, почти прозрачными. Я решила, что ему было чуть больше сорока. Но это не объясняло того, почему взглянув на него, я сжала руки, впиваясь ногтями в ладони.

Я почувствовала тяжесть в желудке. У меня пересохло во рту. Внезапно, я была не в музее. Я качалась на качелях, наблюдая за тем, как молодая версия этого мужчины смеется и сажает мою маму на перила крыльца.

Она тоже смеялась.

Я вынырнула из воспоминания, как раз когда мужчина представился.

— Кейн Дарби, — произнёс он, протягивая руку агенту Стерлинг. — Я — местный врач и, как вы могли догадаться, моего отца здесь недолюбливают.

Кейн. Мой мозг уцепился за его имя. Я слышала, как моя мать произносила его. Я видела, как она сжимала его руку при свете луны.

— Вы спрашивали о Мэйсоне Кайле? — так спокойно продолжил Кейн, что я сразу же поняла — он был прирожденным врачом. — В детстве мы были друзьями, хоть мы и не слишком много общались после смерти его родителей.

Я должна была посмотреть на Лию, чтобы понять, не лгал ли Кейн Дарби. Я должна была профилировать его.

Но я не стала.

Я не могла.

Мне казалось, что стены надвигаются на меня. Я протолкнулась мимо Лии, Майкла и Дина и выбежала за дверь.

ГЛАВА 36

Моя мать была не из тех женщин, кто влюблялся по уши. Когда она была подростком,

она начала отношения с моим отцом в надежде спастись от издевавшегося над ней отца. Но когда она узнала, что беременна, она сбежала не только от своего отца, но и от моего.

Когда Дин последовал за мной на улицу — а вслед за ним и Лия с Майклом и Слоан — я могла думать лишь о том, что Кейн Дарби держал мою мать за руку. Они танцевали при свете луны.

Он заставлял её улыбаться.

Твоя мама всегда знала толк в симпатичных мужчинах, — слова Ри эхом отдавались в моей голове. — Но ещё она знала толк в проблемах.

Я попыталась вспомнить что-то — что угодно — об отношениях моей матери с сыном лидера секты, но у меня ничего не получилось. На месте времени, которое я провела в Гейтере, зияла черная дыра.

Взглянув на эту потерю памяти глазами профайлера, я задала себе очевидный вопрос. Что так старательно пытается забыть моё подсознание?

Я перешла дорогу. Я смутно осознавала, что другие следовали за мной, а агент Стерлинг держалась на благоразумном расстоянии от нас.

— Рискну предположить, что у Кейна Дарби проблемы с папочкой, — Майкл оказал мне услугу и не стал комментировать мои эмоции. — Добрый доктор действительно был спокоен — до того самого момента, когда он упомянул своего отца.

— Что насчёт Мэйсона Кайла? — спросила я. — Что Кейн Дарби чувствовал, когда слышал имя Найтшэйда?

— Иногда эмоции маскируют друг друга, — на несколько секунд Майкл замолчал. — Я увидел в добром докторе смесь злости, чувства вины и ужаса. Чтобы не скрывалось за этими эмоциями, Кейн Дарби чувствует это не впервые. Для него эти эмоции переплелись. Он чувствует их одновременно.

— Злость, потому что у кого-то есть власть, а у тебя — нет, — Лия обогнала нас и обернулась, шагая спиной вперед. — Чувство вины, потому что тебя приучали верить, что нет большего греха, чем предательские мысли, — она снова повернулась, скрывая своё лицо из виду. — И ужас, — наконец, мягко произнесла она, — потому что в глубине души ты знаешь, что тебя накажут.

Ты говоришь не о Кейне Дарби.

— Другими словами, — перевел Майкл, делая вид, что только что Лия не позволила нам мельком взглянуть на самые глубокие из её шрамов, — у доброго доктора проблемы с папочкой.

Как и Лия, Кейн Дарби рос в секте. Судя по тому, что он говорил о своём отце, как и Лие, ему удалось выбраться.

Но ты не уехал из города. Ты не порвал все связи. Не начал сначала.

— Кейн Дарби встречался с моей матерью, — призналась я. Лия была с нами честна. Я задолжала группе то же самое. — Я почти ничего не помню, но, судя по тем кусочкам, которые мне удалось собрать... — я закрыла глаза, вспоминая выражение лица моей матери, и выдавила: — Возможно, она его любила.

На несколько секунд повисла тишина, а затем заговорила Слоан.

— С учетом портье в отеле и нескольких случайных встреч, мы пообщались с дюжиной жителей Гейтера за последние три часа. Из тех, с кем мы говорили или за кем мы наблюдали, только один человек имел близкие отношения как с Найтшэйдом, так и с матерью Кэсси.

Кейн Дарби. Я постаралась вспомнить о нём что-то ещё. Любое наше взаимодействие — даже самое крохотное — из моего детства.

— Дарби-младшему было всего лишь десять, когда убили родителей Найтшэйда, — отметил Дин.

— А мне было девять, — беспечно возразила Лия, — когда я убила человека. Дети способны на ужасные вещи, Дин. Ты это знаешь.

Иногда, — подумала я, глядя на мир глазами Лии, — чтобы выжить, нужно стать чудовищем.

Я подумала о Лорел, которую держали в плену вместе с моей матерью; о Кейне Дарби, взрослевшем во власти его отца; о Найтшэйде, родителей которого убили в их собственном доме. А затем я подумала о провалах в собственной памяти. О том, сколько из того, что я знала о своём детстве, оказалось ложью.

— Нам нужно больше информации о Кейне Дарби, — произнесла я. Мой желудок сделал сальто, когда в моей голове появился план. — И думаю, я знаю, как нам её достать.

Ты

Ты должна была знать, что это произойдёт. Что Кэсси вспомнит. Колесо крутится. Брошены кости.

Ещё немного и Владыки прикажут тебе вынести решение.

Ты не показала слабости, когда Пятерка рассказал тебе о приезде твоей дочери в Гейтер. Ни намёка на то, что слова угодили в цель. Но в последовавшие за этим часы, ты чувствовала перемену, чувствовала, что вот-вот станешь кем-то другим.

Чем-то другим.

Когда аколит — уже не ученик, но ещё не Владыка — приходит за твоим одобрением, приходит добавить к коллекции на твоей шее ещё один бриллиант, ты готова.

Он молод. Он хочет твоего восхищения. Ты можешь его использовать.

Ты слушаешь. Подталкиваешь его. Ты опускаешь ладонь на его грудь и ощущаешь символ — крест в окружении семи кругов. Ты шепчешь на ухо аколиту.

Ты шепчешь: Ты могуществен. Ты будешь среди них лучшим, если будешь правильно выбирать цели. Ты предлагаешь ему бессмертие. Но только если он будет достоин. Только если он сделает, как ты скажешь.

Лорелея содрогнулась бы от твоих слов — от твоего плана. Но Лорелеи здесь больше нет. Кэсси нужна не Лорелея.

Ей нужна Пифия.

Ей нужно чудовище.

Ей нужна ты.

ГЛАВА 37

Догнав нас, агент Стерлинг отправила назад в отель всех, кроме нас с Дином. Я рассказала ей о своём плане. Она заставила меня обдумать все «за» и «против». Заставила повторить его снова и снова. Она выслушала мои доводы и, наконец, согласилась. Мы втроём отправимся в причудливый голубой дом, где я провела год из своего детства. Если не произойдет никаких непредвиденных обстоятельств, я попрошу нынешнего хозяина дома позволить мне осмотреться внутри. Если нам повезет, возможно, нам удастся восстановить ещё несколько воспоминаний.

Со временем агенту Стерлинг может прийтись раскрыть своё прикрытие и отправиться к Кейну Дарби в качестве агента ФБР. Со временем мы сможем напрямую допросить его о

Найтшэйде и моей матери. Но пока что мы должны были узнать, с чем мы имеем дело. А эта информация скрывалась в моём сознании.

— Я бы сказал тебе, что ты не должна этого делать, — пробормотал Дин, когда мы увидели дом, — но я знаю, что ты должна.

Меньше года назад мы с Дином стояли у дома, в котором он вырос. Мы опустились на колени в пыли и искали инициалы его матери на потрепанном от непогоды заборе. Тогда я даже не догадывалась, что однажды он оплатит мне тем же.

— Возможно, стоило взять с собой Таунсенда.

Слова Дина заставили меня изогнуть бровь.

— Чтобы его непристойные комментарии разрядили атмосферу? Или чтобы он мог сказать, что именно я чувствую?

Дин очень осторожно подбирал слова.

— Тот ответ, в ответ на который я не получу речь о том, что ты можешь о себе позаботиться.

Я фыркнула и подошла к крыльцу. Когда я поднималась по ступенькам, вторая ступенька скрипнула.

— Поймала! — я прыгаю со ступеньки на крыльцо и обнимаю маму, прежде чем меня выдаст скрип.

— Совсем наоборот... — мама поднимает меня на руки. — Это я поймала тебя!

— Кэсси, — голос Дина пробился сквозь мои воспоминания. Сначала мне показалось, что он беспокоился обо мне, но оглядевшись, я осознала, что его волнение вызвал человек, только что открывший входную дверь.

— Шэйн, — произнесла, глядя на внука Ри. Почему-то я не ожидала найти дом пустым. — Не знаю, помнишь ли ты меня, но когда-то я здесь жила.

Шэйн уставился на меня с тем же презрением, с которым он смотрел на нас в музее.

— И?

— И я хотела бы здесь осмотреться, — ответила я. — Не знаю, что рассказала тебе твоя бабушка...

Прежде чем я успела закончить, Шэйн вернулся в дом. Дверь захлопнулась за его спиной, но он не стал её запирать. Я посчитала это приглашением и потянулась к дверной ручке.

Обнаружив, что я последовала за ним в дом, Шэйн несколько секунд глядел на меня.

— Раньше ты не была такой храброй.

— Раньше ты не был таким недружелюбным, — парировала я.

Шэйн фыркнул.

— Знаешь, как говорится, рыжая: танцуй.

Слова моей матери ударили меня током. Всё это было реально. Мы с мамой не просто здесь жили. Мы пустили корни. В наших жизнях участвовали люди. Когда мы уехали, нам было по чему скучать.

— Хочешь осмотреться? — угрюмый тон Шэйна едва заметно смягчился. — Не мне тебя останавливать. Я всего лишь здесь живу.

Не произнося ни слова, я приняла приглашение Шэйна и зашагала по дому. Вход. Кухня. Небольшая винтовая лестница. Даже не ступив на неё, я знала, что на втором этаже я найду две спальни. Когда я замерла в дверном проёме спальни, когда-то принадлежавшей моей матери, ещё одно воспоминание ударило меня с силой лавины.

Ночной кошмар. Темно. Я хочу к маме. Но мамочка не одна.

— Я тебя не заслуживаю, — мама стоит спиной к Кейну. — Я рассказывала тебе о том, каким был мой отец. Но не рассказала, что у меня есть младшая сестра. Я бросила её в этом аду, и никогда не оглядывалась.

Я тру глаза ладонями. Сестра? У мамы нет сестры. Только я.

Только мы с мамой и Кейном.

Я двигаюсь. Скрепит половица. Они оборачиваются...

Остаток воспоминания куда более блеклый. Я не почувствовала его, не прожила его, но я знала, что произошло. Я знала, что моя мама и Кейн меня заметили, и Кейн склонился ко мне, а потом поднял меня на руки. Знала, что он сказал моей матери, что это он её не заслуживал.

Не заслуживал нас.

— Ты в порядке?

Не уверена, сколько Дин стоял рядом со мной, но я позволила себе податься к нему. Позволила себе почувствовать его тепло, как моя мать чувствовала тепло Кейна.

— Я знала, что у Кейна с моей мамой были отношения, — произнесла я. Слова казались мне наждачной бумагой. — Я не осознавала, что он был частью и моей жизни тоже.

Моя мать и Кейн Дарби не просто встречались. У них были серьезные отношения.

Если ты относилась к этому серьезно, — подумала я, думая о том, как моя мать выглядела в этом воспоминании, — если он серьезно относился к нам, тогда почему мы уехали? Когда я спускалась по спиральной лестнице, мой желудок изогнулся.

Я почувствовала себя так, как чувствовала каждый раз, когда мне снилась примерка моей матери.

Не заходи туда. Не открывай дверь.

Мой взгляд замер на подножье лестницы. Моё сердце грохотало о рёбра, но воспоминания не последовало. Я просто стояла там, пока не услышала доносящийся с кухни грохот. Я хотела пойти на звук, но меня остановила агент Стерлинг. Она предупреждающе взглянула на нас и зашла на кухню первой.

Шэйн стоял у раковины. С его руки капала кровь, а на полу лежал разбитый стакан.

Кровь.

Возвращайся в кровать, малышка, — прошептал в моих воспоминаниях голос моей матери. — Это просто сон.

— Несчастный случай? — спросила у Шэйна агент Стерлинг.

Шэйн проигнорировал её и, прищурившись, взглянул на меня.

— Тебе не стоило сюда возвращаться, рыжая крошка.

— Следи за словами, — негромкий голос Дина наполнился предостережением.

Шэйн проигнорировал его.

— Последнее, что нужно Гейтеру — чтобы чужаки купились на идеи Ранчо Покоя. Тебе стоит сказать об этом своей маленькой подружке, — ядовито продолжил он, — если когда-нибудь снова её увидишь.

На миг я почувствовала себя так, словно наблюдаю за происходящим со стороны.

— Какой ещё подружке? — переспросила я.

Шэйн не ответил. Он схватил бумажное полотенце, прижал его к своей кровоточащей руке, и попытался пройти мимо нас. Агент Стерлинг остановила его. Впервые с нашего приезда в Гейтер, она достала свой значок.

— Я — агент ФБР, — сказала она. — А тебе стоит сделать шаг назад и объяснить, что ты имел в виду.

Шэйн перевел взгляд со значка агента Стерлинг на меня, а затем — обратно.

— Холлэнд Дарби попал на радар ФБР? — судя по тону Шэйна, он очень сильно старался не радоваться этому.

Агент Стерлинг не стала ему возражать.

— Та девушка, что была с вами? — спросил Шэйн. — Она тоже из ФБР? Поэтому мой приятель только что позвонил мне и сказал, что она попросила принять её к ним?

Девушка, что была с вами. Я составила план, чтобы узнать больше о Кейне Дарби. Но похоже, я была не единственной. В Гейтере все дороги вели к местной дружелюбной секте. И не обязательно быть профайлером, чтобы понять, кто из Естественных мог попытаться отследить эту зацепку.

В одиночку.

ГЛАВА 38

Ранчо Покоя не слишком походило на ранчо — скорее, оно напоминало жилой комплекс, со всех сторон огражденный десятифутовым забором. Агент Стерлинг припарковала свою машину у главных ворот.

— Оставайтесь здесь, — сказала нам она.

Судя по всему, Стерлинг не мыслила ясно. Лия была ближайшим подобием семьи, которое было у Дина. Прежде чем он успел открыть дверь, я протянула руку и остановила его.

— Знаю, — сказала я. — Лия сделала глупость, а ты её не остановил. А теперь она затеяла очень опасную игру с очень опасными людьми. Но ты должен успокоиться. Ты ведь видел, как Дарби вёл себя с Шэйном. Он хотел, чтобы Шэйн сорвался, и от тебя он захочет того же.

Власть. Контроль. Манипуляция. На этом языке говорил Холлэнд Дарби. И мы с Дином знали этот язык слишком уж хорошо.

Всё тело Дина было напряжено, но он заставил себя вдохнуть и выдохнуть.

— Когда Лие было семь, её мать вступила в религиозную секту, — хрипло произнёс он. — Мать Лии находилась в стране нелегально, и после всего, что ей пришлось пережить, глава секты казался ей спасителем, — Дин закрыл глаза. — Но для Лии он был кем-то другим.

Я представила, как Лия училась распознавать обман. Как она училась лгать.

— Лие нравится высота, — мягко продолжил Дин, — потому что её мать позволяла человеку, вроде Кейна Дарби, по несколько дней держать Лию в яме в земле. Потому что у шестилетней Лии был характер. Она не хотела прощения. Не каялась в грехах.

Дин заставил себя замолчать, но мой мозг сделал выводы. Когда Лия была ребенком, ей пришлось помериться силой воли с властным мужчиной, который обожал манипуляцию и контроль. Одним из тех людей, кто предлагал прощение, но только если ты признавал, что он — спаситель. Стоило Лие увидеть в городе сектантов, стоило ей прочитать о Ранчо Покоя, она превратилась в тикающую бомбу с часовым механизмом.

Власть. Контроль. Манипуляция. Лия знала, что Холлэнд Дарби не станет доверять туристам. Обратись мы к нему, как ФБР, он лишь сплотил бы свои ряды. Но если к нему придет потерянная душа в поисках искупления?

Ты обыграешь его в его же игре. Узнаешь, что он скрывает. И если за это тебе придется

заплатить — пусть будет так.

— Я не собираюсь никого бить, — Дин, как мог, старался не показывать, что он был на грани того, чтобы выпустить самые темные стороны своей личности. — Но я не стану сидеть в машине.

— Хорошо, — ответила я, наблюдая за тем, как к воротам, у которых стояла агент Стерлинг, приближался лидер секты. — Как и я.

ГЛАВА 39

— Чем я могу вам помочь? — оживленно произнёс Холлэнд Дарби. В его голосе было куда больше власти и притягательности, чем в голосе его сына.

Агент Стерлинг мельком взглянула на нас с Дином, когда мы остановились рядом с ней.

— Я приехала за Лией, — произнесла она. Её тон не терпел возражений. Она озвучивала факт.

— О, в этом я и не сомневался, — ответил Дарби. — Лия — очень особенная юная леди. Я могу спросить, кем вы ей приходитесь?

Холлэнд Дарби и агент Стерлинг стояли по разные стороны ворот. Они оба выглядели необычайно спокойными.

— Я её законный опекун, — агент Стерлинг ударила по самому уязвимому месту. — А она — не совершеннолетняя.

Если я что-то и знала о Холлэнде Дарби, так это то, что он старался не выходить за рамки закона. Слово «несовершеннолетний» было его криптонитом, и агент Стерлинг это прекрасно знала.

Ты не хочешь расставаться с таким призом, но если ей нет восемнадцати...

— Я совершеннолетняя вот уже три месяца, — к лидеру секты подошла Лия. Она была одета в простую белую сорочку и летящие белые штаны. На её ногах не было обуви, а её волосы были распущены.

— Лия, — Дин произнёс только её имя, но в этом слове прозвучало предупреждение.

— Мне жаль, — мягко сказала Дину Лия. — Я знаю, что это делает вам больно. Я знаю, что ты хочешь всё исправить, но ничего нельзя исправить, Дин. Не для кого-то вроде меня.

Виртуозные лжецы вплетали в обман правду. Лия могла произнести слова «кто-то вроде меня» и действительно иметь это в виду.

— Я верю, что всё можно исправить, — подхватил Холлэнд Дарби. — Для всех, Лия, даже для тебя.

Даже для тебя. Эти слова противоречили его ласковому тону. Он уже начал рушить её, начал убеждать её в том, что она незначима, что она недостойна, но он сможет в неё поверить, не смотря на её непростительные пороки.

На какой-то миг взгляд Лии встретился с моим. Ты знаешь, что делаешь, — подумала я. — Он — кукольник, которому нравятся поломанные игрушки, а ты знаешь, как сыграть роль разбитой, сломанной куклы.

Агент Стерлинг почти наверняка видела это также явно, как я. Но она не собиралась позволять одной из своих подопечных играть в эту игру.

— Лия, у тебя есть два варианта. Первый вариант: через пять секунд ты притащишь свою задницу сюда. Второй вариант? — агент Стерлинг сделала шаг вперед. — Он тебе совсем не понравится.

Лия слышала в её словах правду. Я ждала, что она продолжит дразнить агента Стерлинг, но, вместо этого, она отступила.

Ранимая. Сломанная. Слабая.

Холлэнд Дарби поднял руку.

— Мне придется попросить вас сменить тон, — он шагнул вперед, загораживая Лию от взгляда Стерлинг. — Это простое место, и мы живём по простым правилам. Уважение. Покой. Принятие.

Несколько секунд агент Стерлинг сверлила мужчину взглядом. Затем она потянулась к своему заднему карману — к своему значку. Дин перехватил её руку, прежде чем она успела его достать. Он посмотрел на Лию, нерешительно выглянувшую из-за спины Дарби. Каждое движение, каждый жест был пропитан фальшивой уязвимостью.

— Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь, — сказал Лие Дин. В его словах звучала злость, но ещё в них скрывалось послание. Он говорил ей, что раскусил её игру — что он знал, почему она там оказалась. Знал, что она искала вовсе не покой, а секреты Холлэнда Дарби.

Лия грустно улыбнулась и снова скрылась за спиной Дарби.

— Я тоже на это надеюсь.

ГЛАВА 40

Как только мы миновали стоящего в коридоре агента Старманса и зашли в наш номер, Майкл осмотрел наши лица.

— Вы говорили с Лией, — заключил он. — Где она?

— Она проникла на Ранчо Покоя, — слова Стерлинг были адресованы Джадду. Похоже, он был рад отсутствию Лии не больше нас.

— Лия проникла в секту, — повторил Майкл. Он удивленно взглянул на Дина. — И вы не притащили её домой, кричащей и пинающейся?

— Даже не начинай, Таунсенд, — на челюсти Дина дернулся мускул.

— Считай, что ты меня предупредил.

Джадд проигнорировал нарастающее между Майклом и Дином напряжение и сосредоточился на агенте Стерлинг.

— Лия в непосредственной опасности?

Ответ агента Стерлинг так же краток, как и вопрос Джадда.

— Не думаю, что Дарби смог бы так долго избегать проблем с законом, если бы он открыто вредил новичкам, прежде чем он полностью внушит им свои идеи.

Другими словами, пока Холлэнд Дарби считал, что Лия была заблудшей овечкой, нуждавшейся в руководстве, скорее всего, она была в безопасности.

Пока что.

— Она будет осторожна? — спросил Джадд у Дина.

— Осторожна? — удивленно переспросил Майкл. — Мы сейчас о Лие Чжан? С девушке, которая угрожает приклеить своего парня к потолку голым, когда она им недовольна?

— Лия знает правила этой игры, — сказал Джадду Дин. Затем он обернулся к Майклу. Его шея и плечи были напряжены не меньше его челюсти. — Так теперь ты её парень?

— Прошу прощения?

— Когда ты поехал в Нью-Йорк на поиски Селин, вы не встречались, — сказал Дин. — Как только дела стали плохи, ты оттолкнул Лию.

— Я запутался, Рэдинг, — произнёс Майкл, лениво шагая к Дину. — С каких пор мы с тобой обсуждаем наши чувства?

Оставив Лию на Ранчо Покоя, Дин потратил последние силы. Он сделал это, потому что

доверял ей. Именно так ему удалось пробить её стены — на каждую ложь Дин отвечал честностью. Сегодняшние события не прошли для него даром. Его терпение было на грани, и легкомысленный тон Майкла делал только хуже.

— Ты недостаточно хорош для неё, — негромко сказал Майклу Дин. — Если бы ты заботился о ком-то, кроме себя, Лия не пошла бы туда одна. Она сделала это не только ради нас, но и ради тебя.

— Дин, — резко произнесла я.

Майкл поднял руку.

— Дай мне высказаться, Колорадо. Как же здорово, что меня упрекает единственный из нас, кто буквально пытал человека.

— Майкл, — учитывая то, что Дин пытал именно её, когда он был ребенком и пытался спасти её от своего отца, агент Стерлинг не обрадовалась упоминанию об этом.

— Ты должен был понять, — сквозь сжатые зубы выдавил Дин. — Если Лия собиралась сбежать, если это дело было для неё слишком личным, если она хотела выбраться из собственной кожи и сопротивляться — ты должен был понять.

— Думаешь, я этого не знаю? — Майкл оказался лицом к лицу с Дином. — Думаешь, я хотел, чтобы она сбежала?

На какой-то миг мне показалось, что Дин успокоиться. Но затем он склонился и произнёс Майклу на ухо:

— Думаю, ты умеешь только принимать удары.

В один миг они стояли там, а уже в следующий они оказались на полу. Майкл замахнулся на Дина, а тот извернулся и прижал его к земле.

— Хватит, — прошептала Слоан. — Хватит. Хватит. Хватит!

Она молчала с тех самых пор, как мы вернулись. Но когда она закричала, парни замерли. Я ещё никогда не видела, чтобы Дин лез в драку с Майклом. Никогда не видела, как эти двое по-настоящему выходили из себя.

— Майкл не виноват, — голос Слоан был едва слышен. — Виновата я, — она пятилась, пока не врезалась в стену. — Я видела, как Лия уходила. Она попросила меня не рассказывать вам, — Слоан вдохнула. Она барабанила средним пальцем по большому — считала что-то снова и снова — и не могла взять себя в руки. — Мы только вернулись и переоделись. Она надела белое, а Лия носит белое только тринадцать процентов времени. Я должна была догадаться.

— Слоан, — ласково произнес Джадд. — Милая...

— Я предложила пойти с ней, — уже быстрее продолжила Слоан. — Она сказала «нет». Сказала... — Слоан опустила взгляд. — Она сказала, что я буду только мешать.

Ты знала, как больно это сделает Слоан, Лия. Знала. Я понимала, что Лия пыталась защитить самого уязвимого из нас, но Слоан этого не осознавала. Она не поймет это, даже если я попытаюсь рассказать ей о том, как смесь злости, страха и ужаса, которые Майкл увидел в Кейне Дарби, повлияла на Лию.

Через столько лет достаточно одного мига.

Дин ошибался. Дело было не в Майкле, не в том, что произошло в Нью-Йорке и не в нас. Дело было в призраках, с которыми встретилась Лия.

В этот момент зазвонил телефон агента Стерлинг. Пока я говорила Слоан о том, что она ни в чём не виновата, мой мозг осмысливал поведение моей наставницы. По позе Стерлинг — расправленным плечам и свободно повисшей вдоль тела руке — было не сложно

догадаться о том, кто ей звонил.

— Насколько я понимаю, ты получил мои сообщения о Гейтере, — Стерлинг не сказала, что Бриггс должен был перезвонить ей раньше. Она не спросила, почему он этого не сделал. — Лия ушла в самоволку, чтобы проникнуть в местную секту.

Агент Стерлинг включила громкую связь, ещё сильнее разделяя их с Бриггсом.

— Если глава секты что-то скрывает, Лия об этом узнает. Но если он поймет, что она ищет информацию — если кто-то из сектантов заподозрит, что она работает с ФБР — всё кончится плохо.

На миг на другой стороне провода повисла тишина.

— Я на громкой связи? — тон Бриггса напомнил мне о том, что он контролировал себя далеко не так хорошо, как его бывшая жена.

— Да.

Прежде чем продолжить, Бриггс осмыслил ответ агента Стерлинг — и её тон.

— Каковы шансы на то, что кто-то из этой секты связан с Владыками?

Я слышала в его словах логику. Мы приехали в Гейтер в поисках одной секты, а нашли другую. Эти люди были связаны как минимум с одним убийством — убийством Анны и Тодда Кайлов. Каковы шансы, что Кайлы были не единственными жертвами? Лия и так находилась в опасности, но если Владыки были как-то связаны с Ранчо Покоя, возможно, опасность была куда больше, чем мы предполагали.

— Сегодня начались убийства, — произнесла я. Поэтому он так долго не отвечал на звонки агента Стерлинг. — Не так ли?

— Второе апреля, — Слоан поёжилась. — 4/2.

Молчание Бриггса послужило ответом на мой вопрос. Наконец, он заговорил.

— Жертва — женщина, — коротко произнёс он. — Чуть старше двадцати. Её похитили из студенческого городка. Её нашли посреди поля, привязанной к шесту для пугала.

И сожжённой заживо, — сглотнув, добавила я.

— Мы не можем уехать из Гейтера, — сказал Бриггсу Дин. — Мы не можем уехать без Лии.

— Я этого не прошу, — агент Бриггс был из тех, кто следовал плану и никогда не отступал. — Продолжайте работать над делом в Гейтере, — сказал он. — Пусть Лия накопает что-нибудь на Дарби. А потом, Ронни?

Агент Стерлинг никак не отреагировала на своё прозвище или эмоции, которые появились в голосе Бриггса, когда он произнёс его.

— А потом вытащите её.

ГЛАВА 41

На следующее утро от Лии всё ещё не было новостей. Мы вернулись за наш столик в «Не-закусочной». Если Ри и заметила, что нас стало меньше, она не стала это комментировать.

— Что вам принести?

— Просто кофе, — едва слышно произнёс Дин. Он не спал и не собирался спать, пока Лия не выберется из этого места.

— Кофе, — повторила Ри, — и бекон. Кэсси?

— Кофе.

Ри даже не стала спрашивать, чего хотели Слоан и Майкл. Она серьезно посмотрела на нас.

— Я слышала, что ваша подруга попала под чары Холлэнда Дарби.

Я гадала о том, слышала ли она — от своего внука — ещё и о том, что мы работали с ФБР. Даже если вы всё знаете, вы не станете об этом говорить. Вы умеете хранить секреты. Вы знаете, как держать рот на замке.

— Лия вернется, — негромко, но уверенно произнёс Дин.

Ри взглянула на Дина.

— Когда моя дочь присоединилась к общине Дарби, я тоже так думала. Она сбежала из города, и я больше никогда и ничего о ней не слышала.

— Вы не удивились, когда ваша дочь уехала, — Майкл рисковал, но я не стала его останавливать.

— Её отец сбежал из Гейтера, когда я была беременна. Сара всегда больше походила на него, чем на меня — мечтательная и неутомная, всегда хотела чего-то большего.

— Холлэнд Дарби полон обещаний, — прокомментировал Дин, профилируя Ри. — Вы — нет.

Ри поджала губы.

— Что посеешь, то и пожнешь. Надеюсь, ваша подруга сможет выбраться, но пока что не позволяйте её решениям вас сломать. Жизнь полна утопающих, которые готовы утянуть вас за собой.

Дверь закуской открылась. Взглянув на вошедшего, Ри фыркнула и скрылась на кухне. Сидящий рядом со мной Дин накрыл мою ладонь своей.

В закусочную зашел Кейн Дарби.

Стоило его взгляду задержаться на нашем столе, я поняла, что вчера он не увидел меня в Аптекарском музее. Но теперь он меня узнал.

— Шокирован, — прошептал мне Майкл, методично изучая лицо и позу Кейна. — Как будто сейчас он либо улыбнется, либо его стошнит.

Глядя на мужчину, я внезапно вспомнила, как сидела у него на плечах, когда была маленькой. Если бы Майкл прочитал выражение моего лица, он наверняка сказал бы, что я тоже выглядела шокированной.

— Если захочешь завязать разговор, — прошептала мне Слоан, — скажи ему, что восемьдесят процентов американцев считают, что долгоносик похож на ласку, но на самом деле это насекомое.

— Спасибо, Слоан, — я сжала руку Дина и поднялась на ноги. Затем я пересекла комнату и остановилась перед Кейном Дарби.

— Ты похожа на мать, — глухо произнёс Кейн. Словно происходящее казалось ему сном, и если он заговорит слишком громко, то проснется.

Я покачала головой.

— Она была красивой, а я... — я попыталась подобрать подходящие слова. — Я могу слиться с фоном. А она этому так и не научилась.

Произнося эти слова, я осознала, что какая-то часть меня всегда верила, что, если бы у нас с мамой было больше общего; если бы она не так сильно любила представления и не привлекала бы всеобщее внимание, она могла бы всё ещё быть здесь.

— Женщины не должны сливаться с фоном ради безопасности, — судя по ответу Кейна, он читал меня почти также хорошо, как я читала его.

— Вы слышали о том, что случилось с моей мамой? — хрипло спросила я.

— Это маленький город.

Несколько секунд я изучала его, а затем ударила по больному.

— Почему моя мать от вас ушла? Мы были здесь счастливы. Она была счастлива. А потом мы уехали, без предупреждения, посреди ночи.

До тех пор, пока я не произнесла эти слова, я даже не осознавала, что помню о той ночи что-то, кроме того, как мы с мамой танцевали на обочине.

Кейн посмотрел на меня. На этот раз он действительно смотрел на меня, а не просто видел во мне черты моей матери.

— Лорелея имела полное право уехать, Кэсси. Полное право забрать тебя с собой.

— Что произошло? — я повторила вопрос в надежде на ответ.

— Этот город был неподходящим местом, как для твоей матери, так и для тебя. Я многое от неё скрывал. Я думал, что смогу оградить её от этого.

— Вашего отца в Гейтере недолюбливают, — вместо того, чтобы мысленно профилировать его, я заговорила вслух. — Вы ушли от него, но не уехали из города, — я вспомнила о том, как Кейн поднял меня на руки, когда мне приснился ночной кошмар. — Когда мы с мамой уехали, вы не поехали за нами.

Ты злился, когда она уехала? Ты следил за ней? Через много лет ты нашел способ сделать её своей?

Я не могла задать эти вопросы вслух, так что, вместо этого, я просила его о Лие.

Кейн мельком оглядел закусочную.

— Мы можем прогуляться?

Другими словами, он не хотел, чтобы кто-то услышал то, что он собирался сказать. Прекрасно понимая, что я получу за это нагоняй, я последовала за ним на улицу.

— Мой отец ценит определенные вещи, — Кейн заговорил только когда мы оказались в квартале от закусочной. — Верность. Честность. Покорность. Он не навредит твоей подруге. Не физически. Постепенно он будет становиться для неё всё более значимым, пока она не станет задаваться вопросом о том, кто она без него, и не станет делать всё, что он попросит. И каждый раз, когда она усомнится в себе или в нём, кто-нибудь нашепчет ей на ухо о том, как ей повезло, какая она особенная.

— Вам повезло? — спросила я у Кейна. — Вы были особенным?

— Я был любимым сыном, — ровно произнёс он. Кейн так хорошо контролировал свой голос, что я не слышала в нём ни капли горечи.

— Вы ушли, — сказала я. Он не ответил, так что я надавила. — Что произойдет, если Лия захочет уйти?

— Он не станет её останавливать, — ответил Кейн. — Сначала, нет.

От этих слов по моей спине пробежал холодок. Сначала, нет.

— Я бы хотел помочь, Кэсси. Я бы хотел, чтобы у меня было какое-то право удержать здесь твою мать или поехать за ней, когда она сбежала. Но я — сын своего отца. Я очень давно сделал свой выбор и принял цену, в которую этот выбор мне обошелся.

Прежде я думала о том, почему Кейн Дарби остался в Гейтере. Что, если он поступил так не из верности? Что, если таким было его наказание? Я подумала о Мэйсоне Кайле, друге детства Кейна Дарби.

Что за выбор ты сделал? За что ты раскаиваешься?

— Я никогда не переставал о вас думать, — Кейн остановился. — Знаю, я не твой отец. Для тебя я, наверное, просто какой-то парень, который однажды встречался с твоей мамой. Но, Кэсси? Ты никогда не была для меня просто каким-то ребенком.

Моя грудная клетка сжалась.

— Так что, пожалуйста, поверь мне — тебе нужно уехать из Гейтера. Здесь опасно. Опасно задавать вопросы. Твоя подруга на Ранчо будет в порядке, но ты не была бы, окажись ты на её месте. Понимаешь, что я пытаюсь сказать?

— Вы пытаетесь сказать, что ваш отец — опасный человек, — я сделала паузу. — И моя мать уехала из города не просто так.

Ты

Пятерка восхищается работой своих рук. По твоим конечностям стекает кровь. Пройдут часы, прежде чем вернутся остальные. Часы, прежде чем они спросят тебя, стоит ли умереть Кэсси и её друзьям.

Нет. Нет. Нет.

Это — ответ Лорелеи и всегда им будет. Но Лорелея недостаточно сильна, чтобы пережить это. Лорелеи здесь нет.

Сейчас здесь только ты.

ГЛАВА 42

Предупреждение и угрозу разделяла тонкая черта. Я хотела верить в то, что, когда Кейн Дарби сказал мне уехать из города, он предостерегал меня, а не угрожал мне. Но если время, проведенное с ФБР, чему-то меня научило, так это тому, что жестокость не всегда бурлила прямоком под поверхностью.

Иногда серийные убийцы цитировали тебе Шекспира. Иногда самыми опасными оказывались те, кому ты доверял.

Неконфликтное поведение Кейна Дарби было не более естественным, чем привычка Майкла напрашиваться на неприятности. Такое спокойствие могло появиться лишь двумя способами: либо он рос там, где эмоции считали неподобающими — и наказывали за каждый их выплеск — либо только спокойствием он мог контролировать окружающую обстановку, где он всегда опасался взрывных эмоций кого-то другого.

Пока я обдумывала это, меня догнал Дин.

— Я дал вселенной обещание, — сказал он, — если Лия выберется оттуда целой и невредимой, я сорок восемь часов не буду мрачно о чём-то размышлять. Я куплю цветную футболку. Я спою в караоке и разрешу Таунсенду выбрать песню, — он краем глаза взглянул на меня. — Что-то узнала от сына Дарби?

Ответ на вопрос Дина застрял у меня в горле. Мы шагали по Главной улице, мимо викторианских витрин и исторических памятков, пока перед нами не показались железные ворота аптекарского сада.

— Кейн сказал, что он был любимым сыном, — наконец, произнесла я. — Он винит себя за это. Думаю, он остается в Гейтере в качестве наказания за, цитирую, «выбор», который он сделал «очень давно».

— Ты говоришь о нём, — заметил Дин. — Не с ним.

— Я говорю с тобой.

— Или, — мягко возразил Дин, когда мы остановились у ворот, — ты боишься забраться слишком глубоко.

За всё время нашего знакомства Дин никогда не заставлял меня забираться в чужие головы глубже, чем я хотела. Он мог усмирить своё желание защитить меня, мог профилировать вместе со мной или не мешать мне — не более. Но сейчас Дин беспокоился не о моей безопасности.

— В твоём старом доме ты почти что-то вспомнила. Что-то, что часть тебя отчаянно хочет забыть. Я тебя знаю, Кэсси. И я не могу перестать думать о том, что ты забыла целый год своей жизни, не потому что ты была маленькой и не из-за какой-то травмы. Только с момента нашей встречи ты пережила множество травм, но никогда ничего не забывала.

— Я была ребенком, — возразила я, ощущая себя так, словно он меня ударил. — Мы с мамой уехали посреди ночи. Мы никому не сказали. Не попрощались. Что-то произошло, и мы просто уехали.

— И после этого... — Дин взял меня за руку, — были только ты и твоя мать. Она — это всё, что у тебя было. Ты была для неё всем, и она хотела, чтобы ты забыла. Хотела, чтобы ты танцевала.

— Что ты пытаешься сказать? — спросила я у Дина.

— Я пытаюсь сказать, что ты забыла о своей жизни в Гейтере ради неё. Не думаю, что твой мозг пытался защитить тебя. Думаю, он пытался защитить единственные отношения, которые у тебя остались, — Дин дал мне осмыслить свои слова и продолжил. — Думаю, ты не позволяла себе помнить свою жизнь здесь, потому что тогда ты бы злилась на неё за то, что она отняла её у тебя, — он сделал паузу. — Ты бы злилась, — продолжил он, — потому что из-за неё у тебя больше никогда не будет чего-то такого. Она сделала тебя центром своей жизни, а себя — центром твоей. А учитывая то, что мы знаем сейчас — о Владыках и о Пифии — думаю, теперь ты боишься того, что ты можешь вспомнить о Гейтере, даже больше, чем когда ты была ребенком.

— И поэтому я говорю о Кейне Дарби в третьем лице? — резко спросила я. Я миновала железные ворота и зашагала по каменной тропинке аптекарского сада. Дин последовал за мной. — Потому что, приблизившись к нему, я приближусь к своей матери? И тогда я могу вспомнить что-то, чего я не хочу знать?

Дин молча шагал за мной.

Ты ошибаешься. Я делала всё, чтобы увидеть свою мать глазами профайлера, а не ребенка. Она была мошенницей. Она сделала так, чтобы я могла положиться только на неё.

Она любила меня больше всех на свете.

На веки вечные. Несмотря ни на что.

— Может я и забыла Гейтер ради неё, — негромко произнесла я, позволяя Дину догнать меня. — Даже когда я была ребенком, я умела хорошо читать людей. Я знала, что она не захочет о нём говорить. Она должна была поверить, что всё это — неважно, что нам не нужны были больше никто и ничто.

Моя мама позволила себе любить Кейна Дарби. Она впустила его — не только в свою жизнь, но и в мою. Судя по остатку моего детства, она усвоила урок.

Что произошло? Почему ты его бросила? Почему ты уехала из Гейтера?

Я замерла перед олеандром. Его красновато-розовые соцветия выглядели обманчиво яркими для ядовитого растения.

— Кейн сказал, что Лия будет в безопасности, — прямо сказала Дину я. — Пока что, — я хотела остановиться на этом, но не смогла. — А ещё он сказал, что я не была бы в безопасности на её месте.

— Дарби не знает Лию, — Дин посмотрел мне в глаза, не позволяя мне отвести взгляд. — Если там ты была бы в опасности, значит, в опасности и она, — этими словами Дин просил меня перестать отступать, просил меня вспомнить. А я могла думать лишь о том, что ему не должно было приходиться просить.

У меня пересохло во рту. Я сглотнула. Затем я начала профилировать Кейна — на этот раз, правильно.

— Однажды моя мать сказала тебе, что она тебя не заслуживает, но она не знала твоих секретов, не знала, какой выбор ты сделал, — когда я произносила эти слова вслух, они становились реальными. Я не сводила взгляда с Дина, позволяя его карим глазам успокоить меня, даже когда я чувствовала, как вся моя жизнь — всё, что я знала о мире — рушится у меня перед глазами. — Ты сказал, что не заслуживаешь её, не заслуживаешь нас. Но ты этого хотел — хотел иметь семью. У тебя хорошо получалось о нас заботиться, — мне было больно говорить об этом, и я понятия не имела о том, почему. — В твоём прошлом должен найтись осколок этого желания, зернышко того, что значит быть семьей. Если забыть о верности, честности, покорности и других громких словах, которыми наполнилось твоё детство, ты заботился о людях. И из-за этого ты совершал ужасные поступки.

Кейн Дарби наказывал себя десятилетиями. Возможно, когда он встретил мою мать, он позволил себе поверить, что этого было достаточно. Что он может быть с ней. Может получить семью.

Но твоя семья никогда тебя не отпустит.

Я подумала о том, как Кейн пытался поговорить с Шэйном, стараясь смягчить вред, причиненный его собственным отцом. А затем я подумала о Дине, который стоял в саду рядом со мной. Его светлые волосы спадали на лицо. Дин был для меня тем, кем Кейн был для моей матери. Как и Кейн, Дин много лет строго контролировал свои эмоции. Он годами верил, что внутри него живёт что-то темное и извращенное. Он верил, что, если он не будет осторожен, однажды он станет своим отцом.

Все мы по-своему возвращали себе отнятый жизнью контроль. Слоан — числами. Лия — скрывая настоящую себя под слоями лжи. Майкл намеренно провоцировал гнев, а не ждал, пока кто-то сорвется. Дин, как мог, контролировал свои эмоции.

А я использовала свои знания о людях, как оправдание того, чтобы не позволять им узнать себя.

Стать частью программы «Естественных», означало отдать часть этого контроля.

Столько лет ты была для меня всем. Теперь я говорила не с Кейном. Я говорила со своей матерью. Ты не позволяла мне видеться с семьей моего отца. Ты сделала меня центром своего мира, а себя — центром моего.

Я обвила шею Дина руками и почувствовала его размеренный пульс. Он провёл кончиками пальцев по моей челюсти. Я прижала свои губы к его губам и позволила им раскрыться. Я ощутила его на вкус. Я хотела и чувствовала его. И я вспомнила:

Мама целует Кейна...

Первый день в школе...

Я разукрашиваю в закусочной Ри...

Мэлоди в саду.

— Что такое, трусишка? — на голове Мэлоди красуются хвостики. Её коленки в ссадинах, а руки упираются в бока. — Это просто сад ядов! — она опускается на корточки у одного из растений. — Если не зайдешь, я съем это листик. Я съем его прямо сейчас и умру!

— Нет, не съешь, — говорю я и делаю шаг в её сторону. Она срывает лист с куста и открывает рот.

— Прекратите валять там дурака!

Я оборачиваюсь. За нами стоит старик. Он выглядит сердитым и грубым, и на нём

рубашка с длинным рукавом, хоть сейчас и лето. На его коже змеятся неровные белые и уродливые розовые линии.

Шрамы.

— Сколько вам лет? — настойчиво спрашивает мужчина. Я осознаю, что он носит длинные рукава, потому что эти шрамы — не единственные.

— Мне семь, — отвечает Мэлоди, останавливаясь рядом со мной. — Но Кэсси только шесть.

Воспоминание переменяется, и внезапно я бегу домой. Я бегу...

Ночь. Я в постели. Я слышу тяжелый удар. Приглушенные голоса.

Что-то не так. Я знаю это, и я думаю о старике в саду. Он разозлился на нас с Мэлоди. Возможно, он здесь. Возможно, он зол. Возможно, он съест меня прямо сейчас.

Ещё один удар. Крик.

Мамочка?

Теперь я на верхней ступеньке лестницы. Внизу что-то есть.

Что-то большее.

Что-то тяжелое.

Внезапно на лестнице оказывается моя мать. Она опускается передо мной на колени.

— Возвращайся в кровать, малышка, — на её руках кровь.

— Приходил старик? — спрашиваю я. — Он тебя ранил?

Мама целует меня в лоб.

— Это просто сон.

Я вернулась в настоящее, всё ещё прижимаясь к Дину. Моя голова покоилась у него на плече, а его руки ласково перебирали мои волосы.

— На руках моей матери была кровь, — прошептала я. — В ночь, когда мы уехали из Гейтера, я что-то слышала. Возможно, драку? Я была на втором этаже, и видела что-то у подножья лестницы, — я сглотнула. У меня так сильно пересохло во рту, что я не могла говорить. — На её руках была кровь, Дин, — выдавила я, не позволяя себя остановить. — А потом мы уехали.

Я подумала об остатке воспоминания.

— Есть что-то ещё? — спросил Дин.

Я кивнула.

— В тот день, когда мы уехали, — отстраняясь от него, сказала я, — я почти уверена, что я встретила Малкольма Лоуелла.

ГЛАВА 43

Дед Найтшэйда всё ещё жил в доме на холме, откуда открывался вид на Ранчо Покоя.

Малкольму Лоуеллу было под девяносто. Он был прикован к инвалидному креслу и — как сообщила агентам Стерлинг и Стармансу присматривавшая за ним медсестра — он не принимал гостей.

Агент Стерлинг не принимала отказа.

В отеле мы с Дином и Слоан наблюдали за прямой трансляцией с камеры Стерлинг. Мы прекрасно знали, как сильно она рисковала, показывая свой значок. Если пойдут слухи о том, что Стерлинг — агент ФБР, Холлэнд Дарби может посчитать Лию угрозой.

Пока медсестра неохотно впускала Стерлинг и Старманса в огромный дом, я снова окунулась в воспоминания. Лестница. Что-то у её подножья.

Когда мне было шесть, мне казалось, что страшный старик, который накричал на нас с

Мэлоди, и произошедшее той ночью были связаны. Но теперь я понимала, что два травматических случая могли не зависеть друг от друга. Мой мозг мог связать их только потому, что они произошли в один день.

Старик напугал меня. И в ту же ночь что-то произошло — что-то, что кончилось кровью.

— Мистер Лоуелл, — агент Стерлинг села напротив мужчины, выглядевшего не старше, чем с десятков лет назад. Как и тогда, на нём была рубашка с длинным рукавом.

Шрамы всё равно были видны.

Когда я была маленькой, его шрамы меня напугали. Теперь они рассказали мне о том, что на протяжении тридцати трёх лет Малкольм Лоуелл просыпался с видимым напоминанием о нападении, стоившем жизни его дочери и зятю.

— Специальный агент Стерлинг из ФБР, — поза агента Стерлинг подражала позе старика — прямая и неуступчивая, не смотря на его возраст. — Это агент Старманс. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Несколько секунд Малкольм Лоуелл молчал, а затем произнёс:

— Нет, — сказал он, — не думаю, что вам это нужно.

Она хочет задать вам несколько вопросов, — подумала я. — Есть разница.

— У нас есть основания полагать, что убийство вашей семьи может быть связано с текущим расследованием серийных убийств, — агент Стерлинг не лгала, но и не раскрывала подробностей. — Мне нужно узнать то, что вы знаете о первых убийствах.

Правая рука Лоуелла опустилась на его левый рукав. Кончики его пальцев коснулись шрама.

— Я рассказал полиции всё, что знал, — проворчал он. — Больше рассказывать нечего.

— Ваш внук мертв, — агент Стерлинг не попыталась смягчить эти слова. — Его убили. И мы бы очень хотели найти убийцу.

Я мельком взглянула на Майкла.

— Скорбь, — произнёс он. — И больше ничего.

Малкольм Лоуелл отказался от своего внука, когда мальчику было всего девять, но больше чем тридцатью годами позже, он скорбел о его смерти.

— Если вы что-то знаете, — произнесла агент Стерлинг, — что-то угодно, что могло бы помочь нам найти того, кто на вас напал...

— Меня били ножом множество раз, агент, — непреклонный взгляд Лоуелла встретился со взглядом агента Стерлинг. — По рукам, ногам, животу и груди.

— Вам внук видел нападение? — спросила агент Стерлинг.

Ответа не последовало.

— Он принимал в нём участие?

Всё ещё никакого ответа.

— Он закрывается, — по аудиосвязи сказал агенту Стерлинг Майкл. — Какие бы эмоции не вызвали в нём ваши слова лет двадцать назад, теперь он не позволяет себе чувствовать.

— Звучит знакомо? — спросил у меня Дин.

Я подумала о Найтшэиде, упрямо молчавшем в ответ на вопросы ФБР, как сейчас молчал его дед. Он узнал о силе молчания из первых рук.

— Спросите его о моей матери, — сказала я.

Агент Стерлинг сделала кое-что получше. Она достала снимок — я даже не знала, что

он был у ФБР. На фото моя мать стояла на сцене, её глаза были густо подведены черной подводкой, а её лицо пылало эмоциями.

— Вы узнаете эту женщину?

— Зрение уже не то, — Малкольм Лоуелл едва взглянул на фотографию.

— Её звали Лорелея Хоббс, — агент Стерлинг позволила этим словам повиснуть в воздухе, используя тишину, словно оружие.

— Я её помню, — наконец, сказал Лоуелл. — Её дочь дружила с хулиганами Ри Симонс. От них было много проблем.

— От вашего внука тоже были проблемы? — мягко спросила агент Стерлинг. — А до него, от вашей дочери?

Наконец-то он отреагировал. Лоуелл несколько раз сжал и разжал кулаки.

— Он сердится, — сказал Стерлинг Майкл. — Злость, отвращение.

— Мистер Лоуелл? — направила агент Стерлинг.

— Я пытался научить мою Анну. Пытался удержать её дома. В безопасности. И как всё для неё кончилось? Она постоянно сбегала из дома и забеременела в шестнадцать, — его голос дрожал. — А этот мальчик. Её сын. Он прорезал дыру в заборе и добрался до забытой богом общины, — Лоуелл закрыл глаза. Он опустил голову так низко, что я не могла различить черты его лица. — Тогда стали появляться животные.

— Животные? — склонив голову на бок, переспросила Слоан. Она явно этого не ожидала. Как и я. Вот только, стоило Малкольму Лоуеллу произнести слово «животные», я знала, что он имел в виду их трупы.

— Не чистые убийства, — Лоуелл снова взглянул в камеру с тяжелым блеском в глазах. — Эти животные умирали медленно, в мучениях.

— Вы решили, что это дело рук Мэйсона? — агент Старманс заговорил впервые за весь разговор.

Последовала долгая пауза.

— Думаю, он наблюдал.

Ты

Ты была прикована к стене на протяжении часов. Часами ты истекала кровью.

Но в действительности, ты была скованна и изранена годами. До этого места. До хаоса и порядка.

До ножей, яда и пламени.

Когда Лорелея была ребенком, это ты лежала в её постели.

Ты переживала то, что она не могла пережить.

Делала то, на что она была неспособна.

Проходят секунды и минуты, и ты чувствуешь, что она готова выбраться из укрытия. Готова появиться.

Не на этот раз. На этот раз ты никуда не уйдешь. На этот раз ты останешься.

Наступает ночь. Возвращаются Владыки. Они даже не догадываются о том, кто ты такая. Что ты такое.

Они привыкли к спектаклям Лорелеи.

Пусть увидят твои.

ГЛАВА 44

Когда время перевалило за полночь, я знала, что её один день прошел без ответов. Четвертое апреля. Где-то там агент Бриггс ждал появления следующей жертвы Владык —

привязанной к шесту для чучел и сожженной заживо.

Я не могла уснуть, так что я сидела на нашей кухоньке, глядя в ночь и размышляя о Мэйсоне Кайле и Кейне Дарби, о мертвых животных и чем-то массивном и тяжелом у подножья лестницы.

Это было тело. Когда мне было шесть, я этого не понимала, но теперь мне хватило даже части воспоминания. Я старалась забыть об этом, старалась не вспоминать с тех самых пор, как мы приехали в город.

— Не обижайся, но у тебя инстинкты выживания планктона.

Я подпрыгнула и соскользнула со стола. Из тени вышла Лия.

— Расслабься, — сказала она. — Я пришла с миром, — она ухмыльнулась. — В основном.

На Лие была белая униформа, которую носили все люди Холлэнда Дарби, а не белая рубаша, в которой я видела её в последний раз. С момента нашего знакомства, она ещё никогда не позволяла кому-то другому контролировать свою одежду.

Она ещё никогда не выглядела такой пустой.

— Как ты прошла мимо агента Старманса? — спросила у неё я.

— Так же, как выбралась из Ранчо Покоя. Красться куда-то тайком — это ещё одна форма лжи, и, видит Бог, моё тело талантливо во вранье даже больше, чем мой рот.

Что-то в словах Лии заставило меня заволноваться.

— Что произошло?

— Я забралась туда, а потом я выбралась, — Лия пожала плечами. — Холлэнд Дарби очень много обещает. Что он никогда меня не обидит. Что он меня понимает. Что Ранчо Покоя нечего скрывать. Всё это — враньё. Конечно, самую интересную ложь я слышала не от Дарби. А от его жены.

Я попыталась вспомнить то, что говорилось о миссис Дарби в документах полиции, но она была всего лишь сноской, декорацией в Шоу Холлэнда Дарби.

— Она сказала, что они никак не причастны к тому, что случилось с «той бедной семьей» много лет назад, — Лия дала мне несколько секунд на то, чтобы осознать, что она видела в этих словах ложь. — А ещё она сказала, что любила своего сына.

— Это не так? — я подумала о Кейне, которого знала моя мать. А затем — о теле у подножья лестницы и крови на её руках.

Я слышала удар. Кейн был там? Он что-то натворил? Или это была моя мать?

Опасно задавать вопросы, — предостережение Кейна эхом отдалось в моей голове. — Твоя подруга на Ранчо будет в порядке, но ты не была бы, окажись ты на её месте.

— Агент Стерлинг говорила с Малкольмом Лоуеллом, — пытаюсь разобраться с мыслями, скопившимися в моей голове, я рассказала Лие всё, что знала. — Ещё до убийства родителей Найтшэйда, кому-то на Ранчо Покоя нравилось убивать животных.

— Звучит жизнерадостно, — ответила Лия. Она достала из мини-бара банку «Доктора Пеппера» за четыре доллара. Пока она это делала, мой взгляд замер на её запястье. На её коже виднелись воспаленные красные линии.

— Ты себя поранила? — у меня пересохло во рту.

— Конечно же, нет, — Лия взглянула на своё запястье и соврала мне прямо в лицо. — Эти линии появились по волшебству, а не потому, что я пыталась убедить Дарби в истории о том, какой опустошенной я себя чувствую.

— Причинять себе боль — это не то же самое, что надеть костюм, Лия.

Я ждала, что она отмахнется от моих слов, но вместо этого она посмотрела мне в глаза.

— Мне не было больно, — негромко сказала мне она. — Не по-настоящему. Это ничего не значило.

— Ты не в порядке, — прошептала я. — Ты не была в порядке до того, как пошла туда, и ты точно не в порядке сейчас.

— Я забыла, каково это, — без каких-либо эмоций в голосе произнесла Лия, — в один момент быть особенной, а в другой — быть ничем.

Я вспомнила о том, что Дин рассказал мне о детстве Лии. Когда ты радовала его, тебя поощряли. А когда ты огорчала его, он опускал тебя в яму в земле.

— Лия...

— Мужчина, с которым я выросла? Он контролировал всё и всех в моей жизни. Он никогда нас не бил, — Лия отпила газировку. — Но иногда ты просыпался, и все вокруг знали, что ты — недостоин... Отвратителен. Никто с тобой не говорил. Никто на тебя не смотрел. Словно тебя и не существовало.

Я слышала смысл, похороненный в этих словах. Твоя собственная мать смотрела сквозь тебя.

— Если ты чего-то хотел — еды, воды или место для сна — ты должен был идти к нему. А когда ты был готов к тому, чтобы тебя простили, ты должен был сделать это собственными руками.

Моё сердце подпрыгнуло и застряло у меня в горле.

— Сделать что?

Лия опустила взгляд на свои покрасневшие запястья.

— Покаяться.

— Кэсси?

Я обернулась и увидела в нескольких шагах от нас Слоан.

— Лия. Ты вернулась, — Слоан сглотнула. Даже в полутьме я заметила, как она начала барабанить пальцами по большим пальцам. — Наверное, вы хотите поговорить. Без меня, — она повернулась.

— Подожди, — сказала Лия.

Слоан замерла на месте, но не повернулась к нам.

— Вот, чем ты занималась. Ты говорила с Кэсси. Потому что с Кэсси легко разговаривать. Она понимает, а я — нет, — дыхание застряло в горле Слоан. — Я просто говорю о глупой статистике. Я мешаю.

— Это не правда, — Лия подошла к Слоан. — Знаю, Слоан, я так сказала, но я соврала.

— Нет. Не соврала. Если бы тебя застукали Кэсси, Дин или Майкл, ты бы этого не сказала. Ты бы не имела это в виду, потому что Кэсси, Дин и Майкл могли бы пойти с тобой, могли бы лгать, хранить секреты и не говорили бы неподходящие слова в неподходящие моменты.

Слоан обернулась к нам.

— А я не могу. Я бы тебе мешала.

Слоан отличалась от всех нас. Мне было легко забыть об этом — но Слоан всегда помнила.

— И? — парировала Лия.

Слоан несколько раз моргнула.

— Ты не умеешь врать, Слоан. Это не значит, что ты не важна, — несколько секунд Лия

глядела на Слоан, а затем она приняла решение. — Сейчас я тебе кое-что расскажу, — произнесла она. — Тебе, Слоан. Не Кэсси. Не Майклу. Не Дину. Слышала о судах над ведьмами в Салеме?

— Двадцать человек казнили в промежутке между 1692 и 1693 годами, — ответила Слоан. — Ещё семеро умерло в тюрьме, включая как минимум одного ребенка.

— Те девочки, из-за обвинений которых всё началось? — Лия шагнула к Слоан. — Это я. Секта в которой я выросла... Лидер уверял нас в том, что у него были видения. Со временем я стала играть в его игру. У меня тоже стали появляться «видения». Я сказала всем, что мои видения показали, что он был прав и справедлив, что Бог хотел, чтобы мы ему подчинялись. Я укрепила своё положение, укрепив его. Он поверил мне. И однажды ночью он пришел в мою комнату... — голос Лии дрожал. — Он сказал, что я особенная. Он сел на мою постель, а когда она наклонился ко мне, я начала кричать и отбиваться. Я не могла позволить ему прикоснуться к себе, так что я солгала. Я сказала, что у меня было видение о том, что среди нас есть предатель, — она закрыла глаза. — Сказала, что предатель должен умереть.

Когда мне было девять, я убила человека, — несколько месяцев назад сказала нам Лия.

— Если бы я могла выбирать между тем, чтобы быть такой, как ты или такой, как я, — не сводя глаз со Слоан, продолжила Лия, — я бы хотела быть такой, как ты, — Лия перебросила волосы через плечо. — Кстати, — сказала она, отбрасывая напряжение, как змея сбрасывает кожу, — если бы ты была такой, как Кэсси, Майкл, Дин или я, ты бы ничего не смогла сделать вот с этим.

Лия потянулась к заднему карману и достала из него несколько сложенных листов бумаги. Я хотела рассмотреть их, но история Лии парализовала меня.

— Карта? — листая страницы, спросила Слоан.

— План, — поправила Лия. — Всей общины — дома, амбаров, территории. Вычерченный в масштабе.

Слоан сжала Лию в самых крепких объятиях на свете.

— Вычерченный в масштабе, — Слоан прошептала эти слова достаточно громко, чтобы я смогла расслышать их, — три моих любимых слова.

ГЛАВА 45

На следующее утро, к тому времени, как проснулись остальные, Слоан составила полный чертеж общины Ранчо Покоя.

Агент Стерлинг налила себе чашку кофе и обернулась к Лие.

— Ещё раз провернешь что-то подобное, и ты вылетаешь. Из программы. Из дома.

Не угроза. Не предупреждение. Обещание.

Лия и глазом не повела, но затем Джадд прочистил горло, и она обернулась к нему, буквально вздрогнув.

— Я могу сделать так, чтобы вас не использовало ФБР, — негромко сказал Лие Джадд. — Но я не могу сделать так, чтобы вы себя ценили, — не считая Дина, Джадд был единственной константой в жизни Лии с тех пор, как ей было тринадцать. — Я не могу заставить тебя не рисковать собственной жизнью. Но, Лия, ты не видела меня после смерти моей дочери. Если с тобой что-то случится? И я снова пройду через это? Я не уверен, что смогу вернуться.

У Лии куда лучше получалось реагировать на гнев, чем на любовь. Джадд об этом знал, а ещё он знал, что она услышит правду в каждом его слове.

— Ладно, — Лия подняла руки и сделала шаг назад. — Я плохая девочка. Понятно. Теперь мы можем сосредоточиться на том, что узнала Слоан?

В дверном проёме появился Дин. Он заметил Лию.

— Ты в порядке.

— Более или менее, — легкомысленно ответила Лия, но затем она шагнула к нему. — Дин...

— Нет, — отрезал Дин.

Нет, ты не хочешь это слышать? Нет, она не имеет права так с тобой поступать?

Дин не стал уточнять.

— Слава Богу, ты дома, Лия, — в комнату вошел Майкл. — Когда ты исчезаешь, Дин всё время говорит о чувствах.

— Сейчас неподходящее время, чтобы сказать «Ага!»? — вмешалась сидящая на полу Слоан. — Потому что... ага!

Если бы Слоан была хоть немного способна на хитрость, я бы решила, что она специально пришла на помощь Лие.

— Что ты нашла? — спросила я. Дин одарил меня взглядом, показывавшим, что он прекрасно знал, что я помогала Лие спастись.

— Я начала с рисунков Лии и сравнила их со спутниковыми снимками Ранчо Покоя, — Слоан поднялась на ноги и обошла кругом лежащий на полу чертеж. — Всё сходится, кроме... — Слоан опустилась на колени и указала на небольшое здание на своём чертеже. — Внутри это здание примерно на семь целых шесть десятых процента меньше, чем должно быть.

— Это часовня, — Лия перебросила свой хвостик через плечо. — Она не связана с какой-то определенной религией, но это понятно по виду.

В моей голове прозвучал монотонный голос Мэлоди: В покое я нашла равновесие. В покое я нашла мир.

Я обернулась к Слоан.

— Здание меньше внутри, чем должно быть? Что это значит?

— Либо стены аномально толстые... — Слоан прикусила нижнюю губу, а потом отпустила её. — Либо там есть тайная комната.

Мне не пришлось слишком глубоко погружаться в личность Холлэнда Дарби, чтобы понять, что он умел хорошо скрывать свои секреты. Это — твой покой. Твой мир.

— К сожалению, — произнесла агент Стерлинг, — это не дает мне правдоподобных причин для обыска.

— Нет, — Лия опустила руку в карман. — А это даёт.

Она достала из кармана небольшую стеклянную пробирку. Внутри находилась молочно-белая жидкость.

— Не уверена, что это, — сказала она, — но Дарби постоянно даёт это своим людям.

— Он даём им наркотики, — каменное лицо Дина не смягчилось.

Агент Стерлинг взяла у Лии пробирку.

— Я отправлю это в лабораторию. Если это — психотропный препарат, я смогу получить ордер на обыск территории.

Слоан уставилась на сосуд.

— Думаю, это может быть какой-то опиат.

Твоя мать умерла от передозировки. Я инстинктивно принялась профилировать Слоан,

но какая-то часть меня профилировала кого-то другого — что-то другое. Найтшэйда и того, кто его завербовал.

Черта между лекарством и ядом довольно тонка.

ГЛАВА 46

Через двадцать четыре часа агент Стерлинг получила ордер, а ещё через час ФБР зачистило Ранчо Покоя — и, что важнее, задержало его владельца. К тому времени, как Холлэнда Дарби и его последователей изолировали, а нам наконец позволили прийти на ранчо, я чувствовала, что у нас кончается время.

Сегодня пятое апреля. Напоминание гудело в моих венах, когда мы подошли к часовне. Ещё одна дата Фибоначчи. Ещё один труп.

Бриггс не звонил. Он не просил о помощи. Я вытолкнула эту мысль из своей головы и толкнула дверь часовни.

— Здесь нет религиозной иконографии, — прокомментировал Дин.

Он был прав. Здесь не было распятий или статуй — ничего, связанного с какой-либо официальной религией — и всё же комната явно была создана для того, чтобы вызывать в памяти религиозные места. В ней были скамьи и алтари. На полу красовалась мозаика. Свет попадал в комнату через витражные окна.

— Мы ищем фальшивую стену, — сказала Слоан, обходя комнату по периметру. Она остановилась перед деревянным алтарём в задней части комнаты и принялась ловко ощупывать его в поисках какого-то пускового устройства. — Нашла! — радость Слоан подчеркнул треск дерева, а за ним последовал скрип ржавых петель. Алтарь ушел в сторону, открывая скрытую комнату. Я шагнула вперед, но меня опередила агент Стерлинг. Она опустила правую руку на оружие.

— Оставайтесь здесь, — сказала она и шагнула в комнату.

— Узкий проход, — глядя в темноту, сообщила Слоан. — Судя по моим подсчётам, он почти наверняка тянется по всей длине часовни.

Я принялась ждать. Единственным звуком в комнате был спокойный ритм шагов агента Стерлинг. Дин замер по одну сторону от меня, Майкл с Лией — по другую. По возвращению, агент Стерлинг вернула оружие в кобуру и вызвала подмогу.

— Что вы нашли? — спросил у неё Дин.

Если бы этот вопрос задал кто-то другой, возможно, агент Стерлинг промолчала бы, но учитывая связывавшее их прошлое, она не могла игнорировать Дина.

— Лестницу.

Лестница вела в подвал. Не подвал, — поправила себя я, когда комнату посчитали достаточно безопасной, и мы зашли в неё. — Клетку.

Стены были толстыми. Звуконепроницаемыми. На стене висели кандалы. В кандалы было заковано разложившееся тело.

Ещё одно тело лежало на полу.

В комнате пахло гнилью и смертью — но запах не казался недавним.

— Судя по уровню разложения, учитывая температуру и влажность комнаты... — Слоан замолчала на несколько секунд, проводя вычисления. — Думаю, наши жертвы были мертвы где-то от девяти до одиннадцати лет.

Десять лет назад мы с мамой уехали из Гейтера.

Десять лет назад я видела у подножья ступенек тело.

— Кто они? — я озвучила вопрос, которым задавались мы все. Кого Холлэнд Дарби

сковал в этой часовне? Чьи тела бросили здесь гнить?

— Жертва номер один — мужчина, — Слоан шагнула к телу, всё ещё прикованному к стене. На нём почти не осталось плоти.

Кости, разложение и гниль. К моему горлу подступила тошнота. Дин опустил руку на тыльную сторону моей шеи. Я подалась навстречу его прикосновению и заставила себя сосредоточиться на словах Слоан.

— Глубина и толщина тазовой кости, — пробормотала Слоан. — Узкая полость таза... определенно мужчина. Судя по лицевым костям — белый. Думаю, рост примерно пять футов одиннадцать дюймов. Не подросток и не пожилой, — Слоан изучала тело ещё тридцать или сорок секунд. — Его заковали после смерти, — добавила она. — А не до.

Ты зачем-то построил эту комнату. Для кого-то. Я обдумала размер комнаты. Даже после смерти ты приковал этого мужчину к стене.

— Что насчёт второй жертвы? — спросила агент Стерлинг. Я знала её достаточно хорошо, чтобы понимать — у неё уже появились собственные теории и толкования этой сцены, но она хотела услышать наше мнение, не давая нам подсказок.

— Женщина, — ответила Слоан. — Возраст примерно от восемнадцати до тридцати пяти. Нет видимых признаков причины смерти.

— А мужчина? — спросила агент Стерлинг. — Как он умер?

— Травма от удара тупым предметом, — Слоан обернулась к агенту Стерлинг. — Теперь мне нужно подняться наверх, — сказала она. — Мне нужно уйти отсюда.

Слоан видела множество тел, множество мест преступлений, но после смерти Аарона, жертвы были для неё не просто числами. Я приобняла её, и мы поднялись по лестнице. Мы прошли мимо Лии, прижимавшейся спиной к телу Майкла.

Когда мы со Слоан направлялись на свежий воздух, я слышала рваный шепот Лии.

— Он бросил их в яму.

Ты

Без порядка появится хаос. Без порядка появится боль.

Это песенка Лорелеи, а не твоя. Ты и есть хаос. Ты и есть порядок.

Перед тобой стоит Пятёрка. Он точит свой нож. Здесь только ты и он. Вчера была очередь Двойки. На твоей груди и бедрах — дюжина ожогов. И всё же ты не дала им ответ, который они хотели слышать. Ты не скажешь им устранить проблему. Не скажешь сделать всё, что угодно, чтобы избавить Гейтер от ФБР.

Слишком рано.

Пятёрка делает шаг вперед. Его клинок и его глаза сияют. Ближе. Ближе. Острие ножа прижимается к твоей щеке.

Без порядка появится хаос. Без порядка появится боль.

Ты улыбаешься.

Они бросили тебя в этой комнате на целый день. Они думали, что ты — Лорелея. Они оставили тебя одну. Позволили свободно бродить по комнате в твоих кандалах. Они считали, что угроза наказания — тебя, Лорел — удержит тебя в узде.

Они ошибались.

Ты бросаешься вперед. Сломанные кандалы падают на пол. Ты выхватываешь нож и вонзаешь его в грудь твоего мучителя.

— Я — хаос, — шепчешь ты. — Я — порядок, — ты прижимаешь свои губы к его губам и поворачиваешь клинок. — Я — боль.

ГЛАВА 47

Холлэнда Дарби и его жену вызвали на допрос. Ни один из них не произнёс ни слова. Я предложила агенту Стерлинг вызвать их сына. Мы наблюдали за допросом из-за двухстороннего зеркала.

— Опустошение, покорность, ярость, чувство вины, — Майкл одну за другой озвучил эмоции на лице Кейна Дарби.

Я попыталась найти хоть намёк на то, что видел Майкл, но не нашла в Кейне Дарби и следа бурлящих эмоций. Он выглядел невеселым, но не настороженным.

— В тайной комнате под часовней вашей семьи обнаружили два трупа, — агент Стерлинг подражала поведению Кейна: ни суматохи, ни суеты, ни ужимок. Никаких хождений вокруг да около. — Вы знаете, как они там оказались?

Кейн посмотрел агенту Стерлинг прямо в глаза.

— Нет.

— Ложь, — сказала Лия.

— Жертвы — женщина и мужчина. Их убили примерно десять лет назад. Вы что-нибудь знаете о том, кто они?

— Нет.

— Ложь.

Я уставилась на знакомое лицо Кейна, отталкивая любое тепло, которое могла испытывать к нему живущая во мне шестилетняя девочка. Ты знаешь, кто они. Ты знаешь, что с ними случилось. Знаешь, что произошло в той комнате. Зачем твой отец её построил. Зачем он построил часовню.

Почему на стене были кандалы.

Кейн сказал мне, что Лия будет в безопасности на Ранчо Покоя, но, окажись я на её месте, я не была бы. Я гадала о том, очутилась бы я в том подвале.

Я — сын своего отца, — голос Кейна звенел в моих воспоминаниях. — Я очень давно сделал свой выбор.

Я видела параллели между тем, как контролировали эмоции Кейн и Дин. Дин знал о том, что его отец делал с теми женщинами. Когда ему было двенадцать, он смог его остановить.

Ты выбрался, Кейн. Но ты не остановил своего отца. Не остановил это — чем бы это ни было. Ты не уехал из города. Ты не мог.

— Возможно, он поговорит со мной, — сказала я агенту Стерлинг по аудиосвязи. Задав Кейну ещё несколько вопросов, она вышла из комнаты.

— Никаких разговоров, — сказала нам она, наблюдая за бывшим парнем моей матери через двухстороннее зеркало. — Пока мы не опознаем тела. Пока не узнаем, кто они. Пока это — всё это — не станет реальным, а он не достигнет точки невозврата.

Всю свою жизнь Кейн Дарби хранил секреты своего отца. Опустошение, покорность, ярость, чувство вины. Нам были нужны именно две последние эмоции.

— Каковы шансы на то, что лаборатория ФБР сможет идентифицировать тела? — спросила я.

— Учитывая то, что у нас есть едва ли больше, чем скелеты, и нам не с чем сравнивать ДНК? — ровно ответила агент Стерлинг. — Даже если они что-нибудь найдут, это займет не мало времени.

Я подумала о сегодняшней дате — и о вчерашней. Подумала о том, что связь всего этого

с Владыками всё ещё была не ясна. Я подумала о моей матери в кандалах.

А затем я подумала о трупе. О костях, выпирающих из-под разлагающейся плоти. О лице, которое даже не походило на лицо.

Я замерла. Лицо. Перед моими глазами стояла Селин Делакура с царственной осанкой и насмешливым выражением лица. Могу один раз взглянуть на человека и понять, как лицевые кости его черепа выглядят под кожей.

Мои мысли завертелись. Каковы шансы на то, что Селин может сделать обратное? Нарисовать лицо человека, увидев фото костей его лица?

— Кэсси? — судя по тону агента Стерлинг она произнесла моё имя не впервые.

Я обернулась к Майклу.

— У меня есть идея, и она тебе совсем не понравится.

ГЛАВА 48

Мы отправили Селин фотографии наших жертв. А затем мы принялись ждать. Ожидание не было одной из сильных сторон программы «Естественные». Меньше чем через час агент Стерлинг уехала, чтобы продолжить работу над делом, но мы застряли в отеле без какого-либо занятия. В ожидании проверки способностей Селин. В ожидании правды. И понимания того, помогут ли наши усилия найти мою мать.

— Дин, — либо Лие очень хорошо давалось ожидание, либо — очень плохо. — Правда или действие?

— Seriously? — спросила я у Лии.

Её губы едва заметно изогнулись.

— Это почти традиция, — она присела на быльце дивана. — Правда или действие, Дин.

На какой-то миг мне показалось, что он откажется отвечать.

— Правда.

Лия опустила взгляд на свои руки, изучая свои ногти.

— Сколько ты будешь на меня злиться?

В твоём голосе нет уязвимости. Но его ответ может тебя сломать.

— Я на тебя не злюсь, — ответил Дин.

— Он злится на себя, — важно уточнил Майкл. — А ещё на меня. Точно на меня.

Дин сердито взглянул на него.

— Правда или действие, Таунсенд, — его слова прозвучали не как вопрос. Они прозвучали, как вызов.

Майкл одарил Дина очаровательной улыбкой.

— Действие.

Почти минуту они сверлили друг друга взглядами. Затем Дин нарушил тишину.

— Агент Старманс сейчас внизу, патрулирует периметр отеля. Вызываю тебя показать ему зад.

— Что? — Майкл явно не ожидал услышать от Дина эти слова.

— Термин «зад» обозначает заднюю часть туловища, а именно — ягодицы, — услужливо сообщила Слоан. — Слово стало использоваться в таком значении только в двадцатом веке, но подобное действие совершали ещё в средние века.

— Seriously? — спросила у Дина я. Я была Естественным профайлером, а он — моим парнем. И всё же я совсем этого не ожидала. С другой стороны, он ведь обещал вселенной быть не таким мрачным, если Лия вернется целой и невредимой.

— Ты его слышал, — сказала я Майклу.

Майкл поднялся на ноги и смахнул со своей одежды воображаемые пылинки.

— Я с радостью, — торжественно произнёс он, — покажу агенту Стармансу свой зад, — он подошел к балкону, вышел на него, дождался момента, когда агент Старманс проходил мимо и окликнул его. Когда Старманс посмотрел вверх, Майкл отдал ему честь. А затем он с военной чёткостью обернулся и спустил штаны.

Я так сильно смеялась, что почти не слышала, когда Майкл вернулся в комнату и обернулся к Дину.

— Правда или действие, Рэддинг.

— Правда.

Майкл скрестил руки на груди, давая Дину понять, что он пожалеет об этом выборе.

— Признай: я начинаю тебе нравиться.

Слоан нахмурилась.

— Это не вопрос.

— Ладно, — с улыбкой произнёс Майкл и продолжил пытаться Дина. — Я тебе нравлюсь? Я один из твоих закадычных друзей? Ты будешь плакать, если я исчезну?

Майкл и Дин ругались столько, сколько я их знала.

— Я. Тебе. Нравлюсь, — на этот раз Майкл повторил вопрос, жестикулируя.

Дин мельком взглянул на Лию, которая не позволила бы ему солгать.

— Время от времени, — пробормотал Дин.

— Что-что? — Майкл приставил ладонь к уху.

— Ты не должен мне нравиться, — отрезал Дин. — Мы семья.

— Закадычные друзья, — важно поправил Майкл. Дин испепелил его взглядом.

Я широко улыбнулась.

— Снова твоя очередь, — напомнила Дину Лия, толкая его ботинком.

Дин поборол желание спросить Майкла.

— Кэсси, правда или действие.

Я почти ничего не скрывала от Дина. Он мог спросить меня почти обо всём.

— Действие, — сказала я.

Слоан прочистила горло.

— Просто хочу обратить ваше внимание на то, — сказала она, — что эта комната входит в двадцать целых три десятых процентов отельных номеров, в которых есть блендер.

Часы проходили один за другим. Блендер и минибар оказались опасной комбинацией.

— Правда или действие, Лия? — наступила моя очередь. Я чувствовала, как к нам подкрадывается реальность. С каждым кругом игры всё дольше не было новостей от Селин. Совсем скоро агенту Стерлинг придётся выдвинуть обвинения семье Дарби или же отпустить их.

— Правда, — ответила Лия. Её первая правда за очень долгую игру.

— Почему ты пошла на Ранчо в одиночку? — спросила у неё я.

Лия поднялась на ноги и потянулась, выгибая спину и поворачиваясь из стороны в сторону. В «правде или действии» у неё было преимущество.

Она была единственной, кому могла сойти с рук ложь.

— Я выбралась, — наконец, сказала Лия. — Моя мать — нет, — она перестала потягиваться и замерла. — Я сбежала, когда повзрослела. К тому времени, когда Бриггс нашел меня в Нью-Йорке... — она покачала головой. — Не осталось, кого спасать.

От секты ничего не осталось. Как и от твоей матери.

— Некоторые из последователей Дарби найдут к кому прицепиться, — продолжила Лия. — Но если он окажется в тюрьме, есть хотя бы шанс на то, что кто-то из них вернется домой.

Я подумала о Мэлоди и Шэйне. А затем я подумала о Лие — о юной и более ранимой версии девушки, которую я знала.

— Кроме того, — легкомысленно добавила Лия, — я хотела отомстить Майклу за то, что он провернул в Нью-Йорке, — она повернулась на носочках. — Правда или действие, Слоан?

— Если я выберу правду, ты задашь мне статический вопрос о гончих и/или фламинго? — с надеждой спросила Слоан.

— Сомневаюсь, — произнёс Майкл.

— Действие, — сказала Слоан Лие.

На лице Лии растянулась ухмылка.

— Вызываю тебя, — сказала она, — взломать компьютер агента Стерлинг и сменить её заставку на фото, где Майкл показывает зад агенту Стармансу.

ГЛАВА 49

Слоан понадобилось полчаса, чтобы взломать ноутбук агента Стерлинг. Учитывая то, что мы говорим о Слоан, это означало, что меры безопасности компьютера агента Стерлинг были очень впечатляющими. Пока наш хакер загружала снимок, сделанный Лией, компьютер запищал.

— Входящее электронное письмо, — сказала Лия и нажала на иконку письма.

В один миг мы находились в режиме игры в «правду или действие», а в следующий из комнаты исчез кислород. Письмо прислал агент Бриггс. В нём были файлы. Доклады. Снимки.

Меньше чем через минуту они заполнили экран. Фотография человеческого тела, сожжённого до неузнаваемости, выбила землю у меня из-под ног. Я села и обняла свои колени. Я не могла оторвать взгляд от экрана.

Я знала, что убийства снова начались. Я знала, что где-то наш Н.О. из ученика превращался во Владыку. Я даже знала почерк убийцы.

Вздернуты, словно пугала. Сожжены заживо.

Но знать что-то и увидеть это собственными глазами — не одно и то же. Я заставила себя посмотреть на фотографию жертвы — человека, которым она была до того, как её тело поглотил огонь. До того, как от неё осталось лишь боль, прах и обожжённая плоть.

У неё были длинные светлые волосы, бледность её кожи подчеркивала пара хипстерских очков в тёмной оправе. И чем дольше я на неё смотрела, тем сложнее было отвести взгляд. Она выглядела на просто молодой, беззаботной и живой.

— Она выглядит знакомо, — я не собиралась произносить это вслух, но слова сорвались с моего языка, словно удар грома.

Слоан покачала головой.

— Я её не узнаю.

К компьютеру подошел Майкл

— А я узнаю, — он обернулся ко мне. — Когда мы расследовали дело Рэддинга, и мы с тобой и Лией пошли на студенческую вечеринку... Ты ушла с ассистентом учителя, а я пошел следом. Вместе с ней.

Я попыталась вспомнить то время. Убили студентку. Почерк полностью совпадал с

почерком Дэниела Рэддинга. Мы с Майклом и Лией сбежали из дома в поисках подозреваемых. Мы пообщались с несколькими людьми, включая эту девушку.

— Брайс, — прочитала Слоан. — Брайс Андерсон.

Я попыталась вспомнить о ней что-то, кроме того, что она училась вместе с первой жертвой — в классе, изучавшем дело Дэниела Рэддинга — но у меня ничего не вышло.

— Когда ты говорила с моим отцом... — голос Дина звучал спокойно, но я знала, с каким трудом ему давалась эта беспристрастность. — Он сказал, что знает о существовании Владык. Каковы шансы на то, что он следил за их работой?

Я понимала, о чём говорит Дин. Если наша жертва был связана с делом Дэниела Рэддинга, возможно, с ним был связан и Н.О..

Прежде чем я успела произнести это вслух, дверь гостиничного номера открылась.

— Это, — строго сказала агент Стерлинг, заходя в комнату, — лицо человека, который ни слова не скажет о сомнительном решении показать зад федеральному агенту, — уголки её губ едва заметно изогнулись. — Когда мы закончим в Гейтере, агент Старманс собирается взять отпуск, — она уловила царившее в комнате настроение и взглянула на выражения на наших лицах.

— Есть новости от Селин?

В ответ Слоан развернула ноутбук, позволяя агенту Стерлинг взглянуть на экран. Судя по каменному лицу нашей наставницы, она видела эти файлы не впервые. Она знала, кем была первая жертва.

— Вы взломали мой ноутбук, — не вопрос, не обвинение. В этот момент в комнате появился Джадд, не мешавший нам на протяжении нескольких последних часов. Агент Стерлинг взглянула на него. — Сейчас ты скажешь, что вычитывать их за этот акт бунтарства — пустая трата времени?

Дин шагнул к ней.

— Сейчас вы расскажете нам о том, кто вторая жертва.

Брайс убили второго апреля. Следующие даты Фибоначчи 4/4 и 4/5 — и сегодня было пятое апреля. У нас было как минимум две жертвы. А до полуночи появится третья.

— Та же местность? — спросила я у Стерлинг, надеясь услышать хоть какой-то ответ. — Та же виктимология?

— Вторая жертва как-то связанна с моим отцом? — надавил Дин. — Или с другими серийными убийцами?

— Нет.

На его вопрос ответила не агент Стерлинг, а Слоан.

— Нет. Нет. Нет, — Слоан развернула к нам ноутбук. Её руки замерли на клавиатуре, и я осознала, что она открыла остаток файлов в письме Бриггса.

Когда я взглянула на место второго преступления, у меня защипало в глазах. Вздёрнута, словно пугало. Сожжена заживо. Но именно имя, напечатанное в документах, объясняло то, почему Слоан прижала руки ко рту и издала пронзительный звук.

Тори Ховард.

Тори была фигуранткой в нашем Лас-Вегаском деле. Она была молодой фокусницей, которая выросла вместе с убийцей. А значит, наших жертв связывало не дело Рэддинга. Не география. А мы. Дела, над которыми мы работали. Люди, с которыми мы общались.

В случае Тори — люди, которых мы спасли.

— Она тоже его любила, — Слоан больше не прижимала руки ко рту, но её голос всё

ещё звучал сдавленно. Тори встречалась с братом Слоан — Аароном. Она скорбела о нём, как и Слоан. Она понимала её скорбь. — Позвоните Бриггсу, — негромко произнесла Слоан и зажмурилась.

— Слоан... — начал было Джадд, но она перебила его.

— Таннер Элиас Бриггс. Номер социальной страховки 440-872-1656. Скорпион. Рост семьдесят три целых двадцать пять сотых дюймов, — Слоан заставила себя открыть свои голубые глаза и плотно сжала губы. — Позвоните ему.

На этот раз агент Бриггс поднял трубку.

— Ронни? — воздух прорезал голос Бриггса. С момента нашего знакомства он почти всегда отвечал на звонки собственным именем. Я гадала о том, что означала эта перемена.

— Здесь вся группа, — сказала агент Стерлинг, включая громкую связь. — Дети взломали мой компьютер. Они видели файлы.

— Вы должны были мне сказать, — яростно произнесла Слоан. — Когда узнали, что второй жертвой была Тори, — её голос дрожал. — Я должна была знать.

— У тебя хватало забот, — вместо Бриггса ответил Джадд. — У всех вас, — когда он подошел к Слоан, резковатый образ бывшего морпеха немного смягчился. — Ты напоминаешь мне о Скарлетт, — Джадд редко произносил имя своей дочери, но когда он это делал, оно имело большой вес. — Иногда слишком сильно, Слоан. Иногда я даже верю, что, возможно, я могу тебя защитить.

Я видела, что Слоан пытается понять слова Джадда. Понять, почему он решил не рассказывать нам о жертвах.

— Сегодня пятое апреля, — в тоне Лии читалась резкость, но я не слышала в нём злости. — 4/5. Что с третьей жертвой?

Она задала этот вопрос, потому что Слоан не могла этого сделать. И потому что Бриггс, Стерлинг и Джадд не могли ей солгать.

Бриггс ответил коротко:

— Ни места преступления. Ни жертвы. Пока что, ничего.

Пока что. Эти слова напоминали о всех, кого мы подвели. Пока мы находились в Гейтере в поисках зацепок, погибло ещё два человека. Скоро их — сотен жертв, убитых Владыками за многие годы — станет на одного больше.

— Нам нужно пересмотреть все наши прошлые дела, — хрипло произнесла я. Я старалась не думать о том, что, когда мы ошибались — когда мы были недостаточно хороши или слишком медлительны — умирали люди. — Найти людей, подходящих под типаж жертв.

— Девушки младше двадцати пяти, — негромко произнёс Дин. — Даже если другие Владыки предлагают мне жертв, знакомых ФБР, это моя проверка, мой типаж.

От слов Дина по моей спине пробежал холодок. Они оживили подозрения, скрывавшиеся под поверхностью моего сознания. Каждый Владыка выбирал девятерых жертв. Именно виктимология отличала Владык друг от друга.

Но на этот раз жертв выбирал не наш убийца.

Это — не ритуал. Это что-то личное. Сколько бы раз я не пробиралась в голову этого Н.О., я приходила к одному и тому же заключению. Кто-то сделал это личным, потому что мы были близки к разгадке.

Потому что мы были в Гейтере.

— Владыки заставили ученика убить Брайс и Тори из-за нас, — я сглотнула, но не

смогла сдержать слова. — Не знаю, месья это или попытка выманить нас из Гейтера, но если бы мы здесь не оказались...

На противоположной стороне комнаты Майкл прижимал к уху мобильный телефон. Не сказав ни слова, он закончил звонок и позвонил ещё раз.

— Майкл... — начала было Лия.

Он ударил кулаком по стене.

— Девушка, — слово прозвучало, словно ругательство. — Младше двадцати пяти. Связанная с одним из наших прошлых дел.

Впервые с момента нашего знакомства мне удалось распознать выражение лица Майкла. Ужас. Тошнота.

И тогда я осознала...

— Селин, — произнесла я. Девушка. Молодая. К моему горлу подступила желчь. — Она была «жертвой» в нашем последнем деле. Если они за нами следили... — я почувствовала тяжесть в ногах и руках. — Она помогла нам опознать Найтшэйда. И только что мы снова втянули её в это дело.

Не мы, — в ужасе подумала я. — А я. Это я предложила позвонить Селин. Как до этого именно я решила увидеться с Лорел.

— Если бы она была там, она бы взяла трубку, — Майкл снова и снова бил кулаком в стену, пока Дин силой не заставил его отступить. — Столько всего творится. Она бы ответила, — Майкл попытался вырваться от Дина, а затем резко замер. — На мой звонок ответил автоответчик. Дважды.

ГЛАВА 50

Сколько бы мы не звонили Селин, каждый раз нам отвечал автоответчик. Бриггс отправил в её общежитие тамошнего агента, но её там не оказалось.

Никто не видел Селин Делакруа и не говорил с ней с тех пор, как мы отправили ей снимки часами ранее.

— Сначала они пришли за твоей сестрой, Колорадо, — в глазах Майкла не было эмоций. — А теперь забрали мою.

Лия пересекла комнату и остановилась рядом с ним. Ни с того ни с сего она дала ему пощечину, а через миг прижала свои губы к его губам в настойчивом поцелуе. Сильное отвлечение.

— Селин в порядке, — сказала Лия, отстраняясь от него. — Она будет в порядке, Майкл, — Лия могла заставить любые слова звучать правдиво. Рвано вздохнув, она продолжила. — Обещаю.

Лия не давала обещаний.

— Она исчезла всего несколько часов назад, — добавила Слоан. — Учитывая то, что у неё есть привычка похищать саму себя, по статистике... — наш эксперт по числам сделала паузу, светлые пряди спадали на её лицо. — Она будет в порядке, — Слоан не стала озвучивать числа или статистику. О каких бы вычислениях она не думала, она отложила их и повторила слова Лии. — Обещаю.

Дин опустил руку на плечо Майкла. Майкл посмотрел мне в глаза.

— Она будет в порядке, — мягко произнесла я. После всего, через что мы прошли, после всего, что мы потеряли, я должна была в это верить. Но я не обещала. Я не могла.

Майклу хватило бы одного взгляда на моё лицо, чтобы понять, почему.

Тишину прервал стук в дверь нашего номера. Джадд шагнул к ней, опережая меня.

Взглянув в глазок, он убрал руку с пистолета и открыл дверь.

— У вас есть вредная привычка исчезать, юная леди.

Я осмыслила слова Джадда, а затем увидела девушку, стоявшую по ту сторону двери.

— Селин?

Селин Делакруа стояла у двери с дизайнерским чемоданом в руке. Её волосы были осторожно убраны с лица.

— Двухмерные фотографии черепов не работают, — сказала она вместо приветствия. — Отведите меня к телам.

ГЛАВА 51

Селин не сочла нужным предупредить кого-нибудь о своей спонтанной поездке в Оклахому. В самолете она отключила телефон.

— Я же тебе говорила, — Лия с ухмылкой взглянула на Майкла. — Скажи, что я была права.

— Ты была права, — Майкл закатил глаза. Его голос слегка смягчился. — Ты пообещала.

— В интересах абсолютной честности скажу, — вмешалась Селин, — думаю, все присутствующие оценят, если вы уединитесь.

— Я не оценю, — проворчал Дин.

— Меня не смущают проявления физической или эмоциональной близости, — произнесла Слоан. — Тонкости и статистика, лежащие в основе ухаживания, довольно интересны.

Селин взглянула на Слоан. Уголки её губ изогнулись в улыбке.

— Да что ты говоришь.

Слоан нахмурилась.

— Я ведь только что сказала.

— Для реконструкции лиц не помешает эксперт по математике, — Селин склонила голову на бок. — Ты в игре, Блонди?

Вспомнив, как Слоан отреагировала на тела в подвале, я думала, что она откажется. Но вместо этого она шагнула к Селин.

— В игре.

На следующее утро агент Стерлинг с Селин и Слоан уехали ещё до восхода солнца. Я решила к ним присоединиться. За всё время, что я провела в программе «Естественных», я впервые побывала в лаборатории ФБР — в нашем случае, она оказалась охраняемым объектом в двух часах езды от Гейтера. После того, как судмедэксперт закончил исследовать оба тела, а команда криминалистов собрала все трасологические улики с одежды и кожи, с костей убрали остатки плоти. Два скелета лежали бок о бок.

Прежде чем впустить нас в комнату, агент Стерлинг попросила всех остальных выйти.

Селин замерла в дверном проёме, рассматривая скелеты издали. Затем она подошла ближе и медленно обошла их кругом. Наблюдая за ней, я знала, что её глаза не упускали ни одной детали. Её взгляд замер на меньшем скелете — женщине.

Ты видишь не просто кости. Ты видишь очертания. Щека, челюсть, глаза...

— Я могу до неё дотронуться? — спросила Селин, оборачиваясь к агенту Стерлинг.

Стерлинг едва заметно кивнула, и Слоан передала Селин пару перчаток. Селин натянула их и осторожно провела кончиками пальцев по черепу женщины, ощупывая изгибы и соединения костей. Селин рисовала всем телом, но это — это занятие было для неё

священным.

— Расстояние между глазами — два целых тридцать девять десятых дюйма, — мягко произнесла Слоан. — Расстояние между её зрачками и ртом — примерно два с половиной дюйма.

Селин кивнула и продолжила изучать череп. Пока Слоан озвучивала больше измерений, Селин достала альбом для рисования и опустила его на ближайший лабораторный стол. Через несколько секунд карандаш в её руках замелькал по бумаге.

Продолжая рисовать, Селин отошла от нас. Ты покажешь портрет, когда он будет готов. Когда ты закончишь.

Через несколько минут тишину прорезал звук рвущейся бумаги. Селин вырвала лист из своего альбома. Не сказав ни слова, она передала рисунок Слоан, отложила альбом и принялась изучать второй скелет.

Слоан передала рисунок мне. Я передала его агенту Стерлинг. С портрета на нас глядела обыкновенная, но симпатичная женщина чуть младше тридцати. Я ощутило жутковатое чувство, словно она была мне знакома.

— Узнаешь её? — негромко спросила у меня агент Стерлинг, пока Селин продолжала работать на противоположной стороне комнаты.

Я покачала головой, но в душе я кивала.

— Она похожа... — слова парили совсем близко, но я не могла до них дотянуться. — Она похожа на Мэлоди, — наконец, произнесла я. — Внучку Ри.

Стоило мне произнести эти слова, я всё поняла. Я знала, кто эта женщина. Знала, что дочь Ри — мать Мэлоди и Шэйна — не сбежала из города, побывав на Ранчо Покоя.

Она осталась там навсегда.

Я попыталась вспомнить об этой женщине что-нибудь ещё — что-нибудь, что я слышала или видела. Вместо этого я вспомнила о том, как моя мать заслоняла от меня что-то у подножья лестницы.

Что-то большое. Что-то тяжелое.

Кровь на руках моей матери...

Я не разглядела лица трупа. Не знала, принадлежал он мужчине или женщине.

Кейн. Там был Кейн. Меня окатило осознание. Ведь так?

Чувствуя себя так, словно мир вышел из строя, я подошла к Селин, которая снова взялась за альбом. На этот раз я не удержалась и стала наблюдать за тем, как она рисовала.

Она позволила мне.

Она позволила мне заглянуть ей через плечо. Постепенно на бумаге появилось мужское лицо. Сначала линия подбородка. Волосы. Глаза. Щеки, рот...

Я отшатнулась от неё. Потому что на этот раз лицо не казалось мне отдаленно знакомым. Я не стала искать в своей памяти намёк на то, кому принадлежало тело.

Я узнала это лицо. Внезапно, я снова стояла на лестнице, а у её подножья лежало тело.

Я его вижу. Я вижу лицо. Вижу кровь...

Мужчиной на рисунке — мужчиной, лежавшим у подножья лестницы, скелетом на лабораторном столе, который был мертв вот уже десять лет — был Кейн Дарби.

Ты

Владыки нашли тебя сидящей на полу. Нож балансировал на твоём колене. Пятерка лежал рядом с тобой по кусочкам.

Ты поднимаешь взгляд, чувствуя себя куда более живой — куда более собой — чем

когда бы то ни было.

— Он не был достоин, — произносишь ты.

Ты не слаба. Ты не Лорелея. Ты решаешь, кто будет жить, а кто умрет. Ты — судья и присяжные. Ты — палач. Ты — Пифия.

И они будут играть по твоим правилам.

ГЛАВА 52

Невозможно. Только этим словом можно было описать рисунок Селин. Несколько часов спустя и сидела напротив Кейна Дарби в ближайшем офисе ФБР. По одну сторону от меня сидела агент Стерлинг, по другую — Дин. Я поймала себя на том, что тарашусь на лицо Кейна — на знакомые мне черты. У меня пересохло в горле, а в моей голове вертелись мысли.

Ты жив. Ты здесь. Но твоё лицо было на портрете.

Твоё лицо я видела в своих воспоминаниях.

Его тело лежало у подножья лестницы, его кровь была на руках моей матери. Этому должно было найтись объяснение, и я знала, что смогу заставить Кейна всё мне рассказать. Но стоило мне взглянуть на него, я замерла, словно ныряльщик, стоящий на краю скалы и глядящий на волны, разбивающиеся о скалы.

— Моя мать когда-нибудь упоминала про П.Л.О.? — каким-то образом мне удалось сформировать слова. — Поведение. Личность. Окружение.

— Лорелея учила тебя своим трюкам, — произнёс Кейн. Даже по прошествии десяти лет, когда он произносил её имя, в его голосе эхом отдавались эмоции.

— Она была хорошим учителем, — мои слова звучали спокойнее, чем я себя ощущала. — Достаточно хорошим, чтобы время от времени ФБР считало мои навыки полезными.

— Ты — ребенок, — предсказуемый протест Кейна успокоил меня и вернул меня к тому, что происходило здесь и сейчас.

— Я человек, который задаёт вопросы, — ровным тоном поправила я. Инстинкты подсказывали мне, что агент Стерлинг была права — если бы мы опробовали эту тактику, прежде чем мы узнали личности наших жертв, я бы не смогла вытянуть из Кейна ни слова.

Но реконструкция лиц, которую провела Селин, всё изменила.

Через несколько секунд ты узнаешь, что это реально. Что секреты твоей семьи всплывают на поверхность. Что сопротивляться нет смысла.

Что сила кары блекнет перед признанием.

— Мы опознали тела, которые нашли на Ранчо Покоя, — я дала Кейну время, чтобы гадать о том, блефовала ли я, а затем взглянула на агента Стерлинг. Она передала мне папку. Я опустила на стол первый портрет.

— Сара Саймон, — сказала я. — Она вступила в секту твоего отца, а потом — как все считали — сбежала из города, потому что секта оказалась не тем, на что она надеялась.

— Вот только это не так, — подхватил Дин. — Сара так и не уехала с территории секты, потому что кто-то убил её. Судя по вскрытию, асфиксия. Кто-то — скорее всего, мужчина — сжал руки на её шее и задушил её.

— Суть удушения — во власти, — я прекрасно знала, как странно было Кейну, знавшему меня ребенком, слышать от меня подобные слова. — Это — что-то личное. Интимное. А после, чувство... завершенности.

Впервые выражение лица Кейна дрогнуло, и в его светло-голубых глазах появилось что-

то ещё. Даже без помощи Майкла я знала, что это был не страх и не отвращение.

Это была злость.

Я положила на стол портрет мужчины с лицом Кейна.

— Это шутка? — спросил Кейн.

— Это лицо второй жертвы, — сказала я. Невозможно — но всё же факт. — Забавно, никто в Гейтере не упоминал о том, что у вас был брат-близнец.

Единственное разумное объяснение — это не Кейн лежал у подножья лестницы. Не Кейн был покрыт кровью.

— Возможно, — я поймала его взгляд, — никто в Гейтере об этом не знал. Пару дней назад вы сказали мне, что в детстве вы были любимым сыном, — я опустила взгляд на фото. — Но ваш брат был другим.

Иногда профайлер не должен был знать ответы на все вопросы. Иногда хватало знать достаточно, чтобы заставить кого-то ответить.

— Моего брата, — глядя на портрет, произнёс Кейн, — звали Даррен, — злость в его глазах сменила другая эмоция — что-то темное, полное омерзения и тоски. — Он шутил, что нас перепутали в роддоме — это он должен был быть Кейном — Каином. В его версии, я был Авелем.

— Вашему брату нравилось причинять боль, — Дин читал между строк. — Ему нравилось делать вам больно.

— Он и пальцем меня не тронул, — глухо ответил Кейн.

— Он заставлял вас наблюдать, — сказал Дин. Он прекрасно знал, каково это — и он никогда не сможет этого забыть.

Кейн оторвал взгляд от рисунка Селин.

— Когда мы жили в Калифорнии, он причинил боль маленькой девочке. Поэтому мы переехали в Гейтер.

Когда Кейн переехал в Гейтер, ему и его близнецу было всего девять.

— Из-за Даррена твой отец основал Ранчо Покоя, — теперь я видела в поведении Дарби-старшего что-то большее, чем его жажду власти и восхищения.

В покое я нашел равновесие. В покое я нашел мир.

— Даррену не позволяли выходить за территорию ранчо, — сказал Кейн. — Мы за ним присматривали.

Несколько дней назад у меня появилась теория о том, что причиной неестественного спокойствия Кейна было то, что он рос рядом с нестабильным, непостоянным и непредсказуемым человеком.

— Последователи вашего отца хранили Даррена в секрете.

Кейн закрыл глаза.

— Мы все хранили его в секрете.

Я вспомнила о том, как Малкольм Лоуелл сказал, что его внуку удалось забраться на территорию общины. О животных...

Не чистые убийства. Эти животные умирали медленно, в мучениях.

— Ваш брат дружил с Мэйсоном Кайлом.

Я подумала о том, каким монстром стал Найтшэйд. Он был таким даже в детстве? Был садистом?

— Мои родители думали, что Мэйсон хорошо влияет на Даррена. Что это полезно для всех нас. Почти как будто...

— Как будто вы были нормальными детьми, — закончила агент Стерлинг. — Как будто вашему брату не нравилось мучить животных — а когда удавалось, и людей.

Кейн так низко склонил голову, что его подбородок уткнулся в грудную клетку.

— Я потерял бдительность. Позволил себе поверить, что мои родители ошибались насчет Даррена. Что он не был сломан. Что он просто ошибся. Всего одна ошибка, вот и все.

— А потом убили семью Кайлов, — Дин прекрасно знал, каково было иметь на своих руках кровь чужих жертв.

— В тот день Даррен пропал, — Кейн закрыл глаза, переживая свои детские воспоминания. — Я знал, что он пошел к Мэйсону. Я пошел за ним, но когда я добрался туда...

Анна Кайл была мертва. Как и её муж. Её отец умирал...

— Мэйсон стоял там, — произнёс Кейн. — Просто... стоял. А затем он обернулся, посмотрел на меня и сказал: «Передай Даррену — я никому не расскажу».

Я почти слышала, как Малкольм Лоуелл говорил, что не его внук пытал тех животных.

Думаю, он наблюдал.

— Тогда ваш отец построил часовню? — спросила агент Стерлинг. Я перевела вопрос — построил камеру под часовней. Кандалы на стене. Не для заблудшей овечки из его стада, а для его собственного чудовищного сына.

Я попыталась представить себя на месте Кейна. Я знала, что отец держит моего близнеца взаперти. Кейн навещал Даррена? Видел, что с ним сделало заточение? Или просто бросил своего брата там внизу на многие годы?

Словно услышав мои немые вопросы, Кейн открыл глаза. На его лице застыла боль.

— Даррена можно было застукать перед умирающим щенком, и он бы сказал, что он этого не делал. Он клялся, что он не связан с нападением на Кайлов, — Кейн сглотнул. — Мой отец ему не поверил.

Ты тоже ему не поверил. Ты позволил своему отцу держать его в заточении. Годами.

Теперь я понимала, почему Кейн не мог уехать из города. Какое бы отвращение он не испытывал к манипуляциям своего отца, какой бы сломанной не было его семья, он не мог бросить своего брата.

— Он был моим близнецом. Если он был монстром, значит, и я — монстр.

— Через много лет вы встретили мою мать, — продолжила я. — И всё шло так хорошо... — слова застряли у меня в горле, когда я вспомнила, как Кейн танцевал с моей мамой на крыльце, как Кейн сажал меня на плечи.

— Как со всем этим связана Сара Саймон? — агент Стерлинг сменила тему. — Судя по всему, она присоединилась к Ранчо больше чем через двадцать лет после смерти семьи Кайлов.

— К тому времени я ушел с Ранчо, — судя по хриплому голосу Кейна, не только я погрузилась в воспоминания о моей матери. — Но, насколько я понимаю, Сара часто бывала в часовне.

Я слышала в голосе Кейна ужас.

— Сара узнала о Даррене, — сказала я, думая о камере, в которой Холлэнд Дарби держал своего сына.

— Она обнаружила комнату. Спускалась к нему, скорее всего, не раз. А когда ему надоело с ней играть, он её убил, — голос Кейна напоминал тупой нож. — Он сжал её горло руками, как ты и сказала. Власть. Превосходство. Личное. А потом он выбрался и пришел за

мною.

Не за тобой, — мысленно поправила я. — Власть. Превосходство. Личное.

— Он пришел за той, кого ты любил, — я гадала о том, как Даррен узнал о моей матери. Возможно, он проследил за Кейном к нашему дому? Но все вопросы исчезли за воспоминанием, врезавшимся в меня с силой цунами.

Ночь. Звук удара на первом этаже.

Я попыталась встать на место своей матери. Сначала ты решила, что это был Кейн? Он попытался сделать тебе больно? Сжал руки на твоём горле?

Ты отбивалась.

Я подумала о том, как, всего несколько часов спустя, моя мать улыбалась и танцевала на обочине. Ты убила его.

Кейн закрыл глаза, словно он больше не мог на меня смотреть, не мог помнить об этом, но не мог и остановиться.

— Когда я добрался до дома Лорелеи, она исчезла. Как и ты, Кэсси. А тело Даррена лежало у подножья лестницы.

Я взглянула на всё это его глазами: брат, которого он ненавидел, боялся и любил, был мертв. Его убила женщина, которую он любил. Это ты был виноват в том, что он пришел за ней. Ты был виноват в том, что он сделал ей больно.

Ты был виноват в его смерти.

— Лорелея убила Даррена защищаясь, — предположила агент Стерлинг. — Если вы не рассказали ей о нём, она почти наверняка думала, что убила вас.

Я попыталась сопоставить всё это с матерью, которую я помнила и знала.

— Вы привели в порядок место преступления, — продолжила агент Стерлинг, не давая Кейну времени на передышку. — И привезли тело своего близнеца домой.

— Я никому не рассказал, — голос Кейну звучал по-детски. Словно голос мальчика, которого заставили хранить секрет его семьи, нести бремя его брата.

— Ваша семья закрыла Даррена под часовней, — мягко произнесла Стерлинг. — Он был мертв, а они всё равно заковали его в кандалы. А Сара Саймон — вы оставили её тело внизу. Вы позволили её семье верить, что она сбежала из города.

Кейн не ответил. Внутри него что-то треснуло и сломалось. Когда он наконец заговорил, он не стал подтверждать слова агента Стерлинг.

— В покое, я нашел равновесие, — он стал тенью прошлого себя. — В покое, я нашел мир.

Ты

Ты всегда защищала Лорелею. Переживала то, что она не могла пережить. Делала то, на что она не была способна.

Но на этот раз? Ты убила не ради неё.

Ты убила Пятерку ради себя. Потому что тебе это нравилось. Потому что ты могла.

Лорелея слаба. Но ты — нет. Владыки рассаживаются за столом. Кто-то хочет тебя наказать. Кто-то хочет навсегда отнять у тебя нож. Но другие помнят — кто такая Пифия.

Чем она может стать.

Ты узнаешь мужчину, занявшего опустевшее место Пятерки — его предшественник — Владыка, который выбрал и тренировал его. Он ставит в разговоре точку и вручает тебе кроваво-красный бриллиант, в честь твоего убийства.

Этот человек привык руководить. Он привык быть главным.

— Существует угроза, — говорит новичок. — Я могу о ней позаботиться.

Он имеет в виду Гейтер. Дочь Лорелеи и её маленьких друзей, которые так близко подошли к правде.

Ты ловишь его взгляд.

— Об этом уже позаботились.

Третий труп аколита уже в пути. Скоро появиться тело, и если прошлая жертва не донесла послание, то донесет эта.

— Что, если проблемы продолжатся? Что, если их расследование приведет их к нашей двери?

— Что же, тогда... — ты вертишь в руке кроваво-красный бриллиант. — Думаю, ты можешь снова спросить о моём приговоре.

ГЛАВА 53

Близнец Кейна убил дочь Ри. Даррен попытался убить мою мать, но она убила его, защищаясь. Всё это должно было меня ошеломить. Затуманить мой взгляд.

Но я ничего не чувствовала.

Мне казалось, что всё это происходило с кем-то другим.

Лия, наблюдавшая за допросом из-за кулис вместе со Слоан и Майклом, подтвердила, что Кейн Дарби верил в каждое своё слово. Я обернулась к агенту Стерлинг.

— Что с ним будет?

— Кейн даст показания против своего отца, — ответила Стерлинг. — О наркотиках, о том, что его отец сделал с Дарреном и о том, как он помог скрыть смерть Сары Саймон. Учитывая смягчающие обстоятельства, думаю, я смогу убедить окружного прокурора предложить Кейну сделку.

На самом деле, я спрашивала не об этом. Я спрашивала о том, куда может пойти человек вроде Кейна после чего-то такого, как он может жить дальше.

Наблюдавшая за опросом Селин склонила голову на бок и подняла наманикюренную руку.

— Просто уточняю: мы правда считаем, что маленький ребенок убил двух людей и попытался убить третьего, из-за чего его родители сковали его в подвале на двадцать три года, а потом он убил кого-то ещё, сбежал и его убили?

Повисла долгая пауза. Затем Слоан ответила на её вопрос.

— Звучит, как точное описание рабочей теории.

— Просто проверяю, — легкомысленно ответила Селин. — Кстати, это самая сумасшедшая ситуация, о которой я когда-либо слышала.

— Оставайся с нами, — сказала ей Лия. — После убийств и хаоса будут щенята и радуга.

Агент Стерлинг фыркнула. Но шутливое настроение быстро миновало. Я видела, что агент ФБР уже думает, стоит ли снова открыть рот.

— Я не уверена в причастности Даррена к убийствам Кайла. Кейн верит, что их убил его брат — но это не значит, он прав.

Ты пришел туда, Кейн. Кайлы были мертвы. Мэйсон, в прошлом наблюдавший за тем, как твой брат убивал животных, попросил тебя передать Даррену, что он никому не расскажет. Одно единственное предложение сделало Даррена убийцей в глазах Кейна и его семьи. Но ведь это предложение произнёс мальчик, однажды сам ставший жестоким убийцей.

Мальчиком, которого кто-то растил для великих свершений.

— У нас есть документы об убийствах Кайлов, — Дин не стал погружаться в собственные темные воспоминания — о том, как его растили и как он наблюдал за убийствами. Пусть мир сходил с ума, но мы не могли останавливаться. — Должен быть какой-то способ проверить, сходится ли история.

— Рост среднестатистического десятилетнего мальчика — пятьдесят четыре с половиной дюйма, — Слоан поднялась на ноги и принялась измерять шагами крохотное пространство комнаты для наблюдений. — Повзрослев, Даррен Дарби был совсем немного выше среднего роста. Учитывая разнообразные модели развития, думаю, во время убийства Кайлов, его рост находился между пятьюдесятью четырьмя и пятьюдесятью шестью дюймами.

— Я так понимаю, если мы подождем, то пойдем, к чему клонит Блонди? — спросила у нас Селин.

— Анну и Тодда Кайлов закололи ножом, — с горящими глазами сказала Селин Слоан. — Сначала их сбили с ног, так что определить рост нападающего сложнее. А вот Малкольм Лоуелл сопротивлялся.

Не сказав больше ни слова, Слоан достала из своей сумки толстую папку. Убийства Кайлов. Она очень быстро пролистала папку и достала из неё фотографии и описание места преступления.

— Я так понимаю, это Малкольм Лоуелл? — спросила Селин, глядя на снимки ран Малкольма. Я вспомнила о шрамах, выглядывавших из-под его рубашки.

Люди считали, что ты молчал ради своего внука — возможно, они были правы. Возможно, Мэйсон помог Даррену. Возможно, он наблюдал с улыбкой на губах. Но я знала, что Малкольм Лоуелл был гордецом. Ты изолировал свою семью. Ты пытался их контролировать.

— Ничего не понимаю, — произнесла Слоан, глядя на фотографии. — Угол вхождения ножа, особенно в ранах на груди... это не логично.

— Значит, Малкольма Лоуелла ранил не ребенок? — попытался перевести Майкл.

— Эта рана, — сказала Слоан, останавливаясь на одном снимке. — Удар нанесли с правой стороны Лоуелла, а значит, нападающий был левшей. Но рана слишком аккуратная, слишком чистая, а, судя по форме, нож был направлен клинком вверх. Он вошел в тело под углом примерно в сто семь градусов.

— Значит, Малкольма ранил ребенок? — снова попытался угадать Майкл.

— Нет, — ответила Слоан. Она закрыла глаза. Её тело напряглось.

— Слоан, — сказала я. — Что такое?

— Я должна была это заметить, — слова Слоан были едва слышны. — Я должна была увидеть это раньше, но я не искала.

— Не искала что? — мягко спросила у неё агент Стерлинг.

— Его ранил не ребенок, — ответила Слоан. — И не взрослый левша, — она открыла глаза. — Если искать, становится понятно. Если проверить все версии.

— Что понятно? — негромко спросила у неё я.

Слоан резко села.

— Я на девяносто восемь процентов уверена, что старик ранил себя сам.

ГЛАВА 54

Какая решительность нужна человеку, чтобы снова и снова вонзать нож в собственную

плоть?

Что за человек мог убить собственную плоть и кровь, а затем спокойно использовать нож на себе?

Я представила, как сжимаю окровавленный нож и поворачиваю его к себе. Представила блики света на клинке.

— Боюсь, мистера Лоуелла нет дома, — открывшая дверь дома Лоуелла медсестра почти ничего нам не рассказала. Старик уехал вскоре после разговора с агентом Стерлинг — и никому не сказал, куда он отправляется.

Шагая по дому Лоуелла, я искала какого-то намека на улику; что-то, что подтвердило бы теорию Слоан о том, что он убил свою дочь и своего зятя, а затем ранил себя, пытаясь избежать подозрений. Я не могла выбросить из головы его слова об убитых животных.

Ты сказал, что, по-твоему, Мэйсон наблюдал. Я снова представила нож, представила, как держу его в руках. Тебе наверняка было приятно произносить эти слова, понимая, что агент Стерлинг не услышит скрывающейся за ними правды. Ты говорил не о том, что Мэйсон наблюдал за тем, как Даррен Дарби убивал животных. Твой внук наблюдал за тем, как убивал ты.

— О чём ты думаешь? — спросил подошедший ко мне Дин.

— Я думаю, что, возможно, Найтшэйд действительно видел, как убили его родителей. Возможно, он наблюдал, — на несколько секунд я замолчала. Я знала, что мои слова заденут Дина за живое. — Возможно, это был урок. Возможно, когда пришел Кейн, Найтшэйд подставил Даррена, потому что маленький Мэйсон Кайл понял, что мальчик, который пытал животных, не был достоин последователей.

Дин замолчал. Стоило мне произнести слово «урок», он вернулся к собственным темным воспоминаниям. Через несколько секунд ему удалось выбраться.

— Моя дочь была разочарованием, — я не сразу осознала, что Дин говорил от лица Лоуелла. — Я попытался правильно растить её. Пытался вырастить её так, чтобы она была достойна моего имени, но она стала очередной шлюхой — забеременела в шестнадцать, не подчинялась мне. Они жили со мной — Анна, её убогий муж и мальчик.

Мальчик. Из которого вырос Найтшэйд.

— Ты думал, что Мэйсон — такой же, как твоя дочь, — подхватила я. — А затем он стал сбегать, — как признался Малкольм Лоуелл, он пытался заточить свою семью в клетку. Пытался их контролировать. Я думала, что гордый старик сочтет поведение Мэйсона оскорблением.

Но что, если это было не так? Я вдохнула и выдохнула, а затем зашагала вперед, хоть я и не знала, куда иду. Что, если Мэйсон посчитал небольшое хобби Мэйсона знаком?

— Когда стали появляться животные, — голос Дина до ужаса походил на голос его отца, — ты подумал, что это могло быть делом рук мальчика. Возможно, у него всё-таки был потенциал.

— Но это был не Мэйсон, — я сжала губы и подумала о сломанном и пустом Кейне. — Это был Даррен Дарби.

— Разочарование, — резко произнёс Дин. — Знак слабости. Я должен был преподавать своему внуку урок о том, кто он и откуда он родом. Мы — не последователи. Мы не наблюдаем.

Слова Дина напомнили мне о том, как в детстве я встретила Малкольма Лоуелла.

Ты знаешь, каково это — чувствовать, как жизнь утекает из твоих жертв. Ты знаешь, что

такое власть. Ты хотел, чтобы Мэйсон увидел, кто ты. Узнал, что за кровь течет по его венам. Вслух я произнесла логическое заключение этой мысли.

— Чтобы убить собственную семью, так спокойно всё спланировать, так далеко зайти и нещадно ранить самого себя... Ко времени убийства Кайлов, Малкольм Лоуелл уже был убийцей.

Дин подождал несколько секунд, а затем добавил:

— Уже был Владыкой.

По моей спине медленно, словно трещина по льду, пробежал холодок. Тебя проверили. Тебя посчитали достойным. Ты убил девятерых людей.

— Временные рамки не совпадают, — сказала я, отталкивая желание обернуться через плечо, словно старик мог стоять у меня за спиной и наблюдать за мной, как тогда, когда я была ребенком. — Владыка ядов, который тренировал Найтшэйда — тот, кто выбрал его своим учеником — и сам стал Владыкой только через несколько лет после убийства Кайлов.

А значит, если мои инстинкты — и инстинкты Дина — нас не подводили, Малкольм Лоуелл не был Владыкой ядов.

Ты был чем-то другим.

— Ты растил своего внука для величия, — сердце барабанило о мои ребра. — Ты увидел в Мэйсоне потенциал и сделал его чудовищем. Сделал его своим наследником, — я сделала паузу. — Ты отправил его жить с женщиной, который знал о тонкой грани между лекарством и ядом.

Мэйсон Кайл уехал из Гейтера, когда ему было семнадцать. Он попытался скрыть все следы своего существования. Прежде чем стать учеником, а затем — Владыкой, он двадцать лет жил, словно призрак.

Он знал, что это случится. Знал, кем ему предстоит стать. Даже размышляя о Найтшэйде, я всё ещё находилась в голове старика. Ты создал его по собственному подобию. Сделал его достойным.

Мелькнувшая тень предупредила нас с Дином о том, что мы были не одни.

— В Оклахоме подвалы считаются довольно редкими, — сообщила появившаяся рядом с нами Слоан. — Но в этом доме он есть.

Я не сразу осознала, что к нам присоединилась Слоан, так что моё сердце успело подпрыгнуть и застрять у меня в горле. Затем я принялась снова и снова вертеть в мыслях слово «подвал», размышляя о том, что Лорел росла под землей.

Возможно, Холлэнд Дарби был не единственным жителем Гейтера с кандалами на стене.

Логически, я понимала, что всё не может быть так просто. Я знала, что моя мать почти наверняка никогда здесь не была. Знала, что, где бы Владыки её не держали, где бы они не проворачивали свои дела, они явно делали это не в своих подвалах. Но когда я зашагала к подвалу в моих мыслях звучал рёв, а моё сердце без умолку колотилось о ребра. Дин и Слоан последовали за мной по пятам, а затем нас догнали Лия с Майклом. Ты построил этот дом, — думала я. — Для своей жены. Для своей семьи.

Для будущего.

Пол в подвале был сделан из бетона. Балки перекрытия покрывала паутина. По избытку картонных коробок было не сложно догадаться о предназначении комнаты.

Просто склад. Просто комната.

Понятия не имея о том, что я искала, я принялась открывать коробки и просматривать

их содержимое. Они рассказали мне историю — о мужчине, который поздно завёл семью. О местной девушке, на которой он женился. О дочери, которая потеряла мать, когда ей было шесть.

Шесть.

Внезапно, я вернулась к тому дню, когда Малкольм Лоуелл застукал нас с Мэлоди в аптекарском саду.

— Сколько вам лет? — настойчиво спрашивает мужчина.

— Мне семь, — отвечает Мэлоди. — Но Кэсси только шесть.

Когда я впервые встретила Малкольма Лоуелла, мне было шесть. Его дочери было шесть, когда умерла её мать. Мэйсону Кайлу было девять, когда его дед убил его родителей.

— Шесть, — вслух произнесла я, опускаясь на пол между коробками. — Шесть, шесть и девять.

— Три плюс три, — не удержавшись, выпалила Слоан. — Трижды три.

Каждые три года Владыки убивали по девять жертв. Всего существовало двадцать семь — трижды трижды три — дат Фибоначчи. Моя рука коснулась чего-то, вычерченного в цементе. Я оттолкнула коробку в сторону, чтобы рассмотреть получше.

Крест в окружении семи кругов. Символ Владык, который я видела на деревянном гробу, а затем — на груди убийцы. Как и Лорел, Бо Донована растили Владыки. Как и мать Лорел, его мать была Пифией.

— Бо было шесть, когда Владыки проверили его, — сказала я, поднимая взгляд от пола. — Ему было шесть, когда его оставили умирать.

Бо — и Лорел — были рождены с одной единственной целью.

Девятка — величайший из нас, — много месяцев назад сказал мне Найтшэйд. — Неизменный. Мост от одного поколения к другому.

Я провела пальцами по символу.

— Семь Владык, — произнесла я. — Пифия. И Девятка.

Если Лорел пройдет их проверку, однажды она займет девятое место за столом Владык. Но кому это место принадлежит сейчас?

Величайший из нас. Мост от одного поколения к другому. Когда Найтшэйд произносил эти слова, в его голосе был трепет. Было тепло.

— Я знаю это лицо, Колорадо, — прищурившись, сказал Майкл. — Это лицо говорит «святое «запикано цензурой»». Это...

Я не стала дожидаться окончания фразы.

— Всё это время мы искали не Владыку ядов, который предшествовал Найтшэйду, — сказала я, касаясь креста. — Мы искали того, кто был частью Владык больше, чем двадцать семь лет. Того, кто властвовал над остальными. Всё это время мы искали Девятку.

ГЛАВА 55

Всё, что я знала о Малкольме Лоуелле, встало на свои места. Сколько лет из него вылепливали подобие Владык? Сколько лет его скрывали от мира? Когда ему наконец позволили завести жизнь за их стенами?

Сколько раз Владыки пытались вырастить нового ребенка, который занял бы его место?

За последние двадцать лет сменилось как минимум три Пифии. Моя мать. Мэллори Миллс. Пифия, которая родила Бо. Скорее всего, их было куда больше.

Каждая женщина рожала ребенка? Всех потенциальных Девяток проверили и посчитали недостойными? Бросили умирать?

Ты не хочешь, чтобы тебя заменили.

Сама того не ожидая, я зашагала к лестнице. Я принялась подниматься, перепрыгивая через две ступеньки за раз и направляясь к агенту Стерлинг. Но когда я поднялась наверх, знакомый голос заставил меня замереть.

— Я никуда не уеду, — в голосе Стерлинг звучала сталь.

— Уедешь, — когда директор Стерлинг приказывал Бриггсу, тот подчинялся, но с дочерью директора всё было иначе.

— Ты не уполномочен... — начала было агент Стерлинг, но её отец перебил её.

— Я не уполномочен решать, над какими делами могут или не могут работать Естественные. Ты об этом позаботилась, Вероника. Но, как твой начальник, я могу снять своих агентов — включая тебя — с этого дела.

— Мы так близки к разгадке. Ты не можешь...

— Могу и так и сделаю, агент. Я позволил вам отследить эту зацепку, а вы её упустили. Вы нашли человека, связанного с этой группировкой. А теперь Лоуелл сбежал и явно не собирается возвращаться, — всего на миг он прекратил свою словесную атаку. — У Бриггса три трупа, Вероника. Три места преступления, три жертвы, три набора фигурантов. Именно на этом ты должна сосредоточиться — и начиная с сегодняшнего дня так и будет.

Последовала долгая пауза — агент Стерлинг натянула свою внутреннюю броню.

— В последний раз ты снял меня с дела после убийства Скарлетт, — Стерлинг могла быть ничуть не менее жестокой, чем её отец. — Если бы тогда ты не вмешался, возможно, сейчас мы бы не находились в такой ситуации.

— Ты хотя бы рассказала девочке Хоббс о третьем трупе? — парировал директор Стерлинг. Его голос был мягок, но его слова ударили меня по груди с силой молота.

Он спросил, рассказала ли она мне. Не Дину, не Лие, не Майклу и не Слоан. Мне. Моё горло сжалось, когда я вспомнила о двух первых жертвах.

Я толкнула дверь подвала и вышла из него.

— Что с третьим телом?

Ко мне подошел Майкл. Его взгляд замер на лице агента Стерлинг. Я понятия не имела о том, что он видел, но увиденное заставило его сделать шаг вперед, словно он мог защитить меня от ответа на мой вопрос.

— Третья жертва, — хрипло повторила я, сосредоточившись на агенте Стерлинг и игнорируя её отца. — Вы с Бриггсом не упоминали о третьей жертве.

Майкл молча взглянул на Дина, который остановился по другую сторону от меня. Он стоял достаточно близко, чтобы я могла почувствовать исходящее от его тела тепло.

Но я ничего не чувствовала.

— Кэсси... — агент Стерлинг сделала шаг вперед. Я отшатнулась назад.

— Две первых жертвы были фигурантами в наших прошлых делах, — произнесла я. — А значит...

Я запнулась. Даже без способностей Майкла я поняла по глазам агента Стерлинг, что третья жертва была не просто фигурантом в одном из прошлых дел.

Прежде я думала, что убийца выбирал жертв либо в качестве наказания за то, что мы приехали в Гейтер, либо чтобы выманить нас из города.

Не нас, — осознала я. — Дело было не в нас.

Я достала свой телефон. Он был выключен. Когда я в последний раз его заряжала? Сколько звонков я пропустила?

— Кэсси, — повторила агент Стерлинг. — Ты знаешь третью жертву.

Ты

Слишком поздно. Если бы они узнали личность кого-то кроме Девятки, ты могла бы приказать устранить утечку — о, ты бы с радостью увидела, как старый подонок истекает кровью.

Ты бы с радостью пустила ему кровь.

Но остальные уважают и почитают его, а ты истекаешь кровью. Тебя они сковывают, тебя очищают пламенем, ножом и пальцами, сжимающимися на твоём горле.

Они хотят, чтобы ты вынесла приговор. Они хотят, чтобы ты сказала «да».

Лорелея умерла бы, чтобы защитить Кэсси. Лорелея никогда не дала бы им того, чего они хотят. Но ты не Лорелея.

Когда ты произносишь заветные слова, они освобождают тебя от цепей. Твоё тело резко падает на пол. Они бросают тебя в темноте с одним единственным факелом.

— Мамочка? — ты слышишь детский голосок, и из темноты появляется Лорел. Ты видишь в этом ребенке черты Лорелеи и черты Кэсси.

Когда Лорел подходит ближе, Лорелея пытается выбраться на поверхность, но ты сильнее её.

— Мамочка?

Ты смотришь ей в глаза. Лорел замолкает и замирает. Её взгляд ожесточается, и она походит скорее на призрака, чем на ребенка.

— Ты не моя мама.

Ты негромко хмыкаешь.

— Маме пришлось уйти, — говоришь ей ты. Ты шагаешь к ней и гладишь её по волосам с игривой улыбкой на губах. — И Лорел? Мама не вернется.

ГЛАВА 56

Когда мой телефон зарядился, я обнаружила на нём полдюжины пропущенных звонков — все они были от моей бабушки. Нонна вырастила семерых детей. У неё было почти две дюжины внуков.

Теперь их стало на одного меньше.

Я прожила с семьей моего отца пять лет. Моя кузина Кейн была всего на три года старше меня. А теперь она была мертва — вздернута, словно пугало и сожжена заживо. Из-за меня.

Ты сделала это, — подумала я. Я заставила себя повторить эти слова, но я обращалась не к себе и не к Н.О..

Все до единого инстинкты говорили мне, что мою кузину приговорил к смерти человек, которого я любила больше всего на свете — на веки вечные, несмотря ни на что.

Мама, ты хотела, чтобы я уехала из Гейтера? Ты хотела, чтобы я была в безопасности. Ты могла, даже не моргнув глазом, променять жизнь Кейт на мою. Ты уже делала это прежде.

Моя мать бросила свою младшую сестру — которую она защищала годами — с отцом-тираном, как только узнала, что беременна. Она променяла будущее и безопасность Лейси на мои.

Ты знала, что, если не сработает связь с нашими прошлыми делами, если она не заставит меня уехать из Гейтера — то заставит это.

— Что ты будешь делать? — негромко спросила у меня Слоан. Мы снова вернулись в

отель.

— Малкольм Лоуелл сбежал. Мы раскрыли убийства Кайлов, — я сделала паузу, глядя на Главную улицу через окно. — Моя мать прекрасно знала, как я поступлю, — я тяжело сглотнула. — Я поеду домой.

Прежде чем уехать из Гейтера, я должна была сделать одну остановку. Много лет я не знала, была ли моя мать мертва или жива. Я жила в забвении. Не могла горевать и не могла двигаться дальше.

Ри Саймон заслуживала знать, что произошло с её дочерью.

Когда мы пришли в закусочную, остальные разделились, позволяя мне сделать то, что я должна была. Когда Майкл с Дином, Лией и Слоан сели за столик, ко мне подошла агент Стерлинг.

— Ты уверена, что хочешь сделать это одна?

Я подумала о моей кухне Кейт. Мы не были близки. Я никогда не подпускала её близко. Потому что меня с детства учили держать людей на расстоянии. Потому что я была дочерью своей матери.

— Уверенна, — сказала я.

Стерлинг и Джадд сели. Через несколько минут к ним присоединился агент Старманс. В какой-то момент я задалась вопросом о том, куда подевалась Селин, но затем Ри увидела меня у барной стойки, и я сосредоточилась на том, что происходило здесь и сейчас.

Я хотела почувствовать ради неё то, что не могла почувствовать ради себя.

Налив кофе Стерлинг и Джадду, Ри обернулась ко мне. Она вытерла руки о передник и изучающе осмотрела меня.

— Я могу чем-то помочь, Кэсси?

— Мне нужно кое-что вам сказать, — мой голос звучал на удивление ровно и спокойно. — Это касается вашей дочери.

— Сары? — Ри изогнула брови и слегка подняла подбородок. — Что такое?

— Мы можем присесть? — спросила я у Ри.

Когда мы устроились за столиком, я положила на стол папку и достала из неё портрет, который нарисовала Селин.

— Это Сара?

— Конечно, Сара, — спокойно ответила Ри. — Здесь она немного похожа на Мэлоди.

Я кивнула. У меня не пересохло во рту. На мои глаза не навернулись слезы. Но я прочувствовала эти слова до самого естества.

— Сара не уехала из Гейтера, — сказала я Ри и взяла её за руку. — Она не бросила своих детей. Не бросила вас.

— Нет, — немногословно ответила Ри, — уехала.

Я поправилась:

— Она так и не уехала с Ранчо Покоя, — я знала, что Ри не поверит мне без доказательств, так что я достала из папки фото — тело Сары. Ри была умна. Она сопоставила факты — и поспешно отвергла вывод.

— Это может быть кто угодно.

— Реконструкция лица показала, что это она. Мы проведем и тест ДНК, но свидетель подтвердил, что десять лет назад её убил мужчина по имени Даррен Дарби.

— Дарби, — вот и всё, что сказала Ри.

Ты её не искала. Ты не знала.

— Мэлоди вернулась домой, — отрывисто произнесла Ри. — Думаю, за это стоит поблагодарить вас, — она ни слова не сказала о своей дочери. — Я принесу тебе кофе.

Пока Ри готовила кофе, я открыла на своём телефоне фотографию, которую я сделала несколько месяцев назад. Медальон, который Лорел носила на шее — и фото в нём. На снимке моя единоутробная сестра сидела на коленях у моей матери.

Сколько я раз я смотрела на это фото?

Сколько раз я гадала о том кем — или чем — стала моя мать?

— Не против, если я присоединюсь? — Селин проскользнула за столик напротив меня.

— Где ты была? — спросила я, не сводя взгляда с фото моей матери.

— То тут, то там, — ответила Селин. — Трупы меня не пугают. Другое дело, убийства. Я быстро решила, что Жуткий Дом Серийного Убийцы — не моё.

Ри вернулась с двумя чашками кофе — по одной для меня и Селин.

— Вот, пожалуйста.

Ри не хотела разговаривать. Она не хотела, чтобы это оказалось реальностью. Я понимала её.

— Кто это? — спросила Селин, вытягивая шею, чтобы получше рассмотреть фото на моём телефоне.

— Моя мать, — ответила я, чувствуя, что ответ был правдой лишь на половину. — И моя единоутробная сестра.

— Вижу сходство, — ответила Селин. Затем она сделала паузу. — Не против, если я посмотрю поближе?

Не дожидаясь ответа, она взяла у меня телефон. Я закрыла глаза и отпила кофе. Вместо того чтобы думать о моей матери, о вздернутой, словно чучело и сожженной живьём Кейт или о Нонне и о том, как это на неё повлияет, я вернулась к старой игре и принялась профилировать окружающих.

Поведение. Личность. Окружение. Даже не глядя, я знала, что Дин сидит спиной к мне. Ты хочешь подойти ко мне, но не станешь этого делать — пока я сама этого не захочу.

Я переключилась со второго лица к третьему, играя в эту игру так, как я играла в неё в детстве.

Майкл меня читает. Лия сидит рядом с Дином и притворяется, что не переживает. Слоан считает — плитки на полу, трещинки на стене, клиентов в закусочной.

Когда я открыла глаза, комната расплывалась. Сначала я подумала, что на мои глаза навернулись слёзы. Что размышления о семье, которую я нашла в программе, сломали плотину внутри меня и позволили мне горевать о моей кровной родне.

Но комната не перестала вращаться. Она осталась размытой. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла сформировать слова. Мой язык распух. Мне стало дурно и меня начало подташнивать.

Моя правая рука нащупала чашку кофе.

Кофе, — подумала я. Мне не удалось произнести слово вслух. Даже мои мысли перемешались. Я попыталась встать, но упала. Я попыталась ухватиться за столик, но вместо этого моя рука ударилась о ногу Селин.

Она не пошевелилась.

Она распласталась за столиком. Без сознания. Я заставила себя подняться на ноги. Мир продолжал кружиться, но когда я спотыкаясь шагнула вперед, я осознала — комната погрузилась в тишину. Никто не разговаривал. Никто не спешил на помощь.

Дин и Лия, Майкл и Слоан — тоже отключились за своими столиками.

Без сознания, — подумала я. — Или... или...

Кто-то поймал меня.

— Осторожнее, — словно издалека до меня донесся голос Ри. Я попыталась сказать ей, попыталась заставить свой рот сформировать слово, но не смогла.

Яд.

— Не думай, что я не ценю то, что вы сделали для Мэлоди — или для Сары, — мир погрузился в темноту, а Ри подалась вперед. — Но каждого проверяют, — прошептала она. — Каждый должен быть достоин.

ГЛАВА 57

Я очнулась в темноте на холодном каменном полу. Моя голова раскалывалась. Всё моё тело болело — а затем я вспомнила.

Ри. Кофе. Все остальные без сознания...

Я попыталась подняться на ноги, но не смогла встать. Моё тело казалось мне тяжелым и онемевшим, словно мои конечности принадлежали кому-то другому.

— Это пройдет.

Я резко подняла голову, вглядываясь в темноту в поисках источника голоса. Через миг щелкнула зажигалка, а затем на стене ожил факел.

Передо мной стояла Ри. Она выглядела точь-в-точь так, как я её помнила. Серьезная, но дружелюбная женщина.

— Вы — одна из них? — я уже знала ответ на этот вопрос.

— Я была в отставке, — ответила Ри. — Пока не умер мой ученик, — она одарила меня взглядом. — Насколько я понимаю, это произошло благодаря тебе.

— Вы завербовали Найтшэйда.

Она фыркнула.

— Найтшэйд. У мальчика всегда были задатки — но я задолжала его деду, и старик настаивал на том, чтобы я выбрала его своим наследником.

— Вы задолжали Малкольму Лоуеллу, — мой мозг принялся за работу. — Потому что это он привлек к вам внимание Владык.

Ри нежно улыбнулась.

— Тогда я была молода. Мой горе-муженек меня бросил. Моя горе-дочь пошла в отца. Малкольм начал заглядывать в гости на ужин. Никто не видит секреты так, как этот мужчина.

Секреты. Вроде того факта, что у вас есть склонность к убийствам.

— Малкольм увидел во мне что-то, — мягко продолжила Ри. — Он спросил, чтобы я сделала, если бы я когда-нибудь снова увидела отца Сары.

Человека, который бросил тебя одну, когда ты была беременна.

— Вы бы его убили, — к моему телу возвращалась чувствительность. Я начала остро ощущать мир вокруг — твердый каменный пол, потрескивание огня, кандалы на стене. — Он бросил вас, а те, кто сбегает, заслуживают то, что получают.

Ри ласково покачала головой.

— Ты всегда была похожа на мать — хорошо читала людей.

Вы попытались помочь моей матери, а она сбежала. Она даже не попрощалась. Я вспомнила о том, как Майкл читал Ри во время нашей первой встречи. Он сказал, что Ри нравилась моя мать, но в ней была и злость.

— Это вы предложили, чтобы моя мать стала Пифией? — спросила я. — Вы знали, что у неё нет никого, кроме меня. Вы почти наверняка подозревали, что она пережила насилие.

Ри не ответила.

— Однажды вы сказали мне, что мы жнём то, что сеём. Чтобы стать Владыкой, вы убили девять человек, — я сделала паузу, вспоминая снимки жертв на стене в Квантико. — Вы выбирали тех, кто этого заслуживал. Людей вроде вашего мужа. Тех, кто сбегал, — она не отреагировала, так что я продолжила. — Жизнь полна утопающих, — я повторила ей её собственные слова, — которые готовы утянуть вас за собой. Разве что вы утопите их первыми.

На какой-то миг мне показалось, что Ри может сорваться. Я подумала, что она может подойти ко мне. Но вместо этого, она закрыла глаза.

— Ты понятия не имеешь о том, как меняется взгляд на мир, когда ты знаешь, каково это — наблюдать за тем, как какой-то сукин сын, бросивший своих четверых детей, падает на землю. Его глаза закатываются. Тело цепенеет. Он до крови царапает себя, стены и пол. Пока не остается ничего кроме боли.

Ри описывала знакомую мне картину. Бо Donovan умер от яда Найтшэйда. Он царапал своё горло, пол...

Ты выбрала Найтшэйда. Ты учила его. У тебя есть талант к ядам. Это было вполне логично. По статистике, яд считался оружием женщины. И когда клиенты «Не-закусочной» начали отвечать на наши вопросы о семье Мэйсона Кайла, Ри прекратила разговор одним единственным словом.

Довольно.

Пошатываясь, я поднялась на ноги. Я всё ещё была слаба — слишком слаба, чтобы быть опасной.

— Вы убивали тех, кто заслуживал умереть, — я надела на слабое место. — Но я? Я этого заслуживаю?

Я хотела, чтобы она увидела во мне ребенка, которым я когда-то была — к которому она привязалась.

— Я никого не бросала, — продолжила я. — Это меня бросили, — мой голос едва заметно дрожал. — А мои друзья в закусочной? Они заслуживали умереть?

До этого момента я запрещала себе об этом думать. Я не позволяла себе вспоминать о распластавшейся за столиком Селин. О Майкле, Лие, Слоан и Дине. Агенте Стерлинг Джадде.

Я устояла на стоявшую передо мной психопатку. Скажи мне, что они просто были без сознания. Скажи мне, что ты просто дала им снотворное. Скажи, что они живы.

— Ты приехала в Гейтер за ответами, — сухо произнесла Ри. — Бегала по городу со своими друзьями из ФБР, заставляя нас гадать о том, помнишь ли ты что-нибудь, что могло привести тебя прямо к нашей двери. Ты нашла Малкольма. Это был всего лишь вопрос времени — скоро вы нашли бы и остальных.

— Мы всё ещё в Гейтере? — спросила я. — Мы недалеко?

Ри не ответила на мой вопрос.

— Кое-кто хотел вас убить — всех вас, — вместо этого, сказала она. — Некоторые выбрали другой вариант.

Я вспомнила о том, что Найтшэйд сказал мне о Пифии. Она — судья и присяжные. Её пытали и очищали, чтобы она могла вынести приговор.

Снова. И снова. И снова.

Моя мать пыталась заставить меня уехать из Гейтера. Они её сломали? Она сказала им привезти меня сюда?

Скрип двери вырвал меня из моих размышлений. В дверном проёме стоял человек в мантии с капюшоном, скрывавшим его лицо.

— Я хотел бы поговорить с нашей гостьей.

Ри фыркнула. Парень в капюшоне явно не слишком ей нравился. Этот разговор рассказал мне кое-что о расстановке сил в этой игре. Ты — ветеран. Он — хвастун, впервые оказавшийся на передовой.

Я перевела взгляд с Ри на парня в капюшоне. Ты молод, ты — новичок. Она — Владыка, а ты — ещё нет.

Этот человек убил мою кузину. Он убил Тори и Брайс. В нём было что-то знакомое. В его голосе...

— Однажды я сказал тебе, — провозгласил человек в капюшоне, — что, если долго всматриваться в бездну, бездна начнет всматриваться в тебя.

— Фридрих Ницше, — я узнала цитату — и надменный голос, который её произнёс. — Ассистент Джефф?

Я встретила его во время работы над делом Рэддинга, когда он попытался подцепить меня на поминках рассказом о своих «обширных» знаниях о серийных убийцах. Я провела вечер в пустой аудитории с этим парнем, Майклом и Брайс.

— Вообще-то Джеффри, — сухо поправил он, снимая капюшон. — А тебя зовут не Вероника.

Во время нашей последней встречи я назвалась фальшивым именем.

— Серьезно? — спросила я. — Думаешь, именно это стоит обсудить?

Во время нашей последней встречи я посчитала Джеффри надменным парнем, который не умел сочувствовать — но он не казался мне убийцей. Тогда ты им не был. Ты даже не был учеником. Смерть была для тебя игрой. Она казалась тебе абстрактной.

Как Владыки нашли тебя?

— Ты задаешься вопросом о том, как ты могла так во мне ошибиться, — самодовольно произнёс Джеффри. — Я всё о тебе знаю, Кассандра Хоббс. Я знаю, что ты расследовала дело Дэниела Рэддинга. Знаю, что ты помогла поймать его учеников, — он одарил меня сумасшедшей улыбкой. — Но меня ты не поймала.

Ты убил Брайс — она всегда действовала тебе на нервы. Затем Пифия нашептала тебе на ухо. Она сыграла на твоём эго? Сказала, кого убить? Взглянула на тебя, словно бездна?

Я шагнула вперед. Сила возвращалась к моим ногам.

— Ты сжег этих девушек, — я позволила себе звучать замороженно, играя на его эго, как играла моя мать. — Ты вздернул их и сжег их. Ты не оставил улики, — я уставилась на него. — Тебе нужна девятка. Но ты должен выбрать жертв сам, — негромко, обольстительно произнесла я, шагая к нему. — Они сделают тебя легендарным.

— Довольно, — выпалила Ри. Она заслонила Джеффри от меня. — Она с тобой играет, — сообщила ему она. — А у меня нет времени и желания за этим наблюдать.

Джеффри прищурился. Его руки свободно повисли вдоль тела. В один миг он просто стоял там, а затем он протянул ко мне левую руку.

— Позвольте мне проверить её, — произнёс он. — Позвольте мне очистить её. Медленно.

Огонь факела дрожал. Ты хочешь обжечь меня. Хочу услышать, как я закричу.

— Нет, — отрезала Ри. — Твоё время придет — после девяти убийств и не секундой раньше, — она достала что-то из кармана — небольшой круглый бочонок, не больше блеска для губ. — Со временем, — сказала мне она, откручивая крышку, — у человека вырабатывается иммунитет к ядам.

Она опустила палец в бесцветную массу.

Я вспомнила о Бо, который умер с криками, и обо всём, что Джадд рассказал мне о любимом яде Найтшэйда. Неизлечимый. Болезненный. Смертельный.

Ри сжала мой подбородок левой рукой. Стальной хваткой она повернула моё лицо в сторону.

Слишком поздно я попыталась сопротивляться. Слишком поздно попыталась отбиваться от её рук.

Она втерла массу в кожу на моей шее.

Не все яды нужно глотать. Сердце грохотало в моей груди. Некоторые яды впитываются сквозь кожу. Ри отпустила меня и сделала шаг назад. Сначала я ничего не почувствовала. А затем мир взорвался болью.

ГЛАВА 58

Моё тело пылало. Каждый нерв, каждый дюйм моей кожи — даже кровь в моих венах кипела.

На земле. Тело цепенеет. Помогите мне Боже.

Кто-нибудь, помогите...

Я царапала собственное горло. На каком-то уровне я осознавала, что рву собственную плоть. На каком-то уровне я осознавала, что у меня идёт кровь.

На каком-то уровне я слышала крики.

Моё горло сжалось. Я не могла дышать. Я задыхалась, но мне было плевать, потому что существовала только боль.

Кажется, я слышала поспешные шаги.

Кажется, кто-то позвал меня по имени.

Кажется, кто-то поднял меня на руки.

Но всё было... Я была...

Боль.

Мне снилось, что я танцую в снегу. Моя мать была рядом со мной. Она закинула голову к небу и ловила языком снежинки.

Сцена переменилась. Я стояла за кулисами сцены, на которой выступала моя мать. Мой взгляд замер на старике в зрительном зале.

Малкольм Лоуелл.

Без какого-либо предупреждения мы с мамой снова танцевали в снегу.

Танцевали.

Танцевали.

На веки вечные, не смотря ни на что.

Я проснулась от писка звукового сигнала. Я лежала на чём-то мягком. Заставив себя открыть глаза, я вспомнила...

Яд.

Боль.

Звук шагов.

— Полегче.

Я повернулась на звук голоса, но не смогла встать. Я находилась в больничной палате. Рядом со мной какая-то машина измеряла мой пульс.

— Ты была без сознания два дня, — рядом с моей постелью сидел директор Стерлинг. — Мы не знали, выживешь ли ты.

Мы. Я вспомнила звук шагов. Вспомнила, как кто-то звал меня по имени.

— Агент Стерлинг? — спросила я. — Джадд. Дин и остальные...

— Они в порядке, — заверил меня директор Стерлинг. — Как и ты.

Я вспомнила яд. Вспомнила, как задыхалась. Вспомнила боль.

— Как? — спросила я. Под одеялом моё тело дрожало.

— Есть противоядие, — коротко ответил директор Стерлинг. — Времени на то, чтобы ввести его, было совсем мало, но скоро к тебе должны вернуться силы.

Я хотела спросить о том, где они нашли противоядие. Хотела спросить, как они нашли меня. Но больше всего этого, я хотела увидеть остальных. Дина, Лию, Майкла и Слоан.

Директор Стерлинг показал мне небольшой предмет. Я тут же узнала его — маячок, который дала мне агент Стерлинг.

— На этот раз моя дочь всё-таки включила следящее устройство, — он сделал паузу.

Я сама не знала, почему дыхание застряло у меня в горле.

— Как жаль, — неспешно продолжил директор, повертев прибор на ладони, — что кто-то испортил следящую программу, которая привела бы к тебе ФБР.

По моей спине пробежал холодок.

— Дин, — внезапно, произнесла я. — Если бы он знал, где я, если бы они нашли меня...

— Он был бы здесь? — предположил директор Стерлинг. — Учитывая то, что я знаю о щенке Рэддинга, думаю, ты права.

Я попыталась встать, но что-то впивалось в мои запястья. Я посмотрела вниз.

Наручники.

Кто-то испортил программу слежения. Кто-то приковал меня к постели. Я снова взглянула на директора.

— Это не больница, — пульс эхом отдавался у меня в горле.

— Нет, — ответил он. — Не больница.

— У яда Владык есть противоядие, — я повторила слова, сказанные мне директором. — Но его нет у ФБР.

— Нет. У них его нет.

Владыки убивали уникальным ядом. Мне много раз говорили о том, что он был неизлечим.

Ведь лекарство было только у Владык.

Я вспомнила комнату с кандалами, яд и боль. Я слышала шаги. Кто-то позвал меня по имени.

— Для некоторых из нас, — негромко и плавно произнёс директор, — дело не в убийствах. А во власти.

Семеро Владык. И один из них — директор ФБР.

Отец агента Стерлинг поднялся на ноги и взглянул на меня сверху вниз.

— Представь группу, обладающую куда большей властью и связями, чем вы могли вообразить. Представь, что самые выдающиеся люди на планете поклялись вместе работать над общим делом. Представь верность, благодаря которой вы понимаете, что, если падет

один, падают все. Представь осознание того, что, если ты докажешь, что достоин, весь мир окажется у твоих ног.

— Как давно? — спросила я у директора. Как давно он стал одним из них.

— Я был молод, — ответил директор. — Амбициозен. И посмотри, как далеко я зашел, — он развел руки в стороны, словно показывая всё ФБР, всю власть, которой он обладал, как его глава.

— Владыки имеют место за столом только двадцать один год, — сказала я. Мой голос охрип — от криков, надежды и осознания того, что скоро станет хуже.

— Моё время в качестве действующего участника подошло к концу, — признался директор Стерлинг. — Но Пифия любезно перерезала горло моему преемнику, — он достал из кармана своего пиджака нож. — Не сказать, что я против. Некоторые права есть только у тех, кто заседает за столом, — он поднёс нож к моей щеке. Я ждала боли, но её не последовало. Вместо этого он поднёс свободную руку к моей второй щеке и ласково провёл ею по моей коже. — Другие права может получить и Владыка в отставке.

Я вздрогнула от его прикосновения.

— Скарлетт Хокинс, — я была прикована к постели, а у моей щеки застыл нож, так что я сопротивлялась единственным возможным способом. — Вы знали, что её убил один из вас.

Директор крепче сжал рукоятку ножа.

— Скарлетт не должна была оказаться целью.

— Найтшэйд убил её, — выпалила я. — Ему было плевать на то, что она была одной из ваших людей.

Директор Стерлинг опустил нож под мой подбородок и прижал его к коже достаточно сильно, чтобы на ней выступила кровь.

— Когда это произошло, я дал ему знать о своём недовольстве, как и снова... позже.

Он опустил нож. Я чувствовала, как по моей шее стекает кровь.

— Вы убили Найтшэйда, — осознала я. — Каким-то образом вам удалось пройти мимо охраны...

— Я выбираю охранников, — с горящими глазами поправил меня директор. — Я организую пересменки. Я лично контролировал перевод заключенного.

Я видела то, что должна была заметить раньше — у него был доступ. А ещё, как только у нас появилась зацепка в этом деле, он отправил нас на бесполезные поиски Селин.

— Вы знали, где держат Лорел, — мой голос надломился.

— Ребенок вернулся в надлежащие руки.

Я подумала о том, как Лорел глядела на цепи на детской площадке. Подумала о том, как она произносила слово «кровь».

— Вы — чудовище, — слова вырвались из моего рта. — Вы всё время относились к Дину так, словно из-за того, что сделал его отец, он был меньше, чем человеком. А всё это время вы били кем-то похуже.

— Всё это время я был лучше, — директор Стерлинг подался вперед. Его лицо застыло в дюймах от моего. — Дэниел Рэддинг был аматором, который возомнил себя мастером. И его сын посмел пытаться мою дочь?

Пора раскрыть карты, директор. Покажите мне свою слабость.

В один миг я осознала, что он разгадал мой план. Он отшатнулся от меня, изучая меня ледяным взглядом.

— Знаешь, я смотрел запись твоего разговора с Рэддингом, — он позволил мне усвоить

его слова. — И он был прав. Твоя мать — одна из тех, кто куется в огне, — он поднялся на ноги и зашагал к двери. — Она — всё, на что мы надеялись — и даже больше.

Ты

Кэсси здесь. Она у них. Не слишком удивительно. Это ты отдала приказ. Ты сказала Владыке ядов забрать Кэсси, а директору ФБР — использовать их ресурсы, что отправить её команду по ложному следу — далеко, далеко от всех вас.

— Я не хочу её убивать, — шепчешь ты, пока Лорелея слабо сопротивляется. — Но если выбирать между ней и нами...

Открывается дверь. Заходит Девятка. Малкольм. Он смотрит на тебя, затем мельком смотрит на спящую в углу Лорел. Этому ребенку полагается его заменить. Но он с большей радостью убьёт её.

— Первая проверка состоится, когда ей будет шесть, — пугающе спокойно произнёс старик. — Возможно, котенок или щенок. Она должна будет сделать это медленно. Когда ей будет девять — проститутка. Её привяжут к каменному столу. А когда ей будет двенадцать... — он переводит взгляд с Лорел на тебя. — Мы привяжем к столу тебя.

Ты читаешь между строк.

— Ты убил собственную мать.

— И забальзамировал её тело, чтобы она продолжила восседать за столом. В идеальной сохранности, десятилетиями, — он покачал головой. — Со временем, её заменили. Женщина за женщиной, ребенок за ребенком. И все они были недостойны.

Ты вспоминаешь о том, каково было вонзить нож в плоть Пятерки, и чувствуешь, как в твоих венах звенит кровь.

Ты достойна.

— Тебя слишком давно не проверяли, — продолжает Девятка. — Не думаешь, что в этой проверке есть что-то поэтичное?

Он думает, что ты — Лорелея.

Он думает, что Кэсси — твоя дочь.

Он думает, что ты не пойдешь на всё, чтобы выжить.

ГЛАВА 59

Грубые руки схватили меня и натянули мешок мне на голову. Я не знала, как давно из комнаты ушел директор, и кем был только что вошедший в неё мужчина. Я услышала щелчок наручников, а через миг кто-то резко поднял меня на ноги.

Вот оно, — подумала я, понятия не имея о том, куда меня ведут и что меня там ждёт. Я услышала скрип метала. Дверь?

Кто-то толкнул меня вперед, так сильно, что я упала на землю. Мои колени врезались в пол, но я успела остановиться за миг до того, как моё лицо ударилось бы о землю. Я почувствовала под своими руками песок, а затем с моей головы сорвали мешок.

Я моргнула от ослепляющего света. Мои глаза привыкали к свету довольно медленно. Когда мне наконец удалось различить окружающий меня мир, мужчина, который привёл меня сюда, уже исчез. Я обернулась как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как за мной захлопнулись металлические ворота.

Я была заперта.

Где? Я заставила себя сосредоточиться. Я всё ещё была в помещении, но пол был укрыт обжигающим песком, словно на него много дней светило солнце пустыни. Далеко наверху виднелся каменный потолок в форме купола. Я узнала вычерченные на нём символы.

Крест в окружении семи кругов.

Комната была круглой, а яму с песком окружали каменные трибуны.

Не яму, — осознала я. — Арену.

И тогда я всё поняла. Вы отравили меня. А затем излечили. Глубоко в моих воспоминаниях раздалось слова, много недель назад сказанные мне Найтшэйдом. Он сказал, что у всех нас был выбор. Сказал, что Пифия выбирала жизнь.

Возможно, однажды выбирать придется тебе, Кассандра.

Владыки похищали женщин — женщин с травматическим прошлым. Женщин, которые могли стать кем-то другим. Они делали так, чтобы женщины оказались на грани смерти — достаточно близко, чтобы ощутить её на вкус, а затем...

Кто-то шагнул ко мне из темноты. Мой взгляд метнулся в другую сторону, и я заметила у стены семь видов оружия.

Семь Владык. Семь способов убийства.

Фигура на противоположной стороне арены сделала ещё несколько шагов в моём направлении. Краем глаза я заметила, как возвышающиеся над нами сидения заполняют люди в капюшонах. Но я могла думать лишь о том, что они привезли меня сюда, чтобы я сразилась с Пифией. А значит, ко мне приближалась хорошо знакомая мне женщина.

Её лицо скрывал капюшон. Но когда я поднялась на ноги и шагнула к ней, словно мотылек, летящий на свет, она сняла его.

За последние шесть лет её лицо изменилось. Она не постарела, но похудела и стала намного бледнее. Черты её лица выглядели так, словно их вырезали из камня. Её кожа походила на фарфор, а её глаза казались огромными.

И всё же она была самой прекрасной женщиной на свете.

— Мама, — слово сорвалось с моего языка. В один миг я неуверенно шагала к ней, а в следующий разделявшее нас расстояние исчезло.

— Кэсси, — её голос оказался ниже, чем я помнила. Он был хриплым. А когда она обняла меня, я осознала, что кожа на её лице выглядела такой гладкой из-за контраста.

Остаток её тела был покрыт извивающимися, сморщенными шрамами.

Семь дней и семь мук. Я задохнулась. Моя мать притянула меня к себе, опуская мою голову себе на плечо. Она прижала губы к моему виску.

— Тебя не должно здесь быть, — произнесла она.

— Я должна была тебя найти. Когда я узнала, что ты была жива, когда узнала, что они держат тебя в плену — я не могла перестать искать. Я бы никогда не перестала искать тебя.

— Знаю.

Что-то в голосе моей матери напомнило мне о том, что за нами наблюдали. Я видела за её спиной сидящих Владык — шестеро мужчин и одна женщина. Директор Стерлинг. Ри. Я попыталась запомнить лица остальных, но что-то заставило меня поднять глаза.

Малкольм Лоуелл сидел выше остальных. Он не сводил с меня глаз.

Девятка — величайший из нас. Мост от одного поколения к другому...

— Мы должны отсюда выбраться, — негромко произнесла я. — Мы должны...

— Мы не можем, — произнесла моя мать. — Выхода нет, Кэсси. Не для нас.

Я попыталась отстраниться, чтобы посмотреть ей в лицо, но она крепче сжала меня, прижимая к себе.

Крепко.

Сидящая на трибунах Ри поймала мой взгляд, а затем посмотрела на дальнюю стену.

Как и у стены за моей спиной, у неё лежало оружие.

Шесть видов. Не семь. Шесть.

— Куда делся нож? — выдавила я. — Мама...

Рука, только что гладившая мои волосы, крепко ухватилась за них. Она дернула мою голову в сторону.

— Мама...

Она поднесла к моему горлу нож.

— Ничего личного. Либо ты, либо я.

Меня столько раз предупреждали о том, что моя мать могла оказаться не той женщиной, которую я помнила.

— Ты не хочешь это делать, — дрожащим голосом произнесла я.

— В том-то и дело, — с горящими глазами, прошептала она. — Я хочу.

ГЛАВА 60

Моя мать никогда не причинила бы мне вред. Ради меня она сбежала из дома. Бросила собственную сестру. Она была для меня всем, а я была всем для неё.

Кем бы ты не была, ты не моя мать. Эта мысль пустила корни в глубине моего мозга. Я вспомнила о том, как Лия рассказала мне, что в детстве она притворялась, что всё плохое происходило не с ней. Что всё это делала не она. Я вспомнила о том, как Лорел сказала, что она не играет в игру.

В неё играет Девятка.

Девятка внутри Лорел не была полноценным человеком. Но ты — человек.

— Семь дней и семь мук, — мягко произнесла я. — Они пытали её. Снова и снова. Они насиловали её, один за другим, пока она не забеременела Лорел.

В какой-то миг она осознала, что я говорю не сама с собой.

— Я гадала о том, как человек может это пережить, но в том-то и дело. Она это не пережила, — клинок прижимался к моему горлу, и я подавила желание сглотнуть. — А ты пережила.

Она ослабила хватку на моих волосах.

Люди смотрят на тебя и видят её. Они любят её. Но это ты сильна. Ты важна. Ты заслуживаешь, чтобы тебя увидели.

— Ты родилась здесь? — спросила я, изучая её лицо в поисках намека на то, что мои слова угодили в цель. — Или ты была с ней намного дольше?

Она ещё немного ослабила хватку. Этого было недостаточно. У неё был нож. У меня его не было.

— У тебя есть имя? — спросила я.

Никто никогда не спрашивал её об этом. Никто и никогда тебя не видел.

Женщина с лицом моей матери улыбнулась. Она закрыла глаза. А затем она отпустила меня.

— Меня зовут, — эхо от её голоса было достаточно громким, чтобы Владыки смогли услышать её слова, — Кассандра.

Я отползла назад. По моим рукам пробежали мурашки.

— Лорелея даже не знала о моём существовании, — сказала эта женщина — Кассандра. — Она даже не догадывалась, что каждый раз, когда её отец приходил к ней в комнату, а она отключалась — это было не милосердие. Не удача. Это была я, — Кассандра обошла меня по кругу, словно хищник. — Когда появилась ты, когда она дала тебе имя...

Мне нравится думать, что это было благодарностью, даже если она этого не осознавала.

Кассандра крепче сжала нож.

— Но когда появилась ты, я стала ей не нужна. Она стала сильнее, ради тебя. А меня посадили под замок.

Я осторожно отошла к стене — к оружию. С каждым шагом я профилировала её. Ты контролируешь ситуацию. Ты сильна. Ты делаешь то, что должна — и тебе это нравится.

Чем бы ни был этот осколок души моей матери до того, как её похитили Владыки, тебе она стала чем-то другим.

Ты убьешь меня. Я не собиралась поднимать нож, но в один миг он лежал на земле, а в следующий — он оказался в моей руке. Я подумала об окровавленной гримерке моей матери. Подумала о том, как мы танцевали в снегу на обочине. Как моя мама закинула голову к небу и ловила снежинки языком.

Ты убьешь меня. Пока она приближалась ко мне, я почувствовала, как в моей руке тяжелеет нож. Если я не убью тебя первой.

Моё сердцебиение замедлилось. Я крепче сжала нож. А затем, без какого-либо предупреждения я осознала, что я не смогу его использовать.

Если я убью этого монстра, я убью и мою мать.

Возможно, — когда-то сказал мне Найтшэйд, — однажды выбирать придется тебе.

Я опустила руку.

— Я не могу сделать тебе больно. И не стану.

Я ожидала увидеть в глазах моей соперницы победу. Но вместо этого, я увидела страх.

Почему? — гадала я. Я затем я осознала. Ты дерешься. Ты выживаешь. Ты защищаешь Лорелею — но что, если тебе не от кого её защищать?

— Я — не опасна, — я замерла и прекратила сопротивляться. — Дом — это не место, — мой голос прозвучал так же хрипло, как прежде звучал её. — Не постель, куда можно вернуться, не двор и не новогодняя ёлка на праздники. Дом — это люди, которые тебя любят.

Она выставила перед собой нож и зашагала ко мне, наблюдая за рукой, в которой я сжимала клинок.

Я уронила нож на землю.

— Дом — это люди, которые тебя любят, — повторила я. — В детстве у меня был дом, как и сейчас. Есть люди, которые любят меня, и люди которых я люблю. У меня есть семья, которая умерла бы за меня, — я понизила голос до шепота. — А я бы умерла за тебя.

Не за Кассандру. Не за Пифию. Даже не за Лорелею — кем бы она не была и кем бы она не стала. За мою маму. За женщину, которая учила меня танцевать. За ту, кто целовала мои разбитые коленки, ту, кто учила меня читать людей и каждый день говорила мне, что она меня любит.

— Я убью тебя, — прошипела Кассандра. — И мне это понравится.

Ты хочешь, чтобы я подняла нож. Хочешь, чтобы я сражалась.

— На веки вечные, — я закрыла глаза в ожидании.

На веки вечные.

На веки вечные.

— Не смотря ни на что.

Эти слова произнесла не я. Я открыла глаза.

Женщина с ножом дрожала.

— Не смотря ни на что, Кэсси. Не смотря ни на что.

ГЛАВА 61

Дрожащие руки моей матери коснулись моего лица.

— О, малышка, — прошептала она. — Ты так выросла.

Стоило мне услышать голос моей матери, увидеть выражение её лица и ощутить родное прикосновение её рук, что-то во мне сломалось.

— Ты такая красивая, — её голос надломился. — Малышка. Нет, — она отпрянула от меня. — Нет, нет, нет... Ты не должна здесь находиться.

— Очень трогательное воссоединение... — директор Стерлинг поднялся на ноги. — Но задание остается неизменным.

Моя мама попыталась сделать шаг назад, но я ей не позволила. Я понизила голос, чтобы Владыки не слышали.

— Они не смогут нас заставить.

Её взгляд опустел.

— Они могут заставить нас сделать всё, что угодно.

Мой взгляд опустился на шрамы на её руках и груди — на каждом дюйме её кожи, кроме лица. Некоторые были гладкими. Некоторые — сморщенными. Некоторые ещё не успели зажить.

На трибунах Малкольм Лоуелл поднялся на ноги. Владыки один за другим последовали его примеру.

Я наклонилась, чтобы поднять с земли мой нож. Мы можем драться — пусть недолго, пусть мы не одолеем их всех, но лучше драться с ними, чем друг с другом.

— Я не хочу такой жизни, — сказала моя мама. — Для тебя.

Шрамов. Боли. Роли Пифии.

— Моя команда нас найдёт, — я вспомнила Лию и постаралась сделать так, чтобы мои слова прозвучали правдиво. — Где бы не находилось это место, они не перестанут искать. Они узнают, что директор работает с ними. Нам просто нужно выиграть время.

Моя мама посмотрела на меня, и я осознала, что, хоть именно она вырастила и любила меня; хоть она сделала меня той, кем я была, я всё ещё не могла её читать. Не так, как я читала всех остальных. Я не знала, о чём она думает. Не знала, через что она прошла.

Я не знала, почему она кивнула.

На что ты соглашаешься?

Хлопнула дверь, оповещая меня о возвращении Малкольма Лоуелла. Я даже не заметила, как он ушел. Стоило мне увидеть, за чем он ходил, у меня перехватило дыхание.

Лорел.

Она появилась на свет, чтобы занять место Малкольма, чтобы стать Девяткой. А теперь его руки покоились у неё на плечах. Он подтолкнул её к директору Стерлингу, а тот схватил Лорел за руку.

Теперь я понимала, что имела в виду моя мать.

Они могут заставить нас сделать всё, что угодно.

Директор достал из кармана нож.

— Сражайтесь, — сказал он, поднося нож к горлу Лорел, — или она умрёт.

Не дожидаясь ответа, директор начал резать. Совсем немного. Только предупреждение. Лорел не закричала. Она не пошевелилась. Но вырвавшееся из её рта хныканье, ударило меня с физической силой.

— Ты уверенна, что твоя команда тебя найдёт? — моя мать подняла собственный нож. — Мы находимся посреди пустыни, в богом забытом месте, под землей. Если они будут изучать прошлое Малкольма, они могут догадаться, но большинство людей не смогли бы ничего найти.

Дин. Майкл. Лия. Слоан.

— Я уверенна, — сказала я. — Где бы мы ни были, они нас найдут.

Моя мать кивнула.

— Хорошо.

— Хорошо? — переспросила я. Что ты имеешь в виду?

Она шагнула ко мне.

— Мы должны сражаться. Лорел — всего лишь ребенок, Кэсси. Она — это ты и я. Она наша. Понимаешь?

Они могут заставить нас сделать всё, что угодно.

— Ты должна меня убить, — ледяные и непреклонные слова моей матери врезались в меня, словно нож.

— Нет, — сказала я.

— Да, — моя мать обошла меня кругом, как прежде делало её альтер-эго. — Ты должна драться Кэсси. Одна из нас должна умереть.

— Нет, — я принялась качать головой и отошла от неё, но мой взгляд застыл на ноже.

Ты больше не обязана играть в эту игру. Я вспомнила обещание, которое я дала своей сестре. Больше никогда. Ты не должна быть Девяткой.

— Возьми нож, Кэсси, — произнесла моя мать. — Используй его.

Пусть это будешь ты, — подумала я. — Убей меня. Теперь я понимала, почему она спросила, уверенна ли я в том, что нас найдут. Если бы ты думала, что обрекаешь меня на жизнь Пифии, ты убила бы меня из милосердия.

Ты бы вонзила нож в мою грудную клетку, чтобы спасти меня от своей судьбы.

Но я сказала ей, что уверенна.

Воздух прорезал резкий крик. Лорел больше не молчала. Она не выглядела храброй. Не была Девяткой. Просто ребенок. Он делает ей больно. Он убьет её, если я не... Нет.

— Да, — произнесла моя мать, шагая ко мне. Она всегда знала, о чём именно я думаю. Только определенные люди знали меня так хорошо.

Те, кто любил меня. На веки вечные.

— Сделай это, — сказала она, вжимая свой нож в мою ладонь. — Ты должна, малышка. Ты — лучшее, что я создала в своей жизни. Моё единственное достижение. Я не могу позаботиться о Лорел, больше не могу, — она не плакала. Не паниковала.

Она была уверенна.

— Но ты можешь, — продолжила она. — Ты можешь любить её. Можешь быть рядом. Ты сможешь выбраться отсюда и жить. А для этого... — она сжала мою левую руку в своей и заставила меня поднести нож к своей груди. — Ты должна меня убить.

Мы танцуем в снегу. Я сворачиваюсь в клубочек на её коленях. Поведение. Личность. Окружение.

Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я...

Она крепче сжала мою руку. Заслонив меня от Владык, она дернула меня вперед. Моя ладонь на ноже. Её ладонь на моей. Я почувствовала, как нож вонзается в её грудную клетку. Она ахнула. Вокруг раны появилась кровь. Я хотела вытащить нож.

Но, ради Лорел, я этого не сделала.

— На веки вечные, — прошептала я. Я держала её. Она рухнула вперед, истекая кровью. Жизнь угасала в её глазах.

Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я не отвела взгляд. Я не моргнула, даже когда я слышала, как открывается дверь.

Даже когда я слышала голос агента Бриггса.

— Ни с места!

Моя мама не двигается. Её сердце не бьется. Её глаза меня не видят. Я вытащила нож из её груди и её тело упало на землю. Комнату заполнили агенты ФБР.

Я люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя.

Её больше нет.

ГЛАВА 62

На каком-то уровне я осознавала, что кто-то стреляет. Я знала, что кого-то арестовывали. Но я замерла с окровавленным ножом в руке и не могла поднять глаза. Не могла наблюдать за этим.

Не могла отвести взгляд от тела.

Рыжие волосы моей матери окружали её лицо, словно пламенный ореол на белом песке. Её губы пересохли и потрескались, а глаза невидяще уставились на мир.

— Опустит нож! — словно издалека раздался голос агента Стерлинг. — Отойди от девочки!

Я не сразу осознала, что она обращалась не ко мне. Она имела в виду не мой нож. Я обернулась, заставляя себя поднять глаза к трибунам.

К директору.

К Лорел.

Он стоял за ней, прижав нож к её горлу.

— Либо вы позволите нам двоим уйти отсюда, — сказал он, — либо ребенок не выживет.

— Вы не убиваете детей, — я не сразу поняла, что эти слова произнесла я.

Мы нашли сотни жертв Владык, но среди них не было детей. Когда Бо Donovan провалил проверку, они не перерезали ему горло. Они бросили его умирать в пустыне.

— Существуют ритуалы, — произнесла я. — Правила.

— И всё-таки, тебе ведь ещё нет восемнадцати, Кэсси? — директор не сводил взгляда со своей дочери. — Я всегда считал, что мы сами придумываем правила. Разве не так, Вероника?

Агент Стерлинг глядела на своего отца. В какой-то миг я увидела в ней маленькую девочку. Ты обожала его. Уважала его. Ради него ты вступила в ФБР.

Она нажала на курок.

Я слышала выстрел, но не осознавала, что произошло, пока не увидела крохотную красную точку на лбу её отца. Директор Стерлинг упал на землю. Агенты ФБР бросились к Лорел, а моя сестра опустилась на колени и коснулась раны на лбу своего мучителя.

Она подняла взгляд и посмотрела мне в глаза.

— Кровь принадлежит Пифии, — почти мелодично сказала мне она. — Кровь принадлежит Девятке.

ГЛАВА 63

Позабывшиеся о Лорел врачи скорой помощи, настояли на том, чтобы осмотреть и

меня. Я попыталась сказать им, что эта кровь не моя, но не смогла выдавить ни слова.

Рядом со мной присела агент Стерлинг.

— Ты сильная. Ты умеешь выживать. Ты ни в чём не виновата.

Мой внутренний профайлер понимал, что она говорит эти слова не только мне. Я убила свою мать. Она убила своего отца.

Как такое пережить?

— Очень трогательный момент, — мои размышления нарушил голос, — но некоторым из нас пришлось врать, шантажировать и/или открыто угрожать как минимум шести федеральным агентам, чтобы нас пропустили через оцепление. И мы не умеем ждать.

Я подняла глаза и увидела в шаге от нас Лию. К ней прижималась Слоан со свирепым выражением на лице. За ними Майкл удерживал Дина. Каждый мускул в теле моего парня был напряжен.

Майкл шантажировал ФБР, — подумала я. — А ты, Дин, угрожал им. Открыто.

Всю свою жизнь Дин контролировал свои эмоции, никогда не теряя контроля. Он сопротивлялся каждому намеку на жестокость. Но по его позе и по тому, как он смотрел на меня — словно человек, умирающий от жажды в пустыне и увидевший мираж — тебе плевать, что тебе придется сделать, кому придется причинить боль или угрожать.

Ты думаешь только обо мне.

Я встала. Мои ноги дрожали. Майкл отпустил Дина. Мой парень поймал меня, прежде чем я успела упасть, и что-то во мне разбилось на части. Оцепенение отступило и внезапно я всё почувствовала — боль от пореза на горле, призрак боли от яда, прижимающееся ко мне тело Дина.

Я чувствовала, как сжимаю в руке нож.

Чувствовала, как держу мою мать и наблюдаю за тем, как она умирает.

— Я убила её, — моё лицо опустилось на грудь Дина. Слова вырвались у меня, словно вырванный с силой зуб. — Дин, я...

— Ты не убийца, — Дин накрыл мой подбородок своей правой ладонью, а левой рукой он ласково провёл по моей челюсти. — Ты сочувствуешь каждой жертве. Ты носишь на плечах вес вселенной, и если бы у тебя был выбор, ты бы сказала Владыкам забрать тебя, — голос Дина охрип. Его темные глаза нашли мои. — Этого Владыки никогда не понимали. Ты бы добровольно пришла туда и осталась там навсегда, не только ради меня, Майкла, Лии или Слоан, но ради кого угодно. Потому что ты такой человек, Кэсси. С того дня, когда ты зашла в примерку твоей матери, с тех пор, как тебе было двенадцать, ты веришь, что ты в этом виновата. Что на её месте должна была оказаться ты.

Я попыталась отстраниться от него, но он крепко держал меня.

— Ты искала — снова и снова — способ всё исправить. Ты не убийца, Кэсси. Ты должна принять то, что иногда всем жертвует не тот, кто умирает, — он опустил голову, касаясь своим лбом моего. — Иногда сложнее всего тому, кто остается в живых.

Моё тело тряслось. Дрожащими руками я коснулась его груди, шеи и лица. Словно касаясь его, я делала его слова правдой.

Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Я слышала всхлипывания и только тогда осознала, что плачу. Я сжала его шею, его футболку, его плечи, крепко цепляясь за него.

— Я люблю тебя, — Дин прочитал мои мысли. — Сегодня, завтра, в крови или просыпающейся с криками посреди ночи — я люблю тебя, Кэсси, и я рядом. Я никогда тебя

не брошу.

— Никто из нас тебя не бросит, — негромко произнесла Слоан. Я знала её достаточно хорошо, чтобы понимать — она не была уверена в том, личный ли это момент. Захотим ли мы её присутствия.

Но ты не могла остаться в стороне.

— Ты не одна, — сказала Слоан. — И я не стану спрашивать, подходящее ли сейчас время, чтобы тебя обнять. Мои подсчёты почти наверняка говорят, что подходящее.

Не сказав ни слова, Майкл обнял меня вслед за Слоан.

Лия взглянула на меня, изгибая бровь.

— Я не плакала, когда ты исчезла, — сообщила она. — Ничего не ломала. Не чувствовала себя так, словно меня опустили в яму.

Впервые с момента нашего знакомства, я поймала Лию на лжи.

— Как вы меня нашли? — я сделала Лии одолжение и сменила тему.

— Это были не мы, — сказала Слоан. — А Селин.

Селин? Я поискала её взглядом и увидела её за полицейским оцеплением. Она наблюдала за нами издали, а её темные волосы развивались на слабом ветру.

— Фотография, — произнесла агент Стерлинг. — Твоей матери и Лорел, — моя младшая сестра спала в машине скорой помощи за её спиной.

— Что с фотографией? — спросила я.

— Селин увидела сходство между тобой и твоей матерью, между твоей матерью и Лорел, и между Лорел... — всего на миг выражение лица агента Стерлинг изменилось, — ... и мной.

Я вспомнила о том, как директор Стерлинг сказал мне, что некоторые права — например, право пытать Пифию — были доступны только действующим членам секты, а другими правами обладали и те Владыки, которые уже передали свои места ученикам.

Ты поднёс нож к моему горлу. Ты ласково провёл рукой по моей щеке.

На протяжении нескольких последних месяцев я старалась не думать о том, как зачали Лорел.

— Она не только моя сестра, — я посмотрела в глаза агента Стерлинг. — Но и ваша.

— Мы выследили директора, — к нам подошел агент Бриггс. Он остановился рядом с агентом Стерлинг — так же близко, как Дин стоял рядом со мной. — И он привёл нас к тебе.

Довольно долго Стерлинг смотрела прямо перед собой. Я ждала, что она переключится в режим агента Вероники Стерлинг, отшатнётся от Бриггса, чтобы показать, что её отец годами манипулировал ими обоими.

Вместо этого Стерлинг позволила своему показному спокойствию дрогнуть. Она подалась навстречу Бриггсу. Он обвинил её рукой.

Мы одинаковые, — подумала я, наблюдая за тем, как Стерлинг выпускает свои эмоции на свободу. — Лорел принадлежала агенту Стерлинг, как принадлежала и мне. Как и то, что произошло в подземелье Владык. То, что мы сделали.

То, с чем нам придется жить.

— Идём, — сказал Дин, касаясь моего виска губами. — Поехали домой.

Три недели спустя...

Во второй раз я похоронила свою мать в Колорадо. На этот раз похороны были

настоящими. На этот раз именно её тело лежало в гробу. А ещё на этот раз меня окружала не только семья, которую я нашла в программе «Естественных».

Здесь была семья моего отца. Мои тёти, дяди и кузены. Мой отец. Нонна.

Я рассказала им одну из версий правды — ту, над которой мы поработали с ФБР. Я сказала, что мою мать убили те, кто был в ответе за смерть моей кузины Кейт, а Лорел была моей сестрой.

Она — это ты и я. Она наша. С тех пор, как мы закрыли дело Владык, слова моей матери постоянно звучали в моих мыслях.

В ту ночь ФБР обнаружило и обезвредило девятерых убийц — семерых Владык, одного ученика и мужчину, рожденного, чтобы ими руководить. Шестеро убийц были задержаны. Трое — Малкольм Лоуелл, директор Стерлинг и ассистент Джефф — мертвы. Пока что ФБР не разглашало подробности дела, но им не удастся долго его скрывать.

А пока что Лорел нуждалась в том, что я не могла дать ей в одиночку.

— Ты пойдешь домой вместе со мной, — заявила Нонна, как ни в чём не бывало, поднимая мою сестру на руки. — Мы будем готовить печенье. А ты! — она указала на Майкла. — Ты нам поможешь.

Майкл улыбнулся.

— Так точно.

Нонна взглянула на него, прищурившись.

— Я слышала, у тебя есть проблемы с поцелуями, — именно к такому выводу она пришла много месяцев назад, когда я отказалась обсуждать свою личную жизнь. — Если будешь хорошо себя вести, я дам тебе пару советов.

Дин чуть не задохнулся, стараясь сохранить серьёзное выражение лица. Именно такой была Нонна — наполовину генерал, наполовину — наседка с цыплятами. Я вернулась именно к ней — а не к отцу, который не мог смотреть мне в глаза. Джадд улыбнулся, наблюдая за тем, как Нонна ловко поставила Майкла на место.

— Твоя бабушка, — спросил он. — Она замужем?

Один за другим остальные разошлись, позволяя мне побыть одной на могиле моей матери. Психолог, которого направило ко мне ФБР, сказал, что у меня будут как хорошие, так и плохие дни. Иногда было сложно отличить их друг от друга.

Не знаю, сколько я стояла там в одиночестве, пока не услышала шаги. Я обернулась и увидела агента Бриггса. Он выглядел точь-в-точь так, как в день нашей первой встречи. Тогда он бросил мне вызов и использовал дело моей матери, чтобы уговорить меня с ним встретиться.

— Директор, — я поприветствовала Бриггса его новым званием.

— Ты уверена, — спросил директор ФБР Бриггс, — что хочешь именно этого?

Я хотела вернуться в наш дом в Квантико, словно ничего не изменилось. Хотела спасти людей. Хотела работать за кулисами, как прежде.

Но люди не всегда получали то, чего хотели.

— Я должна остаться здесь, — сказала я. — Если кто-то может дать Лорел нормальное детство, то это моя бабушка. А я не могу её бросить — не после всего, что произошло.

Несколько секунд Бриггс изучал меня.

— Что, если бы тебе не пришлось её бросать?

Я выжидала. Он был не из тех, кто может долго терпеть тишину.

— В Денвере есть оперативный штаб, — произнёс Бриггс. — И я слышал, что Майкл

приобрел огромный дом неподалеку от дома твоей бабушки. Дин и Слоан в деле. Селин Делакруа предложила свою кандидатуру. Лия требует повышения зарплаты.

— Нам не платят, — сказала я.

Директор Бриггс пожал плечами.

— Теперь платят. Оперативная группа отслеживает оставшихся Владык в отставке. Учитывая то, какое внимание может привлечь это дело, Директор Национальной разведки не хочет привлекать к нему подростков. Но теперь вы совершеннолетние, и есть другие дела...

Другие жертвы, другие убийцы.

— Как насчет агента Стерлинг? — спросила я.

Бриггс уныло улыбнулся.

— Я сделал ей предложение. Она постоянно отказывает. Говорит, что мы уже это проходили, — выражение его лица напомнило мне о том, что Бриггс любил соревноваться. Он не отпустит свою бывшую жену так просто. — Она попросила перевести её в денверский штаб, — добавил Бриггс. — Кажется, Джадд тоже что-то упоминал о переезде.

Когда я решила не возвращаться в Квантико, я думала, что мне придется всё бросить. Но я должна была понимать — дом — это не место.

— Мы могли бы пойти в колледж, — размышляя об остальных, произнесла я. — Закончить его и вступить в академию ФБР в Квантико. Делать всё по правилам.

— Но... — подсказал Бриггс.

Мы всегда были ненормальными. Мы никогда не играли по правилам.

— Я тут думала, — через несколько секунд сказала я. — Селин оказалась очень полезной в этом деле. Должны быть и другие.

Другие молодые люди с невероятными талантами. Люди, у которых нет дома и пути. Люди с прошлым, полным призраков и потенциалом.

— Другие Естественные, — добавил Бриггс. — Чтобы продолжать программу.

Эти слова зажгли во мне что-то — искру, ощущение цели, пламя. Позволив себе почувствовать это, я посмотрела на него и кивнула.

Новоиспеченный директор ФБР медленно улыбнулся.

Игра началась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net